

N.N. Kradin

POLITICAL ANTHROPOLOGY

The book gives the reader a systematic exposition of the history of the anthropological theories along with the analysis of the most important modern schools and trends. The socio-biological and cultural grounds of power, forms of social stratification and mobility are considered. The power structure and leadership evolution are analyzed with regards to different society types.

Moscow
Logos
2004

Н.Н. Крадин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Издание второе, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших
учебных заведений по специальностям
020200 Политология и 350100 Социальная антропология*

Москва
Логос
2004

УДК 321
ББК 66.1
К78

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.М. Кузнецов*
доктор исторических наук, профессор *А.В. Коротаев*
доктор философских наук, профессор *С.Е. Ячин*

Крадин Н.Н.

К78 Политическая антропология: Учебник. – 2-е изд.,
испр. и доп. – М.: Логос, 2004. – 272 с.

ISBN 5-94010-281-6

Систематически излагается история политантропологических учений, анализируются основные современные школы и течения в этой области. Рассматриваются социобиологические и культурные основы власти, формы социальной стратификации и мобильности. Исследуются структура власти и эволюция лидерства в различных типах обществ. Большое внимание уделяется феномену государства, причинам его возникновения, путям политогенеза, типам и формам государственности. От 1-го издания (Ладомир, 2001) отличается углубленным анализом современных процессов модернизации политических институтов в посттрадиционных обществах, в том числе в странах СНГ. Усилены методические аспекты.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Политология» и «Социальная антропология». Может использоваться в учебном процессе по широкому кругу специальностей и направлений при углубленной подготовке магистров в области политических наук. Представляет интерес для ученых и специалистов в области политологии, культурологии, социологии, антропологии и других социально-гуманитарных дисциплин.

ББК 66.1

ISBN 5-94010-281-6

© Крадин Н.Н., 2004
© «Логос», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	9
1. Что такое антропология?	9
2. Политическая антропология	12
3. Методы и методологические подходы	20
4. История политической антропологии	31
Глава 2. ПРИРОДНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ НЕРАВЕНСТВА И ВЛАСТИ	49
Глава 3. ВЛАСТЬ И ТРАДИЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО	87
1. Власть и господство	87
2. Традиционное господство	92
3. Особенности доиндустриальных обществ	96
4. Путь к власти	115
Глава 4. ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ	149
1. Эгалитарные и неэгалитарные общества	149
2. Ранжированные общества	153
3. Вождество и его альтернативы	163
4. Происхождение государства	174
Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	193
Литература	235
Приложение 1. Программа курса «Политическая антропология»	261
Приложение 2. Терминологический словарь	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антропологические концепции политогенеза развивались в известной степени независимо от теории политической науки, хотя любой антрополог, знакомый с работами современных политологов, может найти очень много общего в механизмах формирования архаических и современных политических институтов. Например, при внимательном чтении широко известных трудов Роберта Михелса, посвященных социал-демократическим партиям Западной Европы XX в., все больше и больше склоняешься к мысли, что со времен первых вождеств-номов Шумера и Египта мало что изменилось в социальной практике людей.

Михелс показывает, что любая политическая партия или профсоюзная организация сталкивается в своей деятельности с различными проблемами (проведение политических кампаний, выборов, переговоров, печатная деятельность и т.д.), решение которых отнимает много времени и иногда требует специальной подготовки. Если организация объединяет большое число членов, то требуются дополнительные усилия для их координации. Постепенно формируется управленческий аппарат, который обеспечивает жизнедеятельность организации, собирает взносы, ведет переписку и пр.

Партийные функционеры концентрируют в своих руках инфраструктуру организации, органы печати и финансовые средства. Если внутри организации возникает оппозиция, то все эти рычаги могут быть направлены против ревизионистов. Со временем, когда финансовое положение и статус лидеров становятся устойчивыми, меняется и их психология. Они уже стремятся не столько к выполнению программных установок своей партии, сколько к сохранению собственной стабильности. В этом, по Михелсу, заключается «железный закон олигархии». Замените в нарисованной Михелсом картине некоторые переменные: вместо профсоюза или партиячейки поместите группу соседних деревень, вместо взносов — подарки и дань, а вместо парторга — вождя, и вы получите типичную картину перерастания вождества в раннее государство. Трудно отделаться от еще одной навязчивой ассоциации: ну

чем не «новый политогенез» в постсоветской России и других государствах СНГ.

Возможно, кому-то вышеизложенное может показаться чересчур метафоричным. Однако здесь есть над чем поразмыслить. Настолько ли сильно отличаются механизмы формирования структур власти в архаических и современных обществах? Политическая антропология помогает понять, что современная политика своими корнями уходит в прошлое, а определенные формы социальности можно проследить в обществах высших животных. Политическая антропология также имеет большое значение для понимания политических процессов в современных обществах, которые находятся на пути построения демократической системы правления. Игнорирование традиционного (в терминологии Макса Вебера) характера институтов власти и политических процессов в данных обществах, прямое некритическое заимствование западных либеральных ценностей могут иметь непредсказуемые результаты. Многопартийность может вылиться в формирование партийных структур на родоплеменной или конфессиональной основе, а затем — в крупномасштабные межэтнические или религиозные конфликты. Разделение властей может привести к хаосу и беспорядкам (так как традиционным обществам по сути не свойствен принцип разделения властей), а затем и к установлению открытой военной хунты и т.д.

В западной социальной науке политическая антропология занимает важное место. В нашей стране политантропология как самостоятельная дисциплина — это достаточно новое направление. В советское время предмет ее исследования фактически был под запретом, поскольку на изучение теории власти был наложен неофициальный мораторий. Единственное исключение — книга Л.Е. Куббеля «*Очерки потестарно-политической этнографии*» (1988), в которой автор — известный отечественный африканист — главное внимание уделил эволюции архаических и колониальных обществ (необходимо помнить, что западное название науки «антропология» во многом синонимично отечественному термину «этнография»). Данная работа оказала большое влияние на целое поколение исследователей. Но с момента ее выхода прошло более десяти лет, она давно стала библиографической редкостью, ряд ее по-

ложений должны быть пересмотрены в свете данных современной науки.

Только в годы «расцвета» перестройки, особенно после 1991 г., стало возможным открыто говорить о предмете и целях политической антропологии в полном объеме, о многочисленных примерах архаических и традиционных элементов власти в политической культуре СССР и постсоветских стран СНГ. Данная дисциплина включена в стандарты для преподавания политологами и социологами, ее стали осваивать будущие профессиональные социоантропологи. Однако книг по политантропологической тематике по-прежнему немного. Практически нет учебников и пособий для студентов вузов. Именно это обстоятельство побудило меня взяться за написание данной работы. Однако избранная тема столь обширна, что я оказался не в состоянии полностью охватить все актуальные проблемы.

В ряде случаев мне пришлось касаться проблем ряда иных наук. Это — участь всех междисциплинарных работ, авторы которых вынуждены вторгаться в область смежных дисциплин, где их компетенция недостаточно полна. За все возможные ошибки и неточности ответственность лежит только на мне.

Данная работа написана в первую очередь для тех, кто недостаточно хорошо знаком с предметом и проблематикой политической антропологии. Для более глубокого изучения изложенного материала, дается расширенный список литературы в конце книги. Далеко не все работы из этого списка упоминаются в пособии, но они все имеют отношение к политической антропологии. Кроме того, ссылки на дополнительные публикации по смежным вопросам приведены прямо в тексте. Я постарался по возможности учесть всю наиболее важную литературу.

В основу данной книги положены лекционные курсы, прочитанные мной в течение 1995–2000 гг.

Я хотел бы высказать искреннюю признательность за ценные советы и пожелания О.Ю. Артемовой, Д.М. Бондаренко, Л.С. Васильеву, Х.Дж.М. Классену, А.В. Коротаеву, Л. Крэдеру, В.А. Лынше, Ю.В. Павленко, В.А. Попову, А.И. Фурсову, А.М. Хазанову.

У нас безотказное оружие — базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях... Жаль только, что дон Рэба понятия не имеет об этой теории.*

Глава 1 ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

1. ЧТО ТАКОЕ АНТРОПОЛОГИЯ?

Политическая антропология сложилась как одно из ответвлений антропологической науки. В самом широком смысле антропология (от греч. *антропос* — человек) — это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. Иногда в современной отечественной литературе встречаются высказывания, что антропология, главным образом социальная и культурная, — молодая наука, находящаяся на этапе своего становления. Однако это далеко не так. Первая кафедра социальной антропологии была создана еще в 1908 г. при Ливерпульском университете Дж. Фрээрером, хотя реально данная дисциплина сформировалась еще в XIX в. В настоящее время антропология представляет собой целый комплекс наук о человеке и его деятельности. Только в США ее преподают более чем в 400 высших учебных заведениях, которые ежегодно выпускают 9000 бакалавров. Около 11 тыс. антропологов состоят членами *Американской антропологической ассоциации*, более 400 человек ежегодно получают ученую степень доктора философии (PhD) по антропологическим специальностям. Раз в пять лет проводятся международные конгрессы, посвященные проблемам антропологических и этнографических наук, на которые съезжаются ученые всего мира.

Интеллектуальным предшественником современной антропологии был философский антропологизм мыслителей XVIII–XIX вв., согласно которому только исходя из человеческой сущности можно разработать систему представлений

* Все эпиграфы взяты из повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Трудно быть богом».

о природе, обществе, познании (Л. Фейербах, М. Шелер, Ф. Ницше, Н. Чернышевский и др.). Однако уже изначально антропология мыслилась шире, чем просто философское осмысление проблем человеческой сущности. Помимо философской антропологии в ее состав включались и другие дисциплины и концепции.

Со второй половины XIX в. понимание антропологии изменилось. Накопление научной информации неизбежно вело к дифференциации гуманитарного знания. Постепенно в самостоятельные науки выделились политическая экономия, социология, психология, история, филология и т.д.

В этот же период сформировалась и антропология (в XIX в. ее нередко называли этнологией) — дисциплина, изучающая народы, находящиеся вонне цивилизованного мира. Из-за ограниченности источников по истории бесписьменных архаических народов, а также особенностей исследовательской работы в данных культурах, когда антрополог должен обладать одинаково высокой степенью подготовки в самых различных областях науки, такие дисциплины, как в первую очередь физическая антропология (или естественная история человека), этнография, археология, развивались бок о бок. Это привело не столько к их дифференциации (хотя в некоторых странах, в том числе и у нас, они до сих пор считаются самостоятельными науками), сколько к интеграции в единый междисциплинарный комплекс. В то же время постепенно философско-антропологическая проблематика оказалась выведенной за рамки собственно антропологии.

В настоящее время антропологическую науку подразделяют на две большие части: физическую и культурную (или иначе — социальную) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела и антропогенез (т.е. проблему происхождения человека). Вторая представляет собой комплекс самостоятельных дисциплин (археология, лингвистика, фольклористика, этнография и, наконец, собственно культурная или социальная антропология), изучающих в целостности культуру того или иного народа.

В самом широком смысле культурная антропология изучает хозяйственный быт, социальные системы, обычаи и идеологические представления архаических народов. Нередко

понятия «культурная» и «социальная» антропология рассматривают как синонимы (первый используется в основном в США, второй — в странах Западной Европы, особенно в Великобритании). Однако между ними есть некоторая разница. Если британские антропологи рассматривают культуру как составную часть человеческого общества, то их заокеанские коллеги вслед за Л. Уайтом полагают, что социальность присуща не только людям, но и высшим животным. «Именно культура, а не общество выступает в качестве отличительной особенности человека, научное исследование этой особенности должно быть названо скорее культурологией, чем социологией» (White 1949: 116).

Исторически сложилось так, что антропологи по преимуществу занимались изучением и реконструкцией образа жизни бесписьменных (доисторических) народов. В то же время антропология не прервала связи с другими общественными науками. Не случайно многие исследователи определяли социальную антропологию как «отрасль социологии, изучающей примитивные общества». Однако в 50–60-е годы XX в. в антропологии наметилась естественная тенденция к некоторому сужению объекта исследований — с накоплением знаний ученые стали переходить к более углубленному изучению отдельных аспектов культуры: технологии, социальной организации, семейно-брачным отношениям, верованиям и пр.

Концентрируя свои усилия на отдельном направлении, некоторые антропологи пришли к осознанию актуальности расширения временных рамок своих исследований, а также к необходимости более тесной кооперации с другими науками: экономикой, демографией, социологией и пр. В результате появился ряд новых интересных субдисциплин культурной антропологии, таких как экономическая и юридическая антропология, дополняющая классическую политическую экономию, а также историю государства и права, наконец, сформировалась особая, пограничная с политическими науками, дисциплина — политическая антропология.

В отечественной литературе исторические структуры власти исследовали в рамках комплекса исторических наук (собственно истории, археологии и этнографии). Для марксистской науки термин «политическая антропология» был

неприемлем в силу двух причин. Во-первых, в отечественной науке социальную антропологию традиционно было принято считать не самостоятельной наукой, а одной из исторических наук и именовать этнографией (*антропологами* называли только тех, кто занимался *физической антропологией*). Во-вторых, согласно марксистской теории политика существует только в классовом обществе, тогда как отношения в первобытном обществе не могут считаться политическими. Следовательно, для обозначения последних необходим совершенно иной термин. В 70-е годы XX в. отечественными этнографами было предложено именовать отношения в первобытном обществе *потестарными* (от лат. *potestas* — власть), хотя этот термин нельзя признать особенно удачным. Ведь отношения власти существуют не только в первобытности, но и во всех стадияльных типах общества. В 1979 г. Л.Е. Куббель предложил называть политическую антропологию *потестарно-политической этнографией*, а спустя десять лет им была написана первая (и пока, в сущности, единственная обобщающая) книга на русском языке на данную тему (Куббель 1979, 1988).

Несмотря на официальное игнорирование, термин «политическая антропология» тем не менее постепенно вошел в лексикон отечественных исследователей. С середины 80-х годов XX в. он все чаще и чаще стал встречаться в работах этнографов-антропологов и востоковедов. В настоящее время «политическая антропология» во многих высших учебных заведениях читается студентам антропологических, социологических и политологических специальностей. Студенты-историки изучают аналогичные проблемы в объеме курсов «История первобытного общества», «История древнего мира» и «Этнография».

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Понятие политической антропологии

предметом изучения политической антропологии стали механизмы и институты власти и социального контроля преимуще-

Поскольку антропологи занимались в основном исследованием неевропейских цивилизаций и культур,

ственно в доиндустриальных и посттрадиционных обществах. С этим согласно большинство специалистов. Так, Ж. Баландьё полагает, что в задачи политической антропологии входит сравнительное изучение политической организации первобытных и архаических обществ (Balandier 1967: 6–9). С ним перекликается Л.Е. Куббель, согласно которому предметом потестарно-политической этнографии являются отношения власти и управления обществом преимущественно в доиндустриальные эпохи (1979, 1988).

Схожие определения политической антропологии приводятся в большинстве западных специальных словарей, энциклопедий и справочников по социокультурной антропологии и политологии. В одном из подобных изданий, воспроизведенных в журнале «*Политические исследования*», 1993, № 1, дано следующее определение:

«Политическая антропология — изучение институтов управления и соответствующей практики у этнических сообществ, в особенности в примитивных обществах и в обществах с племенным строем. Политическая антропология выясняет связь политического поведения с более широкой групповой культурой и исследует то, какими путями происходит развитие политических институтов и практики».

М. Абелес, несколько расширяя предмет политической антропологии, считает, что в ее задачи входит «изучение властных процессов и систем, пронизывающих наши структуры, и способов, в которых проявляются корни и формы политического действия в наших обществах» (Абелес 1998: 30).

В.В. Бочаров пытается объединить обе точки зрения. По его мнению, первоначально политическая антропология изучала системы властно-управленческих отношений в традиционных обществах. В настоящее же время она должна стать прикладной наукой,

«направленной на оптимизацию принимаемых в процессе управленческой деятельности решений в условиях, когда в качестве управляемых выступают полиэтничные субъекты, политическая культура которых густо замешана на традиционном субстрате» (1997: 141).

Суммируя эти и другие определения, можно отнести к предмету изучения данной дисциплины совокупность институтов контроля и власти в доиндустриальных обществах, структуру дан-

ных институтов и их сравнительную типологию, анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблемы адаптации, инкорпорации и трансформации традиционных механизмов контроля в современных политических институтах.

Исходя из этого *политическую антропологию* можно определить как *антропологическую дисциплину, изучающую народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике*.

Антропология и история

Если перевести изложенное на привычный для представителей отечественных общественных наук язык, то можно сказать, что политическая антропология — это, в известной степени, *история власти*: история преобразования одних форм и механизмов социального контроля в другие. В рамках отечественной традиции такое определение нагружено особым смыслом, так как в СССР антропология не выделялась в самостоятельную науку, а дисциплины и их подразделы, относящиеся к истории властных структур (история первобытного общества, история древнего мира, этнография, история Востока и т.д.), всегда было принято включать в комплекс исторических наук. История в СССР считалась синтетической наукой, которая включала в свой состав и археологию, и этнографию (антропологию), одновременно изучая пространственно-временное многообразие исторических событий и выявляя обобщающие закономерности хронологических процессов.

Следует заметить, что источники и методики историков, археологов и этнографов сильно различаются. Историк работает с письменными документами. Он должен установить их внешнюю подлинность, попытаться понять, какой глубинный смысл скрывается за символами, нанесенными на исследуемый документ. Археолог исследует материальные фрагменты давно исчезнувшей культуры. У него наиболее неблагоприятная задача — попытаться составить целостную картину об обществе из ограниченного числа кусочков мозаики. В отличие от археолога этнограф (антрополог) имеет возможность наблюдать как целые материальные объекты, так и отношения между людьми и их духовный мир. Но он должен уметь понять, какие глубинные механизмы скрыты за внешним проявлением тех или иных форм поведения.

С этой точки зрения между антропологией и историей имеется существенная разница. Политическая антропология не является историей в полном смысле слова. История в узком смысле (от англ. *story* — рассказ, повесть, новелла) — это наука о событиях, реконструируемых по письменным источникам. При этом главная цель историка в узком смысле — хронологически связать свершившиеся события (факты), воссоздав их общее течение. У политантрополога несколько иная задача: его интересуют не события сами по себе, а структуры и социально-политические системы. Поэтому если согласно распространенной в отечественной науке традиции и причислять политическую антропологию к историческим наукам, то скорее к тому, что называют *социальной историей* или *исторической антропологией* (Гуревич 1993). На близость политической и исторической антропологии указал Ж. ле Гофф в предисловии к современному изданию «*Королей-чудотворцев*» М. Блока — классической книги по политантропологии западно-европейского средневековья. По мнению ле Гоффа, это даже единая дисциплина — *политическая историческая антропология* (Блок 1998: 57).

В то же время политическая антропология и не совсем этнография. Этнографы имеют дело с живыми информантами, а предметом изучения политической антропологии нередко являются не только современные архаические и традиционные культуры (тем более, что в настоящее время их практически не осталось), но и более древние народы и проблемы их социально-властного устройства, известные по письменным и археологическим данным. С этой точки зрения политантропологом может быть не только этнолог-антрополог, но и при необходимости историк и даже археолог.

Антропология, политология и социология

Изложенное не означает, что политантрополог должен сосредоточить свое внимание на архаическом, традиционном и посттрадиционном господстве и не может заниматься изучением систем власти в современных развитых обществах. Более того, имеется ряд объективных обстоятельств, вследствие которых политантропологи все чаще обращаются к актуальным проблемам наших дней. Прежде всего это — исчезновение с этнической карты мира самого

объекта традиционных антропологических исследований: к концу XX в. на земном шаре практически не осталось мест, за исключением, быть может, самых глухих уголков Амазонии и Африки, где сих пор существуют культуры, не испытавшие на себе влияние модернизирующейся западной цивилизации.

Во-вторых, проблематика эволюции институтов власти в первобытности и изучение процессов возникновения государства все больше и больше становятся чисто академическими темами. Практически все письменные и этнографические источники уже введены в научный оборот. Нередко основные вопросы кажутся уже решенными, что отталкивает от них многих исследователей. Проблема по-прежнему остается только за созданием компаративистских, обобщающих кросскультурных исследований.

В-третьих, большинство научных фондов приоритетно финансируют исследования, посвященные современности. Однако здесь имеется широкий плацдарм для использования знаний и усилий антропологов. Вопреки опасениям ряда авторитетных антропологов прошлого (А. Крёбер, К. Клакхон, М. Мид), что их дисциплина обречена стать «неудобным научным склепом», этнические конфликты на Балканах, Кавказе и в иных «горячих» точках мира, развал социалистической системы и реставрация во многих посттрадиционных странах авторитарных политических режимов делают эту профессию по-прежнему актуальной и востребованной современным мировым сообществом.

Следовательно, политическая антропология граничит не только с историей, но и с социологией, и политической наукой. Важно выявить соотношение между ними.

Социологи и политологи анализируют главным образом сознательные (осознанные) формы поведения людей. Строго говоря, предметом изучения социологии является общество, а предметом политологии — политические институты и власть. Исходя из того, что власть относится к предметам исследования и политологии, и политической антропологии, есть соблазн определить политическую антропологию как раздел политологии, специализирующийся на изучении «примитивных» (т.е. первобытных) обществ. В то же время в ряде стран антропологию было принято считать разделом социологии, которая изу-

чает первобытные и традиционные общества (отчасти такое понимание характерно и для современной российской социологии). Даже там, где за антропологией признается самостоятельный статус, подчеркивается ее генетическое родство с социологией. Определяя, в частности, место антропологии в ряду гуманитарных дисциплин, Толкотт Парсонс (1902—1979) подчеркивал, что предметом ее изучения считаются в основном социальные структуры, символы и процессы «применительно к их культурным условиям», особенно в отношении к «простейшим» общественным системам (Парсонс 1998).

В такой интерпретации есть определенные основания. Действительно, предмет исследования политологов и социологов — современные политические системы. Соответствующие структуры и институты прошлого изучают историки, археологи и антропологи (этнологи). Однако это не единственное отличие антропологии от социологии и политологии. Объектом изучения антропологов становятся не только доиндустриальные и посттрадиционные институты и процессы, но и идеальные символические системы (ритуалы, стереотипы, знаки). Это обусловлено тем, что в обычных объектах антропологического исследования (первобытных и традиционных структурах) отсутствует (в привычной нам терминологии) деление общества на «базис» и «надстройку», на экономику и культуру, социальную систему и политику. Антрополог пытается обнаружить за осознаваемыми поступками глубинные археотипические пласты коллективной ментальности. Последние, как правило, неосознаваемы и выражены в символической (прежде всего — вербальной) форме. Следовательно, *политическая антропология рассматривает структуры и механизмы контроля как некие целостные, нерасчлененные символические системы.*

В то же время если социолог и политолог рассматривают предмет своего исследования в рамках понятийного аппарата, разработанного на основе изучения западного общества, то антрополог занимается сравнением главным образом незападных обществ и пытается осмыслить и интерпретировать изучаемое явление, в том числе с позиции объекта исследования (К. Леви-Стросс).

Важные отличия между антропологией, с одной стороны, и социологией и политологией — с другой, сводятся к методам

исследования. Методы социологии и политологии являются по большей части бихевиористскими, дескриптивными или эмпирическими, количественными (анкетирование, опросы, статистические отчеты и пр.). Они направлены главным образом на анализ обезличенных формальных институтов, процессов поведения индивидов и групп, а также политических отношений (таких как власть, политическая система и др.). Методы политической антропологии (наблюдение, включенное наблюдение, беседа) являются методами этнографии (и схожи с методами этологии). Антрополог больше фиксирует устную и невербальную информацию (речь, жесты, мимика, изображения). В отличие от других социальных наук (экономики, социологии, политологии), оперирующих преимущественно статистическим материалом, антрополог большинство информации получает в результате личных контактов с информантами (интервьюирование, неформальных бесед, наблюдения).

Широко распространена точка зрения, что социальная антропология обращает внимание на изучение «малых», «простых» сообществ, тогда как социология ориентирована преимущественно на исследование больших и сложных общностей.

«В антропологии применяются многие методы, характерные для социологии, — пишет известный американский социолог Нейл Смельзер, — но антропологи изучают главным образом небольшие, незападные племенные общества, в то время как социологи исследуют в основном крупные современные общества Европы и Северной Америки» (1998: 20–21).

Однако это не совсем правильно. Современный политантрополог занимается не только такими традиционными темами, как исследование политических институтов примитивных сообществ или проблем происхождения государства, но и может успешно обращаться к изучению механизмов власти и контроля в современных индустриальных обществах. Разница между ним и социологом заключается отчасти в методах исследования (но не только в них, поскольку современные социологи часто используют классические полевые этнографические методы), однако в большей степени — в теоретических и методологических установках (более чем в 50% случаев антропологи и социологи ссылаются только на труды

представителей своей науки), а также, нередко, в выводах. Проиллюстрируем это на одном показательном примере.

Рассматривая различные теории стратификации, тот же Смельзер ссылается на ряд публикаций, в которых рассматривается вопрос престижности тех или иных профессий.

«В исследовании, проведенном в 1956 г., жителям различных стран (от США до Новой Зеландии) было предложено дать оценку престижности разных профессий. Были получены очень схожие выводы... Исследователи сделали вывод, что в странах, где сложилась индустриальная система производства, существует спрос на одни и те же профессии: инженеров, механиков, бухгалтеров и т.п. Эти профессии и овладевшие ими люди пользуются примерно одинаковым престижем во всем мире... с 1925 г. в США не произошло существенных изменений в оценках профессионального престижа — врачи и другие специалисты остаются наверху пирамиды, чистильщики обуви и проститутки по-прежнему занимают место у ее основания» (Смельзер 1998: 285).

Для антрополога подобная интерпретация не покажется исчерпывающей. Он сразу обратит внимание, что в выборке упоминаются только западные страны (не говоря уже о том, что в доиндустриальные эпохи престижны были совсем иные ценности!). Если взять, например, Советский Союз периода так называемого «развитого социализма», то там профессии инженеров, бухгалтеров и врачей не были сверхпрестижны. Антрополог всегда нацелен на использование сравнительных данных.

Антропология и современность

Подведем некоторые итоги. Под давлением современных западных институтов традиционные нормы и ценности, экономические способы производства и формы социальной организации, обычаи и модели семейной жизни, религиозные верования и т.д. если и не исчезают, то сильно трансформируются. По этой причине может показаться, что по мере вытеснения первобытного и традиционного образа жизни исчезает и предмет исследования антропологии. Однако это не так. Во многих постколониальных и развивающихся обществах, а также в обширных пространствах постсоциалистического мира традиционные социальные (например, патронажно-клиентные) отношения продолжают играть боль-

шую роль; в этих обществах при осмыслении экономических, социальных и политических процессов обязательно должно учитываться наличие данных отношений. Вместе с тем антропологические подходы весьма перспективны и эффективны и при изучении современности. Отсюда появились такие специализированные подразделы современной антропологической науки, как городская антропология, антропология детства, гендерная антропология, антропология национальных меньшинств и т.д.

С этой точки зрения предмет политической антропологии может быть гораздо шире. Политантрополог, пользуясь антропологическими (этнологическими, этнографическими) методами, способен продуктивно изучать механизмы власти и контроля не только в доиндустриальных, но и в современных обществах. Особенную ценность его исследованиям придает широкое использование сравнительно-исторического метода и возможность понять *незападные* политические системы изнутри, без навязывания им политологической и социологической терминологии, разработанной на примере цивилизации Запада.

Опыт показывает, что вторжение антропологов в сферу интересов политологов и социологов может привести к пересмотру сложившихся стереотипных представлений, обнаружить новые стороны рассматриваемых явлений. В качестве примера можно привести исследования французского антрополога Марка Абелеса, посвященные анализу политических ритуалов и церемониальных символов в современной политической культуре Франции и Европы.

Таким образом, из изложенного следует: *политическая антропология — это антропологическая дисциплина, изучающая политическое поведение, политические и властные институты этнографическими методами.*

3. МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Методы

Основными методами политантрополога (как и любого антрополога, этнолога, этнографа) являются наблюдение, опрос, извлечение информации из

других категорий источников (опубликованных материалов, архивных документов, отчетов других исследователей и т.д.).

Наблюдение основано на прямой зрительной фиксации того или иного явления, интересующего исследователя. Такое наблюдение принято называть *простым*. Точность отражения зависит от длительности полевого исследования, которая в идеале должна быть несколько больше одного календарного года (два—три месяца необходимы на адаптацию в среде), чтобы антрополог мог зафиксировать особенности жизнедеятельности изучаемого этноса во все временные периоды года.

Кроме простого существует *включенное* наблюдение, когда ученый поселяется среди изучаемой группы и, пытаясь методом глубокого погружения включиться в жизнь изучаемой культуры, в течение длительного времени фиксирует важнейшие стороны ее жизнедеятельности. Данный метод этнографического исследования считается наиболее действенным. Один из классиков эволюционизма — Льюис Морган (1818—1881) — длительное время жил и общался в среде ирокезов и даже был принят ими в полноправные члены племени сенека. Несколько лет прожил среди папуасов новой Гвинеи старейший российской этнолог Н.Н. Миклухо-Маклай (1846—1888).

Еще один из видных зарубежных исследователей — британский антрополог Б. Малиновский (1844—1942) — в годы Первой мировой войны, будучи тогда подданным неприятельской державы (Австро-Венгрии), имел возможность долго жить и работать на Новой Гвинее. Полученный за это время полевой материал лег в основу многих книг Малиновского, ставших классическими в самых различных областях антропологической науки.

Образцом политантропологического исследования современности следует назвать книгу М. Восленского «*Номенклатура*», в которой блестяще, со знанием дела изнутри показана структура институтов управления и власти советского общества. Восленский знает «систему» не понаслышке — он сам некоторое время работал в органах власти, а затем, перейдя в АН СССР, имел постоянные деловые контакты с представителями номенклатуры. По аналогии с известным произведением А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» Восленский в параграфе «Один день Дениса Ивано-

вича» описывает типичный день советского партноменклатурщика. В этом выразительном образе советский партбюрократ предстает не «рыцарем без страха и упрека», а живым человеком, не лишенным пристрастий и слабостей, присущих остальным смертным.

«По природе он отнюдь не аскет. Он охотно и много пьет, главным образом дорогой армянский коньяк; с удовольствием и хорошо ест: икру, севрюгу, белужий бок — то, что получено в столовой или буфете ЦК. Если нет угрозы скандала, он быстренько заведет весьма неплатонический роман».

Но Восленский не перегружает свой портрет нюансами, в которых он так хорошо разбирается. Он показывает, что по сути партноменклатурщик — фанатик власти.

«Его радость, его единственная страсть — в том, чтобы сидеть у стола с правительственной “вертушкой”, визировать проекты решений, которые через несколько дней станут законами; неторопливо решать чужие судьбы... или приехать на заседание своих подопечных: маститых ученых или видных общественных деятелей с громкими именами, сест скромно в сторонке — и спокойно, с глубоким скрытым удовольствием наблюдать, как побегут к нему из президиума маститые и видные просить указаний» (1991: 115).

Подобные столь же меткие наблюдения нравов, царящих в американском конгрессе, были сделаны антропологом Дж. Везерфордом, который проработал некоторое время в аппарате высшего законодательного органа США (*Weatherford* 1981).

Другим важным этнографическим методом является опрос. Существуют разнообразные вариации опроса: по заранее разработанному плану (формализованный опрос) или без него (в виде свободной беседы); в процессе интервью или опосредовано, через анкетирование; выборочное подробное интервьюирование отдельных респондентов или сплошной опрос по составленному опроснику для последующей статистической обработки на компьютере.

Дополнительную информацию о методике полевых исследований в антропологии на русском языке можно почерпнуть из работ: *Громов Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966; *Руководство по методологии культурно-антропологических исследований.* М., 1991; *Ньюман Л.* Полевое исследование // *Социологические исследования.* 1999. № 4.

Антропологи также могут использовать методики массовых опросов, анкетирования, интервьюирования и способы их статистической обработки, применяемые в социологии и политических науках. Для более углубленного знакомства с данными методами имеет смысл обратиться к учебной и учебно-методической литературе по социологии и политологии.

Извлечение информации из других категорий источников предполагает знание дополнительных методов: для исследования мифов, поговорок или анекдотов необходимо быть знакомым с *фольклористикой*, при работе с письменными документами поможет *источниковедение* — специальная дисциплина исторической науки.

Общая методология антропологических исследований основана на *функциональном, структурном, сравнительно-историческом и типологическом методах.*

Функционализм Обозначает (от лат. *functio* — исполнение) одновременно конкретный метод и научное направление, в фокусе которого находилось изучение функций, выполняемых тем или иным социальным институтом с целью стабильности всей культурной системы. Функциональный метод базируется на постулате, что культура является средством, позволяющим человеку существовать в природной среде. Культура представляет собой целостную систему, все элементы которой находятся во взаимозависимости, каждый из которых выполняет специфическую функцию. Существуют так называемые «физиологические» законы, общие для всех культур. Задача функционального метода состоит в том, чтобы определить эти законы и с их помощью интерпретировать конкретные явления изучаемой культуры.

Данный метод можно проиллюстрировать на примере объяснения Б. Малиновским культурной функции магии. Малиновский показывает, что истоки появления магического мышления проистекают от невозможности доисторического человека истолковать многие природные явления или результаты собственной практической деятельности.

«Человеческий организм реагирует на это спонтанным взрывом эмоций, в котором рождаются зачатки магического поведения и зачаточная вера в его эффективность. Магия закрепляет эту веру и этот рудиментарный обряд, отливает

их в стандартные освященные традицией формы. Таким образом, магия обеспечивает примитивного человека готовыми ритуальными способами действий и верований, определенными духовными и материальными техниками, которые в критический момент могут послужить как бы мостами, перебрасываемыми через опасные пропасти. Магия позволяет человеку с уверенностью заниматься своими важными делами, сохранять устойчивость и целостность психики при вспышках гнева, в приступах ненависти, при безответной любви, в минуты отчаяния и тревоги. Функция магии заключается в ритуализации человеческого оптимизма, в укреплении его веры в победу надежды над страхом» (Малиновский 1998: 89).

Функциональные изменения хорошо помогают интерпретациям явлений в биологии. Естественный отбор, влияние внешних факторов вынуждают организм модифицировать те или иные черты, которые повышают его адаптивность. Однако социальные системы не поддаются аналогичному истолкованию. Они более динамичны, нестабильны. Людям свойственно ошибаться, и выбранные альтернативы не всегда являются наилучшими (Литтл 1998).

Более подробное представление о функциональном методе можно получить из специальных публикаций, переведенных на русский язык (Мертон 1994; Парсонс 1994; Малиновский 1997; Литтл 1998 и др.).

Структурный метод Данный метод (от лат. *structura* — строение, расположение) основан на выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств. Истоки структурализма восходят к работам Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Важный вклад в его развитие внес Альфред Рэдклиф-Браун (1881–1955). Однако наиболее обстоятельно структурализм в антропологии был разработан французским профессором Клодом Леви-Строссом (род. 1908), книга которого «*Структурная антропология*» опубликована на русском языке (1985). Согласно Леви-Строссу, за каждым явлением или процессом скрываются неосознаваемые обыденным опытом связи. Задача антрополога — выявить их структуру. Леви-Стросс разрабатывал данный метод на примере мифов, тотемизма, ритуалов. Впоследствии метод был применен к бессознательным структурам в психологии. Особенное развитие структурализм получил в лингвисти-

ке, где специалистами было показано, что существует набор правил грамматических трансформаций, которому подчиняются все языки.

Однако структурные связи можно обнаружить и в обществе. Продемонстрируем богатые возможности использования структурного метода в политической антропологии. В гл. 25 книги «*Раннее государство*» Хенри Классен сопоставил 21 раннегосударственное общество почти по 100 различным показателям (Claessen, Skalnik 1978: 533–596). Изучая, в частности, структуру аппарата управления, он отметил следующие устойчивые корреляции. Почти на уровне 99% совпадений для ранних государств характерна трехъярусная административная система (центральное правительство, региональная и местная власть). Так называемые общие функционеры (выполняющие несколько различных функций одновременно) чаще обнаруживаются на региональном уровне и несколько реже на национальном и местном. Согласно собранным данным, они чаще всего занимались сбором налогов или дани, несколько реже выполняли судебские или военные обязанности. Как наследование, так и назначение на должность «общих» функционеров встречались редко. В большинстве случаев (68%) существовал смешанный способ их комплектования. Полной выборки данных о связи между доходом и должностью, степенью независимости администраторов от высшей власти и стремлением последней контролировать функционеров не было, хотя собранная информация позволяет сделать вывод о существовании подобной тенденции. Классен полагает, что власть функционеров была максимально сильна на региональном уровне. Не менее интересные выводы Классена о так называемых «специальных» функционерах (в терминологии М. Вебера более подходящих под определение профессиональных бюрократов).

Как и у любого научного метода, у структурного подхода есть свои недостатки. Уязвимым местом его принято считать статичность, неприменимость к исследованию диахронных исторических изменений. В неомарксистской антропологии указывается также, что структурализм сводит роль исторического субъекта к детерминированным элементам и функциям структуры. Тем не менее он весьма значим для изучения политических систем и структур власти.

Сравнительно-исторический метод

Большинство антропологов имеют дело с индивидуальными явлениями человеческой культуры.

Однако важно обнаружить общие закономерности развития различных культурных феноменов, установить причины их происхождения. В этом случае весьма эффективен сравнительно-исторический метод, один из самых распространенных в исторических и антропологических исследованиях. Классическим примером сравнительного метода являются труды Герберта Спенсера (1820—1903) или знаменитый 12-томник Джеймса Фрэзера (1854—1941) «Золотая ветвь» — книга, в которой собрано огромное количество сведений о различных культурах и религиозных верованиях.

Еще в конце 20-х годов XX в. А. Рэдклиф-Браун отметил особую значимость этого метода для социальной антропологии, подчеркнув ее отличие от классической «этнографии». Последняя, по его мнению, должна заниматься конкретным историческим исследованием первобытных обществ, тогда как первая на основе систематического сравнения первобытных обществ должна сформулировать общие законы их функционирования. Другие авторы также подчеркивали принципиальную важность сравнительного метода для антропологических реконструкций.

«Единственная черта, выделяющая каждую отрасль антропологии и не являющаяся характерной ни для какой другой из наук о человеке, — это использование сравнительных данных. Историк занимается, как правило, историей Англии, или Японии, или девятнадцатого века, или эпохи Возрождения. Если же он занимается систематическим сравнением моментов истории различных стран, периодов или направлений, он становится философом истории или антропологом!» (Клакхон 1998: 332).

Некорректное применение сравнительно-исторического метода, использование внешних аналогий могут привести к неоправданным выводам. По этой причине необходимо соблюдать ряд обязательных принципов сравнительно-исторического анализа. Главные условия — проведение сопоставлений в условиях единого (или максимально близкого) хозяйственно-культурного типа, близкого временного периода и примерно сопоставимого стадийного уровня разви-

тия исследуемого общества и общества, используемого в качестве аналога.

Ситуация усложняется, когда речь идет о реконструкции первобытности. Как правило, этнографы изучают народы, в той или иной степени уже испытывавшие на себе влияние более развитых обществ. Такие первобытные общества принято называть *синполитейными* (от греч. *син* — одновременный и *полития* — общество, государство, город, т.е. «синхронные государственным»). По этой причине, реконструируя общества классической догосударственной первобытности — *апополитейные* общества (от греч. *апо* — до), необходимо помнить, что синполитейные общества — всего лишь аналоги апополитейных и потому в данном случае сравнительно-историческое исследование должно быть дополнено историко-генетическим методом или методом пережитков (Першиц, Хазанов 1978). При этом историко-генетический метод рассматривается как вариант сравнительно-исторического метода, который позволяет установить причинно-следственные связи в процессе диахронных изменений в исследуемой системе. Истоки последнего метода находятся в знаменитом методе пережитков — способе реконструкции исчезнувших явлений по их следам в современных культурах. Считается, что он был сформулирован Э. Тайлором. Впоследствии на его основе классическими эволюционистами XIX в. были разработаны ряд теорий (история брака и семьи Дж. Мак-Леннана, оказавшаяся ошибочной теория эволюции форм брака и родства Л. Моргана).

Сравнительно-исторический метод следует отличать от типологического.

Этот метод, как и предыдущий, основан на сравнении. Он также позволяет обнаружить группы схожих явлений и процессов, но посредством схематического отображения конкретно-исторической реальности в виде логических моделей — так называемых идеальных типов.

При этом важно отличать типологию от простой классификации. Последняя основана на группировании по тем или иным критериям реальных объектов. Типология базируется на создании мыслительных объектов в сознании исследователя. Тип — это идеальная конструкция, которая отражает наибо-

более важные черты и связи изучаемого явления. При этом могут игнорироваться иные признаки, которые не включаются в число существенных параметров модели. Классическим примером типологии политических явлений являются знаменитые три идеальных типа господства М. Вебера — *харизматическое, традиционное и рациональное*.

В реальности исследуемые явления далеко не всегда могут соответствовать идеальным типам. Так, многие из правителей кочевых империй с позиции истоков и характера власти были традиционными лидерами, но с помощью удачной политической деятельности могли достичь харизмы (самый яркий пример — Чингис-хан). Другие (например, Танышхуай — основатель Сяньбийской державы во II в.), обладая харизмой, могли достичь власти, превзойдя традиционные системы наследования и власти. Современная английская монархия также сочетает в себе элементы традиционного и рационального господства, но не лишена и некоторого харизматического ореола.

Однако, как неоднократно подчеркивал сам Вебер, чем более «чужды миру» идеальные типы, тем лучше они выражают свои эвристические функции. Не случайно типология трех форм господства не потеряла своей привлекательности и активно используется в современных исследованиях представителями различных социальных наук.

Для более углубленного изучения типологического метода лучше всего обратиться к следующим работам на русском языке: Типы в культуре. Л., 1979; Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991.

Формальные кросс-культурные методы

Едва ли не главнейшее значение этнографии и культурной антропологии заключается в наглядном подтверждении тезиса о бесконечном многообразии форм и структур человеческой организации. Кстати, это обстоятельство неоднократно приводило антропологов к пессимистичному выводу о невозможности каких бы то ни было теоретических реконструкций. Однако и в тех исследованиях, которые призывали (и призывают) к необходимости синтетических обобщений, выведение закономерностей основывается, как правило, на постулировании той или иной гипотезы и подборе

подтверждающих ее примеров. Это типичный и наиболее распространенный путь создания теоретического знания в социальных и гуманитарных науках, в том числе и в антропологии.

Последнее обстоятельство было подмечено еще в XIX в. этнологом Г. Нибуром, который ратовал за необходимость привлечения максимального количества известных данных.

«Многие этнологи пользуются довольно странным методом. У них есть какая-нибудь теория, полученная путем ледуктивных рассуждений, и к ней они присоединяют несколько фактов в виде иллюстрации... Единственно научный метод состоит в том, чтобы собирать беспристрастно факты и исследовать, нельзя ли их подвести под какое-нибудь общее правило... Но надо также остерегаться, как бы не впасть в другую крайность. Мы никогда не будем в состоянии достигнуть истинного понимания фактов без помощи руководящих идей» (1907: 8–9).

Впервые необходимость создания антропологических информационных баз была осознана еще в XIX в., в частности, выдающимся английским этнографом Эдуардом Тайлором (1832–1917), а также уже упомянутым Нибуром, который написал книгу *«Рабство как система хозяйства»* (рус. пер. 1907). В начале XX в. несколькими этнографическими школами в Европе предпринимались попытки создать этнографические каталоги информации. Однако развитие и расцвет формализованных антропологических исследований были осуществлены только в США. В первую очередь эти работы ассоциируются с деятельностью Дж. Мердока (1897–1986), который еще до Второй мировой войны начал собирать формализованную информацию о культуре и социальной организации народов мира.

В последние несколько десятилетий, особенно в связи с развитием компьютерных технологий, в антропологии выполнено много различных формализованных кросскультурных исследований.

Подробнее о данных методах можно узнать в работах: *Коротаев А. В.* Формальные кросскультурные антропологические исследования // Наука о культуре и социальная практика; Антропологическая перспектива. М., 1998. *Мёрдок Дж.* Социальная структура. М., 2002.

При Йельском университете созданы специальный центр и обширная база этнографических данных (HRAF — Human

Relations Area Files at Yale University). В настоящее время существуют компьютерные версии базы, которые постоянно обновляются. С 1985 г. издается электронный журнал *World Cultures*.

В качестве примера формальных холокультуралистских исследований можно привести изучение взаимосвязи между типом хозяйства и уровнем политической интеграции (*Коротаев* 1991: 141).

Уровень политического развития	Тип хозяйства			Итого
	А	В	С	
0	49	10	9	68
1-4	13	24	18	50
5-7	0	4	26	30
Итого	62	38	53	153

Принятые обозначения: А — присваивающее хозяйство, В — раннее земледелие, С — развитое земледелие; 0-7 — «индексы государственности» по Дж. Мердоку, где в целом: 0 — простые общины, 1-4 — общины с развитой внутренней структурой и вождества, 5-7 — государственные образования разной степени сложности.

Даже невооруженным глазом видно, что ни одна из групп с присваивающей экономикой не оказалась способной создать государство; чем прочнее экономический базис, тем больше вероятность, что общество сможет создать специализированную систему управления и контроля. Анализ переменных показывает, что в данном случае имеется четкая положительная связь между усложнением систем хозяйства и ростом политической централизации.

Кроме того, можно сделать ряд интересных и не столь очевидных выводов. Оказывается, что связь «хозяйство — политическая централизация» гораздо сильнее, чем связь «хозяйство — социальная стратификация» (*Коротаев* 1991: 139, 140, 142). Это обстоятельство, возможно, свидетельствует в пользу гипотезы, согласно которой стратификация в обществе появляется и развивается раньше политической централизации и установления формального контроля. Эта гипотеза также подтверждается данными об экстенсивных кочевниках-скотоводах (*там же*: 157). Не

менее интересно и то, что ни одно из представленных в выборке обществ кочевников не достигло уровня государственности и классов. Вероятно, это один из дополнительных аргументов в пользу сторонников теорий, отрицающих возможность создания кочевыми народами собственной государственности.

В нашей стране делались попытки создания соответствующих баз данных для доиндустриальных обществ. Еще в 1974 г. Л.Б. Алаев разработал анкету для описания докапиталистических обществ Востока, результаты которого впоследствии были им обобщены (*Алаев* 1982). В настоящее время создается более полный «Историко-социологический атлас», включающий сведения о многих древних и средневековых обществах (*Алаев, Коротаев* 1996*), что позволит искать общие закономерности не только среди этноисторических, но и более ранних обществ.

4. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Истоки науки

Как академическая дисциплина социальная (культурная) антропология сложилась в середине XIX в. Подробнее об истории этой науки и ее предмете можно узнать из следующих работ, опубликованных на русском языке:

Уайт Л. Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии // Советская этнография. 1932. № 3; *Боас Ф.* Задачи антропологического исследования // Советская этнография. 1933, № 3-4; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985; Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988; Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997; *Белик А.А.* Культурология: антропологические теории культур. М., 1998; *Белик А.А., Резник Ю.М.* Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). Учебное пособие. М., 1998; *Рэдклифф-Браун А.* Метод в социальной антропологии. М., 2001; *Эдванс-Причард Э.* История антропологической мысли. М., 2003. Полезным пособием явля-

* Более раннюю версию этой публикации см.: Восток. 1992. № 4: 206-224.

ется также сборник методических материалов «Социальная антропология в вузе». М., 1997.

У истоков разработки политантропологической теории стоял выдающийся американский антрополог Льюис Генри Морган (1818–1881). В своих книгах *«Лига ходеносауни, или ирокезов»* (1851; рус. пер. 1983) и *«Древнее общество»* (1877; рус. пер. 1934) он уделил большое внимание формам социальной организации доисторических обществ. В последней книге Морган различал две стадии в политической эволюции: социальную организацию, основанную на родах, фратриях и племенах, и политическую, основанную на территориальных отношениях и частной собственности. Согласно Моргану, переход от родоплеменной организации к государству осуществлялся в форме «военной демократии».

Эта работа оказала большое влияние на Фридриха Энгельса (1820–1895), который, опираясь на идеи американского антрополога, написал свою книгу *«Происхождение семьи, частной собственности и государства»* (1884). В сущности, это — пересказ книги «стихийного материалиста» Моргана с «правильной» марксистской точки зрения. На примере ряда обществ Энгельс последовательно показал переход от родовой организации через «военную демократию» к классовому обществу и государству. Однако в этой работе он максимально упростил марксистский взгляд на историю, отказавшись от ранее выдвинутой в *«Анти-Дюринге»* (1878) функциональной (организаторской) версии генезиса государства на Востоке. В результате вместо приверженности двухлинейной теории происхождения государства Энгельс стал сторонником однолинейной схемы исторического процесса.

Для марксистской истории и антропологии эта небольшая по объему работа на целое столетие стала настоящей библией. Ее основные положения были канонизированы, с ней были вынуждены сверять результаты своих эмпирических изысканий несколько поколений ученых. Влияние этой работы на российских ученых прослеживается, к сожалению, и по сей день. Печально, что ее многие устаревшие положения продолжают воспроизводиться и тиражироваться в учебниках для высшей и средней школы.

Одной из составляющих антропологического исследования было изучение механизмов власти и институтов контроля

в сохранившихся к тому времени догосударственных и традиционных обществах. Ряд специалистов полагают, что интерес к изучению этих институтов был стимулирован практически теми же целями управления колониями европейских держав, в процессе которого были выработаны две модели: *прямое* (direct) и *косвенное* (indirect) управление. Согласно первой модели местным населением следовало руководить в соответствии с принципами, принятыми в метрополии. Вторая модель предполагала сохранение традиционных институтов и обычаев (за исключением наиболее варварских), управление туземцами руками местных вождей, но под контролем белых администраторов.

Принято считать, что прямое управление было наиболее полно воплощено во французских колониях, а косвенное — в британских. Для подтверждения этой мысли, в частности, ссылаются на отличия в политической культуре французов и англичан: последняя более традиционна, там до сих пор существует монархия. Впрочем, некоторые исследователи считают, что различия между французским и британским методами управления на практике оказались более декларированными. Элементы как прямого, так и косвенного управления присутствовали во всех европейских колониях. Другое дело, что во французских колониях формирование институтов управления происходило стихийно, тогда как у англичан оно возведено в ранг государственной политики.

Проблема управления колониями рассматривается в ряде работ, приведенных в списке литературы (*Балезин* 1986; 1987; *Куббель* 1988; *Бочаров* 1992; 1997). Для более углубленного изучения данного вопроса следует дополнительно обратиться к следующим публикациям на русском языке: *Карпов В.К.* Методы английского колониального управления в Танганьике в 1918–1939 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1973; *Самуэль Олузола Адеоие.* Традиционные вожди в колониальном обществе йоруба. 1914–1939 («косвенное управление» в стране йоруба в межвоенный период): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974; *Следзевский И.В.* Хаусанские эмираты Северной Нигерии. Хозяйство и общественно-политический строй. М., 1974; *Зотова Ю.Н.* Проблема косвенного управления в англоязычной западноафриканской историографии // Советская этнография. 1973. № 6; *она же.* Традиционные политические институты Нигерии. Первая половина XX в. М., 1979; *Никитин М.Д.* Британский колониализм в Уганде в 1894–1962 гг. (меж-

цивилизационное взаимодействие): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994.

Особое отношение к проблеме управления колониями в Британской империи стимулировало внимание к этим вопросам антропологов, способствовало развитию научных исследований в данной области и привело в конечном счете к созданию особой дисциплины — политической антропологии. Многие антропологи всячески подчеркивали практическую важность своей деятельности перед колониальной администрацией, провозглашая необходимость сотрудничества ученых и власти (Б. Малиновский, А. Рэдклиф-Браун, Э. Эванс-Причард и др.).

Данное обстоятельство дало повод левоориентированным ученым и их коллегам из социалистических стран взять на вооружение тезис об «антропологии как служанке империализма». Действительно, иногда антропологи и колониальная администрация действовали рука об руку. В то же время нередко именно этнографы-антропологи выступали в роли защитников, «естественных адвокатов» туземных жителей или протестовали против своего использования в качестве информаторов для правительственных, военных и разведывательных ведомств. Наконец, власть везде и во все времена достаточно скептически относилась к рекомендациям ученых и предпочитала поступать в соответствии с собственной интуицией. Следовательно, антропология скорее предостерегала от опасностей этноцентризма, чем являлась орудием колониализма.

Со временем был накоплен богатый фактический материал о политической организации доиндустриальных обществ. Это позволило приступить к обобщению эмпирических данных. В соответствии с основными методологическими подходами в западной политантропологии существуют три наиболее влиятельных методологических направления или школы: английский функционализм, французский структурализм и американский неозволюционизм.

Британский функционализм

Основателями политической антропологии считаются представители британского функционализма. В 1940 г. в Великобритании были опубликованы три важные книги, в которых систематизировался опыт изучения политических систем и ин-

ституты власти архаических обществ Африки. Это знаменитый сборник «Африканские политические системы» под редакцией М. Фортеса и Э. Эванса-Причарда (1902–1973), а также две книги самого Эванса-Причарда — «Политическая организация ануаков Англо-Египетского Судана» и «Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов» (рус. пер. 1985).

Именно с этого времени принято теперь отсчитывать официальное «рождение» политической антропологии. Правда, только через 19 лет в статье известного американского политолога Д. Истона (Easton 1959) данная дисциплина была названа термином «политическая антропология», который ранее использовался для обозначения одной из социал-дарвинистских теорий рубежа XIX–XX вв. (Л. Вольгман, Ж. Ваше де Ляпуж, Х. Чемберлен и др.).

Британский функционализм был представлен в двух разновидностях — как классический (Б. Малиновский) и структурный (А. Рэдклиф-Браун, Э. Эванс-Причард). Как уже было отмечено, согласно методологическим установкам функционализма культура рассматривается как целостная система, где каждый элемент имел свою функцию. Функционалисты призывали изучать культуру в синхронном аспекте, отказываясь при этом от исторических реконструкций. Так, в «Африканских политических системах» все рассматриваемые общества были разбиты на две группы. В группу А редакторы включили шесть обществ (primitive state) с централизованной властью вождей или царей, административными и юридическими институтами, статусным и имущественным неравенством. К группе В были отнесены три так называемых безгосударственных (stateless), или ацефальных (т.е. безголовых), общества, основанных на родственных связях или «сегментарной» инфраструктуре (Fortes, Evans-Pritchard 1940: 5–7).

Впоследствии такая методология была подвергнута серьезной критике за антиисторизм. В толковании функционалистов все изучаемые общества производили впечатление застывших, рассматривались вне исторической динамики. Это могло привести к неправильным интерпретациям. Так, Фортес и Эванс-Причард на основе своей выборки пришли к выводу об отсутствии корреляции между плотностью населения и сложностью политической системы (Fortes, Evans-Pritchard

1940: 7–8). Позднее Р. Стивенсон, проанализировав эти же общества с привлечением сведений за более ранние исторические периоды, показал, что такая корреляция все-таки присутствует (*Stevenson 1968*).

В последующие десятилетия британскими антропологами (а также учеными других стран, находившимися под влиянием данной школы) было выполнено большое количество исследований, посвященных изучению политики, власти, идеологии в колониальных и постколониальных обществах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки (Э. Геллнер, М. Глакмэн, Л. Мэйр, Э. Лич, А. Саутхолл, М. Смит, Л. Фоллерс и др.).

Британский структурный функционализм определенным образом повлиял на американских антропологов и политологов, которые, работая на стыке между культурной антропологией, социологией и политическими науками, занимались изучением политических процессов и механизмов власти в посттрадиционных и индустриальных обществах (Д. Истон, А. Коэн, М. Шварц, В. Тернер, А. Тьюден и др.). Эта группа исследователей сделала важный шаг от изучения структур к исследованию процессов. Классический функционализм слишком жестко детерминирует ролевые функции составляющих ее элементов. Для преодоления этого была разработана теория «политического поля» (или «социальной сети») — среды, в которой разворачиваются динамичные политические процессы. Акцент здесь переносится на динамику, изучение конфликтов, узлов активности социальный связей, что дает возможность более гибко описывать мозаику политических отношений.

Более подробно о теориях «социального поля» можно узнать из книги: *Левин К. Теория поля в социальных науках*. СПб., 2000.

В США исследователи данного направления объединены в рамках Ассоциации политической и юридической антропологии (PoLAR).

Французский структурализм

Французская политическая антропология развивалась под большим влиянием структурализма, восходящего к сочинениям К. Леви-Стросса. Французский структурный марксизм в антропологии продемонстрировал сложную зависимость между экономическим базисом и его политичес-

кой и идеологической надстройкой. Понятие «структура» во французском марксизме тесно связывается с понятием «способ производства», которое противопоставляется конкретным историческим образованиям (формациям), существовавшим в тот или иной исторический период. Наиболее важным вкладом французской марксистской школы (М. Годелье, П. Бонт, Ж.-П. Дигар, К. Мьяесу, Ш. Парэн, Ж. Сюре-Каналь, Ж. Шено и др.) следует считать возрождение в 50–60-е годы XX в. дискуссии об азиатском способе производства и разработку марксистской теории способов производства (семейный, лириджный, номадный, азиатский, африканский и пр.), а также изучение отношений неравенства и формирование политических институтов в Африке.

Необходимо отметить, что определенное влияние на французскую антропологию оказали идеи французской медиевистики — в первую очередь труды Марка Блока (1886–1944). Его книга о сакральности королевской власти во Франции стала важным рубежом в изучении отношений власти. Если до Блока специалисты рассматривали власть исключительно как правовую категорию, то Блок попытался показать ее как целостное явление, не отрывая содержания понятия власти от ее исторических и психологических форм (*Блок 1924*). Эти идеи он впоследствии развил в двухтомном труде «*Феодальное общество*», где описал феодализм как комплексную систему социальных отношений. Блок первым обратился к изучению коллективной психологии средневекового человека, причем многие вопросы (происхождение феодализма, иерархия рыцарства, структура власти, система дарений и пр.) переосмыслил в рамках историко-антропологического синтеза (*Bloch 1967/1939–1940*).

Из наиболее известных работ, посвященных политической антропологии во Франции (см.: *Ривьер 1999*), следует выделить книги Марка Абелеса о политических церемониалах и институтах власти в современном западном обществе, труды антропологов-африканистов, специализирующихся в области изучения политической культуры колониальных и постколониальных обществ (Ж.-Ф. Байяр, Ж. Макэ, Ж. Ломбар, К. Ривьер и др.). Особое место занимают труды антрополога и социолога Жоржа Баланье (род. 1920) и среди них книга

«*Политическая антропология*» (Balandier 1967, 1970). Это первое в политантропологии произведение, специально посвященное данной дисциплине. В нем подробно рассматриваются предмет и задачи политической антропологии, дается историографический очерк, анализируются различные стороны организации первобытных и архаических обществ. Много внимания уделено сегментарной организации и системам родства, половозрастной структуре и религии, различным теориям происхождения государства. Важное место в этой книге уделено проблеме модернизации традиционных обществ.

Американский неозволюционизм

Американский неозволюционизм возник в середине 50-х годов XX в. К этому времени антропологи осознали необходимость выйти за пределы локальных эмпирических исследований и приступить к синтетическим обобщениям накопленного материала. В отличие от классического эволюционизма XIX в. неозволюционизм представлял гораздо более мощную и в то же самое время более гибкую и более динамичную теоретическую парадигму.

Его сторонники отказались от анализа эволюции общества с точки зрения «прогресса», рассматривая культурную динамику либо в более нейтральном контексте усложнения культурных форм для одновременной дифференциации и интеграции их, либо в плоскости качественной реорганизации общества в иное состояние. В отличие от классических эволюционистов неозволюционисты акцентируют внимание не только на классификации явлений, но и на причинах культурных изменений. Они также разделяют общую (тенденции в целом) и специфическую эволюцию конкретных обществ, многие моделируют эволюционные процессы на примере отдельных регионов и культур (теории «среднего уровня»). Неозволюционисты, сформулировав законы культурной доминанты (вытеснение простых культур сложными) и потенциала развития (менее специализированные культуры больше приспособлены к развитию; истоки этой идеи в марксистской теории «слабого звена»), также разделяют макро- и микроэволюцию

Основоположником неозволюционизма считается американский антрополог Лесли Уайт (1902–1972), выдвинувший энергетическую теорию культуры. Исходя из законов физики, Уайт определяет культуру как способ адаптации человека к окружающей среде, посредством которого человек может получать и абсорбировать из внешнего мира энергию. История культуры — это процесс постоянного увеличения количества энергии на душу населения, совершенствования технологии для получения энергии и умножения предметов и услуг для удовлетворения различных потребностей. Уайт выделил в культурной эволюции аграрную, топливную и термоядерную «энергетические революции». Он полагал, что в развитии человеческой культуры можно выделить два этапа: «примитивное» общество и цивилизацию (White 1949).

Немалое влияние на развитие неозволюционизма оказал Джулиан Стюард (1900–1975), придерживавшийся теории многолинейной эволюции. Он выявил функциональную зависимость между экологической средой, уровнем технологии и социально-политической организацией. Каждая из культур проходит ряд последовательных стадий (их у Стюарда до восьми) — от охоты и собирательства до индустриального общества. Однако конкретное разнообразие определяется особенностями природной среды.

Большой вклад в развитие неозволюционизма внесли М. Салинз (род. 1930) и Э. Сервис, создавшие наиболее популярную схему уровней культурной эволюции. В работах данных исследователей, а также других неозволюционистов (Р. Адамс, Т. Ерл, Р. Карнейро, Р. Коэн, Р. Нэррол, М. Фрид, М. Харрис и др.) большое внимание уделено типологии политического лидерства, престижной экономике, эволюции вождества, различным теориям происхождения государства. Американский неозволюционизм оказал влияние на развитие американской социологии (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, Г. и Ж. Ленски), «новой» («процессуальной») археологии (Л. Бинфорд, Р. МакАдамс, К. Флэннери, в Великобритании — К. Ренфрю).

Неозволюционизм стимулировал развитие данного направления в Европе (Х. Классен), оказал определенное влияние на неомарксистскую культурную антропологию (П. Андерсон, М. Годелье и др.), а также на ряд советских и

современных российских специалистов в области политогенеза.

Теории политогенеза

Ключевым вопросом политической антропологии второй половины XX в. стало выяснение того, как и вследствие каких факторов одни формы политической организации преобразовывались в другие. Функционалисты не пошли дальше очевидной классификации обществ на акефальные (безгосударственные) и «государственные» (т.е. иерархические) (Fortes, Evans-Pritchard 1940: 5–7). Л. Мэйр в книге «Первобытное правительство» выделила три уровня управления: отсутствие власти, но с институтом посредников между кланами; наличие авторитетных лидеров вроде вождя в леопардовой шкуре у нуэров; система возрастных классов (Mair 1962).

Согласно концепции сегментарного государства А. Саутхолла, каждое раннегосударственное образование состоит из слабо связанных, структурно подобных сегментов с нечеткими, особо размытыми на периферии границами. Разработав свою концепцию на материале алуэров — одного из нилотских народов Африки, Саутхолл полагает, что подобным образом были организованы многие архаические общества Европы, Африки и Азии (Southall 1953, 1988 и др.).

По мнению Ж. Баландьё, доколониальная Африка демонстрирует значительное разнообразие типов архаической власти. В самом низу — бродячие группы охотников-собирателей. В «родовых» обществах статус и другие отношения опосредуются системой родственных связей. В наиболее развитых из них появляются возрастные группы и классы, домашнее рабство. Рангом выше — «вождества» (фр. *chefferie*). На верху эволюционной пирамиды — общества с государственным устройством. Но и они существенно различаются по масштабам сложности, по традициям верховной власти: «сакральное» царство у шилуков, теократическое государство в исламизированных странах (у тукулеров и фульбе), «африканский деспотизм» с бюрократией в Восточной Африке и др. (Balandier 1967; Баландьё 2001).

Однако самые существенные результаты в классификации политических форм были достигнуты в рамках неозволюционизма. Одна из наиболее популярных схем была окончательно сформулирована американским антропологом Элманом Сер-

висом (1915–1996), по мнению которого первой формой объединения людей были *локальные группы*. Они имели эгалитарную (от фр. *egalite* — равенство) общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникли *общины* и *племена*, появились институт межобщинного лидерства, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Для следующей стадии — *вождества* (от англ. *chiefdom*) — характерны появление социальной стратификации, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основывались на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием *государства* центральная власть приобрела монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появились письменность, цивилизация, города (Service 1962/1971, 1963, 1975).

Эта схема впоследствии неоднократно уточнялась и дополнялась (см., например: Johnson, Earle 1987). Из нее, в частности, после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции. В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся «индустриальное» государство (государство-нацию) и государство доиндустриальной эпохи. Часто для последних обществ вводят термины «архаическое», «раннее» государство и т.д. Теория *раннего государства* разрабатывалась под руководством голландского политантрополога Хенри Дж. М. Классена (род. 1930). В состав участников проекта входили ученые из различных стран Европы и Америки, и в том числе из бывшего Советского Союза (Claessen, Skalnik 1978, 1991; Claessen, van de Velde 1987, 1991; Claessen, Oosten 1996 и др.).

О теории раннего государства подробнее см.: Кочакова Н.Б. Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // Восток. 1996. № 4; она же. Раннее государство и Африка. М., 1999; Бондаренко Д.М. Концепция «раннего государства»: основные положения и попытка их оценки // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998; Крадин Н.Н. «Раннее государство»: ключевые аспекты концепции и некоторые моменты ее истории // Там же.

Концепция другого известного американского исследователя Мортона Фрида (1923–1986) включает четыре уровня:

эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества, государство. В *эгалитарных* обществах существуют отношения реципрокации и половозрастная дифференциация. В *ранжированных* обществах появляются редистрибуция и основанная на престиже дифференциация. В *стратифицированных* обществах деление на статусы дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на *государственной* стадии появляются классы, частная собственность и эксплуатация (Fried 1967).

Ричард Адамс, ученик Л. Уайта, рассмотрел эволюцию форм власти как последовательное усиление контроля над энергией. Опираясь на типологию Э. Сервиса и М. Салинза, он создал более глобальную конструкцию, которая включала шесть уровней социальной интеграции: локальных групп, вождей или провинций, государств или королевств, национальный, интернациональный и всемирный. Каждый из этих уровней был разделен на два параллельных потока — централизованных и согласованных единиц. *Централизованные* единицы примерно соответствуют уровням интеграции Сервиса—Салинза, а в круг *согласованных* единиц Адамс включил различные слабо структурированные объединения (от сегментарных линиджей и племен до ООН и международного суда). Уровни соответствуют друг другу. Например, на третьем уровне в разряд централизованных единиц были включены город-государство и королевство, а группу согласованных попали альянсы, религиозные объединения и формирования крестоносцев (Adams 1975).

Существенный вклад был внесен политантропологами в теорию происхождения государства. Между М. Фридом и Э. Сервисом развернулась дискуссия о сущности государства (Fried 1967; Service 1975). Первый полагал, что государство является как результат урегулирования *конфликтов* в стратифицированном обществе. Второй отстаивал точку зрения, что становление государственности было следствием необходимости *интеграции* — преобразования управления обществом вследствие его усложнения. Обе точки зрения имеют своих приверженцев и в настоящее время.

Вместе с тем и конфликт, и интеграция могут быть прослежены во всех основных моделях политогенеза. С этой точки

зрения более актуальной стала проблема причин, которые вели к происхождению государственности. В этой связи особый резонанс вызвала «ограничительная» (circumscription) теория (так называемая теория «стесненности») Роберта Карнейро. Согласно Карнейро, рост численности населения приводил к увеличению конкуренции за ресурсы, а затем к интенсивным военным столкновениям, в результате которых более сильные группы создавали стратификацию и государство (Carneiro 1970).

Более поздние сравнительно-исторические исследования показали, что не существует единой обязательной причины возникновения государства. На процессы политогенеза оказывали влияние самые разнообразные *внутренние* и *внешние* факторы: совершенствование технологии, рост народонаселения, сокращение ресурсов, усложнение общества, война, внешнее влияние, торговля на больших расстояниях, идеология и т.д. Значимость этих переменных также была различной для *первичных* (pristine) государств (т.е. возникших независимо) и для *вторичных* (secondary), которые сформировались под влиянием уже сложившихся архаических цивилизаций.

Политантропология в нашей стране

В дореволюционное время изучением власти в первобытных обществах занимались Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский, Н. Н. Харузин.

После 1917 г. проявилось практическое внимание к проблемам, которые входят в предмет изучения политической антропологии. Перед Советской властью встали задачи политического переустройства национальных окраин страны. Это привело к созданию советской этнографической школы. Собственно этнографических работ, посвященных изучению власти в советской этнографии, было немного. По всей видимости первой публикацией на данную тему была статья о первобытной власти М.О. Косвена (1929). В последующие годы этот вопрос затрагивали в своих работах П.И. Кушнер, И.И. Потехин, С.А. Токарев.

Азиатский способ производства

Изучение теории властных отношений в СССР в большей степени следует связывать с дискуссиями об азиатском способе производства. Первая из них (1925—1931 гг.) была вызвана ростом национально-освободительного

движения в странах Азии и Африки, стремлением Советского правительства экспортировать пролетарскую революцию на Восток. Интерес к этой теме у марксистских теоретиков был стимулирован еще и особым отношением к Востоку Маркса, который ввел понятие «азиатский способ производства». Он не находил на Востоке частной собственности и классов, отмечал важную роль государства (ирригация и пр.), эксплуатацию в форме ренты-налога, «поголовного рабства», деспотии. Однако после разгрома «азиатчиков» (т.е. сторонников концепции азиатского способа производства) в советской науке утвердилась схема Сталина—Энгельса, состоящая из пяти формаций: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм (так называемая «пятичленка»). Все древние восточные общества были отнесены к рабовладельческой стадии, а все средневековые — к феодализму.

Начало второй дискуссии об азиатском способе производства (1957—1971 гг.) было обусловлено рядом обстоятельств: ростом антиколониального движения после Второй мировой войны, публикацией некоторых неизвестных работ Маркса, насаждением марксизма в странах Восточной Европы, оживлением общественной и культурной жизни после XX съезда КПСС. В ходе дискуссии было выдвинуто несколько обоснований концепции азиатского способа производства (особая формация, переходное общество, феодализм в древности, «кабальная» формация и др.), высказано много других интересных концепций (о нескольких параллельных путях политогенеза, о единой феодальной формации). В конечном счете дискуссия вылилась в обсуждение актуальных проблем теории исторического процесса. Особо следует отметить «ревизионистские» концепции западных авторов, в которых подчеркивалось сходство азиатского способа производства и социализма (К. Виттфогель, Р. Гаррди), мнение о «личностном» характере докапиталистических обществ (А.Я. Гуревич, М.А. Виткин, Л.А. Седов, М.А. Чешков, В.В. Крылов и др.). Последняя точка зрения была впоследствии развита А.Я. Гуревичем в его трудах о западноевропейском средневековье. Значительное место в сочинениях Гуревича уделено проблеме генезиса феодализма, структуре власти в средневековом обществе. В этих работах прослеживается влияние работ М. Мосса о тео-

рии дарообмена и французской исторической антропологии (школа Анналов, в особенности М. Блок). Под влиянием Гуревича в российской медиевистике сформировалась целая научная школа, существующая и в наши дни, которая специализируется на проблемах политической антропологии феодализма.

После отставки Н.С. Хрущева начался курс на «закручивание гаек», и дискуссия постепенно была свернута. Однако обсуждение поднятых вопросов не прекращалось, и поэтому можно говорить, что третья дискуссия (1971—1991 гг.) состояла из «полуподпольного» периода в годы застоя и периода активного обмена мнениями в годы перестройки. Было высказано много разных точек зрения об особенностях эволюции обществ Востока: однолинейная схема шести формаций с азиатским способом производства (Г.В. Корашашвили, Ю.И. Семенов, Р.М. Нуреев и др.); концепция восточного феодализма (Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян и др.); точка зрения о единой докапиталистической формации (большая феодальная формация Ю.М. Кобишанова, сословно-классовая формация В.П. Илюшечкина); билинейные схемы параллельного развития Востока и Запада (Л.С. Васильев, Г.С. Киселев, Н.А. Иванов, А.И. Фурсов и др.); подходы, сочетающие стадийный и билинейный принципы (Г.А. Меликишвили, Ю.В. Павленко и др.). Особенно важное значение имело введение в отечественную науку неэволюционистских теорий вождества и раннего государства, а также выработка концепции «власти-собственности» (Л.С. Васильев).

Пик дискуссии пришелся на 1987—1991 гг. Несколько ранее аналогичная дискуссия началась в Китае. Многие авторы в СССР уже откровенно писали о большом значении концепции азиатского способа производства для понимания природы социализма и истории России в целом (Л.С. Васильев, М.Н. Афанасьев, Е.Н. Стариков и др.). Однако в КНР после студенческих волнений и восстановления консервативного курса азиатчики вновь были вынуждены умолкнуть. В нашей стране дискуссия закончилась почти автоматически после распада СССР и отмены марксистской монополии на теоретическое мышление.

Дискуссии азиатского способа производства посвящена обширная библиография. Часть из этих работ цитируется в списке литературы

(Wittfogel 1957; Данилова 1968; Krader 1975; Шафаревич 1977; Gellner 1988; Васильев 1989; Никифоров 1990; Jaksic 1991; Иванов 1993). Для первоначального знакомства с темой имеет смысл обратить внимание на историографические работы Ю.В. Качановского (1971) и В.Н. Никифорова (1977) на русском языке. Кроме этого, необходимо отметить еще несколько важных книг, вышедших позднее: *Sawer M. Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production*. The Hague, 1977; *Friedman J. System, structure and contradiction: The Evolution of «Asiatic» Social formations*. Copenhagen, 1979 (2nd ed. Walnut Creek, Cal., 1998); *Tökei F. Essays on the Asiatic mode of Production*. Budapest, 1979; *The Asiatic Mode of Production: Science and Politics*. London, 1981; *Dunn S.P. The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production*. London etc., 1982; *The Asiatic Mode of Production in China*. New York, 1989; *O'Leary B. The Asiatic Mode of Production: Oriental Despotism, Historical Materialism and Indian History*. Oxford, 1989. С материалами третьей дискуссии можно познакомиться по публикациям в журнале «Народы Азии и Африки» за 1987–1989 гг., в особенности — *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. 1987. № 3; *Фурсов А.И.* Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // Там же. 1987. № 4; *Семенов Ю.И.* Социально-экономический строй древнего Востока: современное состояние проблемы // Там же. 1988. № 2; *Васильев Л.С.* Что такое «азиатский» способ производства? // Там же. 1988. № 3.

Потестарно-политическая этнография

Параллельно со второй и третьей дискуссией об азиатском способе производства в советской этнографии (в том числе в африканистике) стали обсуждаться вопросы типологии форм лидерства в первобытных и традиционных обществах, проблемы генезиса государства, трансформации колониальных и постколониальных обществ Азии и Африки.

Начиная с середины 60-х годов XX в. отечественные этнографы стали пересматривать те или иные положения теории Ф. Энгельса. Была доказана несостоятельность тезисов о матриархате, об эволюции форм семьи, об обязательности прохождения всех народов через родовой строй, выяснилось, что так называемая военная демократия не является универсальной формой перехода к государственности. Еще большим заблуждением оказалась сама пятичленная схема формаций, согласно которой все древние общества обязательно были рабовладельческими, а все средневековые —

феодальными (А.И. Першиц, А.М. Хазанов, Н.А. Бутинов, В.Р. Кабо, Ю.П. Аверкиева, Г.Е. Марков, В.А. Шнирельман, Э.С. Годинер, О.Ю. Артемова и др.). Многие из этих положений были отражены в трехтомнике «История первобытного общества» (1983–1988 гг.), фундаментальном сочинении, аналога которому нет ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В обсуждении проблематики политогенеза и выработке новых подходов активно участвовали советские африканисты (Д.А. Ольдерогге, Ю.М. Кобищанов, О.С. Томановская, Н.Б. Кочакова, К.П. Калиновская, В.А. Попов и др.). Существенный вклад был внесен африканистами в изучение проблемы трансформации власти в колониальных и постколониальных обществах (И.В. Следзевский, А.С. Балезин, В.В. Бочаров, Э.С. Львова и др.).

Выделению политической антропологии в отдельную этнографическую субдисциплину в нашей стране способствовал африканист Л.Е. Куббель. Именно он в 1988 г. опубликовал первую в отечественной науке монографию на данную тему «Очерки потестарно-политической этнографии». Уже упоминалось, по каким причинам Куббель предпочел дать собственное наименование данной дисциплине. В его монографии подробно разбирается предмет данной дисциплины, политическая культура первобытных, раннегосударственных и колониальных обществ, большое внимание уделено изучению идеологических механизмов властвования.

Несмотря на то что эта книга была написана с марксистских (важно отметить — творческих марксистских!) позиций, ее значение было для последующего развития данного направления в нашей стране очень велико. Работа не только привлекла внимание специалистов к проблемам, которые длительное время были под запретом и в силу этого остались слабоизученными в отечественной науке. Вокруг Куббеля сформировалось «поле» исследователей более молодого поколения, которые приняли эстафету в разработке проблем политогенеза и власти (к сожалению, Л.Е. Куббель ушел из жизни в самом расцвете творческих сил — ему еще не было шестидесяти лет) и продолжают заниматься изучением этих вопросов в современный период.

Политантропология в России

В наши дни термин «политическая антропология» прочно вошел в лексикон отечественных ученых. Данная дисциплина преподается в высших учебных заведениях студентам антропологических, социологических и политологических специальностей (будущие историки изучают эти же проблемы в рамках курсов «История первобытного общества», «История древнего мира», «Этнография», «История стран Азии и Африки» и др.).

В постсоветский период проблемы политической антропологии продолжают разрабатываться как в рамках сложившихся в советский период школ и институтов, так и внутри новых исследовательских коллективов. Имеет смысл говорить о двух направлениях развития политантропологии в России. Основные интересы представителей первого направления концентрируются вокруг социобиологии власти (М.Л. Бутовская, В.В. Дольник), типологии ранних форм лидерства (О.Ю. Артемова, А.А. Казанков), многолинейной эволюции сложных обществ и происхождения государства (Ю.Е. Березкин, Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Попов, Т.Д. Скрынникова и др.).

Второе направление имеет более практический характер и связано с изучением посттрадиционной власти и ее идеологии (В.В. Бочаров), трайбализмом, патронажно-клиентными отношениями (М.Н. Афанасьев), этнокультурным фактором авторитаризма, этническими конфликтами в различных регионах России и других странах СНГ (В.А. Тишков и многие др.).

Вопросы для контроля

1. Что такое антропология?
2. Что является предметом политической антропологии?
3. Чем отличаются методы антропологии от методов социологии, политологии и истории?
4. Назовите основные школы политической антропологии.
5. Перечислите основные теории политогенеза.

Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех.

Глава 2 ПРИРОДНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ НЕРАВЕНСТВА И ВЛАСТИ

Постановка проблемы

Вплоть до настоящего времени очень широко распространена иллюзия того, что неравенство и эксплуатация — сравнительно поздно изобретенные социальные институты, а до их появления люди жили в царстве равенства и коллективной взаимопомощи. Во многом данный миф восходит к знаменитым трактатам Жан-Жака Руссо «*Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми*» (1754) и «*Об Общественном договоре*» (1762). Впоследствии его взяли на вооружение основоположники марксизма, включив первобытно-общинный строй без частной собственности в свою формационную схему. В этой схеме первобытность представляла собой не просто первую ступеньку в эволюции общественных форм, а нечто вроде прообраза светлого будущего — некий «социализм наизнанку», «первобытный коммунизм». К этому строю постоянно апеллировали теоретики марксизма, когда хотели показать, что возможно существование общества без частной собственности и без эксплуатации. Кроме того, «первобытный коммунизм» являл собой нечто вроде постоянного укора антагонистическому обществу с его многочисленными пороками и недостатками.

Однако исследования соцантропологов (этнологов, этнографов), а также специалистов по социобиологии показывают, что давно пришло время отказаться от столь серьезного заблуждения. Неравенство всегда существовало в истории че-

ловеческого общества. В настоящее время закрывать на это глаза и, руководствуясь кабинетными иллюзиями прошлого века, пытаться создать общество без неравенства — не только абсурдная, но и чрезвычайно опасная идея. Опыт многих столетий истории — от христианских общин до мировой системы так называемого социализма — показывает, что все попытки построения подобных обществ заканчивались созданием еще более жестких авторитарных структур.

В данной главе рассматриваются как естественные (природные, социобиологические), так и общественные (культурные) предпосылки возникновения неравенства и власти.

Территориальное поведение

В книге Ю.М. Плюснина, посвященной теоретическим проблемам социобиологии (1990), приводится хороший пример территориального поведения, взятый из мультфильма для взрослых «Выкрутасы», который в 80-е годы XX в. часто показывали перед демонстрацией фильмов в кинотеатрах. В нем проволочный человечек из мотка проволоки мастерит себе стол, кровать, дом, сажает проволочные цветы и деревья в проволочном саду, наконец, делает проволочную жену. Но ему постоянно мешают спокойно жить (в образе врага выступают проезжающие где-то рядом автомобили). Поэтому он сначала создает для себя проволочную собаку и будку, а затем решает построить из проволоки забор вокруг своего дома. Однако моток человечка давно кончился, поэтому он вынужден для сооружения забора разобрать все, что он смастерил ранее.

В этом мультфильме скрыт глубокий смысл. Каждое живое существо создает свой собственный мир обитания посредством присвоения части пространства, преобразования его (в том числе и расположенных здесь ресурсов) в соответствии со своими потребностями, наклонностями и интересами.

Никакой живой организм не может существовать без энергии, которую он получает из внешнего мира. Эта энергия находится в ресурсах, расположенных в окружающем организм пространстве. Следовательно, активность особи направлена на получение определенного количества ресурсов и защиты пространства, на котором эти ресурсы обнаружены.

Чтобы другие особи данного вида знали, что это пространство персонализировано, животные используют различные способы маркировки. Птицы сигнализируют, что эта территория занята своим пением. Собаки метят территорию своей мочой, крысы и мыши — калом.

Люди более изощренны, чем животные. Они вышивают вензеля на носовых платках, ставят экслибрис на книги, клеймят тавром домашних животных, ограждают землю забором и прибавляют к нему табличку с надписью «частная собственность» или «осторожно, злая собака», возводят пограничные столбы между государствами. Как рудимент подобного поведения можно расценивать различные надписи вроде «здесь был Вася» или «ДМБ-79» на стенах, столах, в трамваях, автобусах и поездах. Но и тут сущность заключается в попытках маркирования определенной части пространства.

Наконец, со временем люди изобретают «частную собственность» — специальный институт, призванный с помощью специальных законов и органов силы регулировать отношения между индивидами по поводу различных материальных и нематериальных объектов.

Таким образом, персонализация и преобразование пространства, а также расположенных в его пределах ресурсов являются жизненной (витальной) потребностью любого живого организма.

«Контроль над пространством и его организация, приспособление под собственные нужды, присвоение и усвоение этого ограниченного пространства обычно и обозначается термином территориальность» (Плюснин 1990: 157).

«Как инвариант это поведение присутствует и у рыбки трехглой колюшки, и у человека. Защита четверти квадратного метра песка и водорослей на дне водоема и огораживание забора участка с домом — не что иное, как два полюса одного поведенческого феномена присвоения среды, феномена, отражающего витальную потребность любого организма» (там же: 160).

Следовательно, контроль над пространством является жизненно важной потребностью любого живого существа.

У всех организмов можно выделить несколько уровней территориальных отношений (Плюснин 1990). Самый первый уровень — это интимная часть пространства. Она образно может

быть сравнима с воздушным пузырем, окружающим особь на расстоянии 10–20 см. Нарушение этого пространства вызывает у вас подсознательное раздражение. вспомните свои ощущения, когда ваш собеседник пытается в разговоре приблизить свое лицо. вспомните, какое раздражение у вас вызывает езда в переполненном общественном транспорте. проследите, как ведут себя люди в подобной ситуации.

Другой уровень — это индивидуальное пространство организма. У человека это своя комната, свой угол, свое место за столом, своя кружка, у ребенка свои игрушки и т.д. Попытки других присвоить (даже временно) эти объекты также вызывают спонтанную агрессию. Понаблюдайте за собой или домашними животными. Как вы реагируете на то, что ваше место за обеденным столом оказывается занятым, например, младшим братом или сестренкой? Какова реакция собаки, когда ее пытаются согнать с любимого места?

Следующий уровень — участки периодической активности, так называемые вторичные территории. У животных, например, это участок около жилища, который они, как правило, метят калом или мочой. Птицы демонстрируют, что они дома, пением. В современном урбанизированном обществе примером таких участков активности являются подъезд, двор, улица. Подростки периодически устраивают стычки со своими сверстниками, чтобы «чужаки» не посещали их территорию.

Наконец, к последнему уровню относится территория всего сообщества, которую то или иное существо делит с другими такими же особями. В этом случае агрессивное отношение животных направлено на представителей того же вида, но относящихся к «чужому» сообществу (колонии птиц, стае волков). Агрессивность людей направлена на «чужих» — представителей иной общины, рода, этноса, государства, расы.

Свой и чужой

Недоверчивое отношение к незнакомцам присуще как животным, так и людям. У детей чужой человек вызывает импульсивный страх, реакцией на который может быть плач. Взрослые также чувствуют некоторый дискомфорт и скованность от общения с незнакомыми. И в первом, и во втором случае причина одна. Только в кругу близких и/или родственных особей живое существо чувствует себя защищенным от внешнего мира и по-

зволяет себе временно расслабиться. Предпочтение общаться с близкими, деление всего мира на своих и чужих имеет глубокую биологическую основу (Лоренц 1994).

Чтобы отличать своих от чужих и защищать территорию, животные и люди задействуют свои механизмы. У крыс, например, признаком, отличающим одну группу от других, является запах. У людей таким свойством обладают культурные нормы, ритуалы поведения, т.е. тот самый комплекс «хороших манер», которые принято соблюдать для того, чтобы не быть отвергнутым другими членами группы.

Понаблюдайте за собой или за своими близкими. Вся наша жизнь насквозь пронизана ритуальным поведением. Почему у вас вызывает раздражение ковыряние в носу или неприкрытая зебота вашего собеседника? Почему вы начинаете выговаривать своему ребенку или младшему брату, который держит вилку так же, как ложку, склоняет слово «кофе» как существительное среднего рода или пьет чай с ложечкой в стакане? вспомните смешные случаи и анекдоты, связанные с манерами той или иной культурной группы (например, большое число анекдотов про стиль поведения «новых русских»). Постарайтесь вспомнить особенности общения со своими сверстниками в старших классах школы.

Назначение ритуалов поведения группы (т.е. принятых группой манер поведения) состоит в отделении чужих от своих, в групповой консолидации, а также в торможении агрессивного поведения против последних. В каждой большой или малой группе имеется свой комплекс ритуалов («приличных манер»), с помощью которых индивид демонстрирует лояльность этому коллективу. Любое отклонение от норм поведения, причем не важно, касается ли это чужака или нонконформиста, бросившего вызов своей группе, побуждает агрессивное отношение других членов коллектива (Лоренц 1994: 85–88).

Каждый может вспомнить примеры этого, восстановив в памяти события школьных лет. Например, в случае переезда каждый подросток, как правило, должен был пройти своеобразную процедуру «прописки» в новом дворе — подражаться кем-нибудь из своих сверстников. Дети особенно жестоки в своих отношениях друг с другом. Они не скованы узами социальных норм и законов, не отягошены грузом многолетнего воспитания и жизненного опыта взрослых. Специфика отно-

шений между тинейджерами хорошо отражена, например, в известном фильме режиссера Р. Быкова «Чучело».

Аналогичных примеров можно привести очень много. Они могут быть внешне более цивилизованными — как в восприятии старшекурсниками студентов начальных курсов в университете или вживании молодого специалиста в уже сформировавшийся коллектив, или же, наоборот, более жесткими и даже жестокими — как в отношениях между солдатами разных сроков призыва в воинском подразделении или между различными категориями заключенных в тюрьмах и лагерях. Однако суть всех их только одна. Чтобы быть принятым группой, индивид должен познать принятые здесь нормы и ритуалы поведения и неуклонно следовать им.

Известный этолог, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц приводит хороший пример того, как непонимание ритуалов другой культуры вызывает недоверие и страх, что, в свою очередь, может стать источником агрессивного поведения. Он пишет, что в Австрии принято слушать собеседника, повернув в его сторону голову и «подставив» ухо говорящему. Это является жестом учтивости и выражает готовность внимательно слушать. В северной части Германии, особенно в Пруссии, приняты другие манеры беседы. Там считается вежливым, чтобы собеседник держал голову прямо и смотрел в лицо.

«Когда я приехал из Вены в Кенигсберг, — а между этими городами разница, о которой идет речь, особенно велика, — прошло довольно много времени, прежде чем я привык к жесту вежливого внимания, принятому у восточно-пруссских дам. Я ожидал от женщины, с которой разговаривал, что она хоть слегка отклонит голову, и потом — когда она сидела очень прямо и смотрела мне прямо в лицо — не мог отделаться от мысли, что говорю что-то неподобающее» (Лоренц 1994: 86–88).

Можно привести похожие примеры и из более близкой нам реальности. Известно, что знаменитая «американская улыбка» есть не что иное, как просто знак вежливости (правда, необходимо отметить, что это все-таки не просто знак, но и свидетельство открытости, демократичности общества). Для нашего соотечественника улыбка — это уже некий маркер личностного благоприятного отношения. Не случайно здесь возникало немало проблем в отношениях между представителями двух столь разных культур. Для многих из нас американцы нередко высту-

пают в роли коварных представителей Запада, которые только улыбаются, много обещают, но скупы на реальные поступки. Американцы, наоборот, высказывают недоумение по поводу загадочной русской души, стремления русских перевести деловые контакты на почву личностных отношений.

На известное американское *How are you?* («как дела») в США принято отвечать «O'key». Это не что иное, как определенная культурная норма, которая свидетельствует о преуспевании в жизни данного человека. В России же подобный ответ нередко вызывает только внутреннее раздражение: «Как, у него «все хорошо», когда у меня так все плохо!»

В процессе эволюции человеческого общества нормы поведения, принятые в том или ином сообществе, превратились в *этнические* различия. Очень часто взаимное этническое непонимание служило причиной конфликтов и войн. Только за период после распада СССР на его бывшей территории произошло несколько войн и более двух десятков этнических конфликтов, в результате которых погибло около 100 тыс. человек.

Агрессивность

Таким образом, ритуалы сближения и ритуалы поведения служат культурными барьерами для отделения членов своей группы от чужой. Их назначение состоит в торможении агрессии, направленной на членов своего коллектива, и в формировании чувства группового единства.

Что же такое агрессивность? Существует множество определений агрессии, для самостоятельного изучения могут быть рекомендованы хорошие обзоры данной темы (Бэрон, Ричардсон 1998). Однако здесь сознательно акцентируется внимание только на *этологическом* подходе к агрессии. Как было показано, этологи связывают агрессивность с присвоением и защитой необходимого пространства и расположенных на нем ресурсов. Кроме того, агрессивное поведение распространяется на внутривидовой отбор (более агрессивные особи имеют преимущество в выборе партнеров), на защиту детенышей, а у социальных животных — на борьбу за статус в пределах группы (Лоренц 1994).

Кто более подвержен агрессивности — мужчины или женщины? Несомненно, большая предрасположенность первых к более агрессивному поведению очевидна и, несмотря на определенную вариативность по-

ведения индивидов, фиксируется многими исследователями. Однако не совсем ясно, опосредовано ли данное различие генетически и биологически или же оно обусловлено различием в социальных ролях мужчин и женщин. Некоторые биологи полагают, что агрессивность, возможно, обусловлена половым отбором более активных особей. Многими отмечается тесная корреляция между проявлением агрессивного характера индивида и уровнем мужского полового гормона *тестостерона*. Однако также известно, что женщины чаще расценивают агрессивность как средство выражения своего гнева и снятия стресса путем высвобождения негативной энергии, тогда как для мужчин в силу их функционального статуса в обществе агрессия в большей степени служит инструментом для достижения различных материальных и социальных преимуществ (Бэрон, Ричардсон 1998).

Каким образом можно контролировать проявления агрессивности у людей? Очевидно, что от нее нельзя избавиться посредством воспитания, поскольку всегда будут существовать ситуации, раздражающие людей, — агрессивность является важным механизмом жизнедеятельности любого живого организма. Ее также нельзя запретить законами. И первый, и второй способы могут привести только к нагнетанию ситуации, которая будет заканчиваться разрушительными социальными взрывами, непредсказуемыми по своим последствиям (Лоренц 1994: 258–260).

Этологи полагают, что наиболее надежный способ борьбы с агрессией — переориентирование ее. У многих первобытных и архаических народов существовали обычаи, которые неосознанно были предназначены для снятия агрессивности (танцы с имитацией ударов у австралийских аборигенов, песенные поединки у эскимосов Аляски). Вероятно, сюда же следует отнести и знаменитый русский кулачный бой, воспетый М.Ю. Лермонтовым в «Песне о купце Калашникове».

Возможно, среди ученых первым суть переадресования агрессии понял известный австрийский врач-психиатр Бруно Беттельгейм, побывавший в фашистском концлагере и написавший по своим впечатлениям удивительную книгу под названием «Просвещенное сердце» — «пособие» для желающих выжить в экстремальных условиях*. Беттельгейм описывает случай, про-

* О Беттельгейме см. на русском языке статьи М. Максимова: Только любовь... Не мало ли? // Знание-сила. 1987. № 7; На грани — и за ней // Знание-сила. 1988. № 3.

исшедший с ним лично. В какой-то момент накопившееся раздражение довело его до такой степени, что он был готов убить своего соседа по бараку. Выбежав из помещения, Беттельгейм увидел около двери пустую консервную банку, в которую заключенные кидали окурки. Он с силой растоптал ее, и внутреннее напряжение спало (Bettelgeim 1960).

Анализируя позднее данный эпизод, Беттельгейм сделал эмпирическое обобщение: агрессивность в отношении неживых предметов может привести к снятию напряжения. Впоследствии этот пример воспроизвел в своей «Агрессии» Конрад Лоренц. Существуют и другие подобные способы снятия агрессивного напряжения. В Японии во многих организациях существует традиция изготовления резиновых кукол руководителей и высших администраторов. Каждый из сотрудников без всяких последствий для себя имеет право взять резиновую дубинку и поколотить куклу.

На некоторых из нас хорошее воздействие оказывают фильмы-боевики или подобные им компьютерные игры (так называемые стрелялки). Здесь, возможно, происходит своеобразное «замещение». Индивид подсознательно ассоциирует себя с главным героем, уничтожающим Зло, и тем самым высвобождает накопившуюся агрессию.

Можно также напомнить, каким массовым духовным подъемом сопровождалось уничтожение французами Бастилии или снятие в Москве с поста на Лубянке статуи Дзержинского после подавления путча ГКЧП.

Конечно, уничтожение любых памятников (даже олицетворяющих тоталитаризм) — акт вандализма. Пусть лучше они служат напоминанием последующим поколением. Однако можно понять и, наверное, оправдать психологию людей, в которых долгие годы падшая власть накапливала чувство страха и ненависти. В любом случае с точки зрения общечеловеческих ценностей уничтожение материальных объектов, возможно, лучше, чем тотальный террор в отношении представителей вчерашней элиты. Вне всякого сомнения, вина последнего Российского императора Николая II перед своим народом велика, и он должен был быть предан суду, но в чем вина его детей?

В современности особым способом переадресования агрессии является спорт. Это поняли еще древние греки, кото-

рые на время Олимпийских игр прекращали внутренние войны и конфликты. В наши дни олимпийское движение — важный механизм современной цивилизации в деле установления мира и сотрудничества между народами. Участие в соревнованиях даже в качестве зрителя ведет к высвобождению большого количества накопившейся энергии, перенесению соперничества из области реальных конфликтов и войн в сферу ритуализованного соперничества (правда, и сами спортивные соревнования нередко сопровождаются конфликтами как на турнирном поле, так и за его пределами; достаточно напомнить известных своим вандализмом английских футбольных болельщиков).

Наконец, в индивидуальных отношениях лучшим способом торможения агрессии является личное знакомство. Оно само по себе способствует притуплению агрессивности. Обычный человек может сколько угодно испытывать заочное чувство злобы против тех или иных конкретных национальностей — «евреев», «янки», «лиц кавказской национальности» и пр., но ему вряд ли придет в голову совершить нечто подобное в отношении сидящего против него за столом конкретного человека.

Половое неравенство Доминирование самцов над самками — не универсальное явление.

У многих видов самки не слабее самцов. Однако у ряда высших животных (рогатый скот, дельфины, обезьяны и пр.) сексуальное поведение самцов отражает их иерархическое доминирование над самками. Поэтому иногда у животных одного пола имитация полового акта (реже реальный контакт) демонстрирует их различный статус в группе. При этом доминирующее животное выполняет активную роль самца, тогда как подчиненная особь — пассивную функцию самки. Этологи также неоднократно отмечали, что у самцов обезьян демонстрация своей эрекции равнозначна вызову (*Кон* 1988: 82–84; *Бутовская* 1999а: 60).

Подобные отношения между полами характерны и для людей. Нередко даже на подсознательном уровне женская роль ассоциируется с подчиненной функцией («жертвой»), тогда как мужская — с господствующей («насильником»). Во многих человеческих культурах активная гомосексуальная пози-

ция воспринимается естественно, тогда как пассивная — резко отрицательно (в уголовной субкультуре пассивные гомосексуалисты имеют самый низкий статус). Одни из самых распространенных бранных ругательств в разных обществах связаны с гениталиями, помещением ругаемого в сексуальную позицию женщины (вспомните обобщенное название сквернословия в русском языке — «мат», «по-матерному»).

Интерпретируя в своих ранних работах данное свойство человеческой психики, Зигмунд Фрейд полагал, что сексуальность мужчин обусловлена агрессивным поведением, желанием доминировать. Однако было бы слишком просто видеть истоки полового неравенства в обществе только в мужской сексуальности. В человеческом обществе имеется несколько подчас взаимосвязанных обстоятельств, которые обусловили различные социальные позиции мужчин и женщин в обществе.

Одна из самых очевидных причин заключается в длительном периоде взросления человека. В силу продолжительного ухода за новорожденным женщина должна была больше уделять внимания ребенку и домашним обязанностям, тогда как мужчина становился главным добытчиком пищи в семье. Возможно, частые роды также служили причиной длительной исключенности женщин из социальной деятельности группы.

Другое обстоятельство связывается исследователями с представлениями о различной социальной роли мужчины и женщины. Эти представления опосредованы нормами, которые усваиваются еще в детстве. Родители и окружающие, за редким исключением, поощряют поведение, соответствующее полу ребенка, и выражают неодобрение, когда дети ведут себя неподобающим образом. Согласно наиболее распространенным нормам, в большинстве обществ мужчина должен работать и обеспечивать свою семью («инструментальная» роль). На долю женщины выпадает забота о семейном очаге и детях («экспрессивная» роль). Именно это обуславливает физическое и социальное преимущество мужчин. Однако даже новорожденные мальчики обычно крупнее и тяжелее девочек, а их мышцы и легкие мощнее. Считается, что усиленное развитие мышц у мужчин связано со стимулирующим воздействием андрогенов (*Parker, Parker* 1979).

Нельзя исключать и уже упоминавшееся обстоятельство, что в целом мужчины более агрессивны, чем женщины. Не удивительно, что именно агрессия мужчин, как и других приматов, — один из важных факторов определения их места в той или иной общественной иерархии. Женщины, как правило, не участвуют в иерархических играх мужчин. Они образуют группировки «статусно-возрастного» характера: девочки, подростки, девушки, молодые женщины с маленькими детьми, женщины с взрослыми детьми, бабушки. Часто статус женщины определяется статусом ее партнера.

Наконец, имеется точка зрения, согласно которой сила и преимущество мужчин обусловлены эволюционными причинами. Необходимость рожать детенышей с большой головой предполагает наличие широкого таза у женщин. Вследствие этого происходит смещение центра тяжести. Женщины стали уступать мужчинам в выносливости и скорости. При движении приходилось их ждать, а при нападении хищников — защищать (Дольник 1998: 44–46). Но и в этом случае не ясно, привела ли данная особенность женского организма к последующим генетическим изменениям, поскольку не только у человека, но и у обезьян особи мужского пола обычно крупнее и сильнее самок.

Так или иначе, согласно данным Дж. Мердока и К. Провост (Murdock, Provost 1973), именно большая физическая сила мужчин и несовместимость ряда форм трудовой деятельности с уходом за детьми послужили причиной разделения труда между полами у людей (кросскультурная выборка по 185 обществам). Мужчины должны защищать слабый пол и потомство, а также обеспечивать их пищей, женщины — заботиться о малолетних детях и заниматься работой по дому.

С развитием сложных форм человеческой культуры и цивилизации это привело к закреплению жестких императивов гендерного поведения. Согласно таким ролям мужчина должен обладать силой и знаниями, выступать в роли кормильца семьи, участвовать в жизни общества. Женщина должна заниматься домашним хозяйством, рожать и растить детей (вспомните, например, знаменитое немецкое «три К» — *Kindel, Kuche und Kirche*).

За небольшим числом исключений и определенными вариациями данные стереотипы распространены в большинст-

ве человеческих культур. По данным социолога Морриса Зельдича, проанализировавшего 56 обществ, в 35 из них мужская роль имела инструментальный характер, в одном — экспрессивный и в 19 — смешанный. Гендерные функции женщин, согласно Зельдичу, оказались еще более выражены. В 48 обществах женская роль имела экспрессивный характер и лишь в 3 — инструментальный, а в 5 — смешанный (Parsons, Bales et al. 1955).

Доминирование мужчин поддерживается процессом социализации и усиливается через различные общественные институты. Если ребенок ведет себя не так, как предписывают нормы поведения, взрослые и сверстники оказывают на него определенное давление. Существуют три теории половой социализации, которые, скорее, взаимодополняют, чем исключают друг друга. Согласно теории *идентификации*, ребенок бессознательно копирует поступки взрослых представителей своего пола и в первую очередь — поведение своих родителей. Истоки этой теории в психоанализе. По теории *половой типизации*, восходящей к теориям социального научения, решающее значение отдается механизмам психологического подкрепления. Взрослые поощряют детей, когда они ведут себя в соответствии с образцами поведения, принятыми для их пола. Теория *самокатегоризации* акцентирует значение на самостоятельности процесса познания. Ребенок первоначально усваивает представления о половой идентичности, а впоследствии старается вести себя так, как предписывают ему соответствующие культурные нормы (Кон 1988: 195–197).

В антропологической и социологической литературе существует неомарксистская конфликтная теория господства мужчин над женщинами, восходящая к концепции «патриархата» из знаменитой работы Ф. Энгельса «*Происхождение семьи*». Согласно этой концепции, на определенной ступени развития мужчины стали доминировать над женщинами и эксплуатировать их (Hartman 1976; Leacock 1981; Gailey 1987; Флюер-Лоббан 1990; Гейли 1990 и др.).

В советской науке существовала теория «матриархата», согласно которой до господства мужчин существовало равенство между полами, а в некоторых обществах было распространено и господство женщин. Однако это далеко не так. Современ-

ные данные показывают, что матриархат — это кабинетный миф ученых XIX столетия (Першиц 1986). Нередко с матриархатом путают *матрилинейность* — определение родства по материнской линии. Во многих культурах существовали культы поклонения женщинам (мужчины всегда боготворили слабый пол), но это нисколько не мешало мужчинам доминировать в обществе.

Степень и формы полового неравенства в различных культурах опосредованы разнообразными факторами: системой культурных ценностей, развитостью экономики, типом политического режима и т.д. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

В различных описаниях путешественников и профессиональных этнографов можно найти много ярких свидетельств эксплуатации мужчинами женщин. Это хорошо видно на примере аборигенов Австралии.

«Во время перекочевков женщина укладывает и несет на себе весь домашний скарб. Мужчина идет впереди, с пустыми или почти с пустыми руками, ему приходится нести только легкое оружие, тогда как женщины следуют за ним нагруженные, как вьючные мулы, четырьмя—пятью корзинами, доверху полными провизией. Если в одной из корзин сидит ребенок, то это не мешает матери нести на плече и другую, побольше. Пища мужчин состоит главным образом из меда; иногда, случайно, из яиц, дичи, ящериц; но вообще он приберегает для себя животную пищу, предоставляя жене и детям питаться растительной и добывать ее, где угодно. Для мужчины охота прежде всего спорт, а не способы добывания пропитания для семьи; кормить семью — не его дело, он не признает, чтобы роль мужа налагала на него какие-нибудь обязанности. Он живет в свое удовольствие, уходит на охоту, лишь только обсохнет роса на траве, и возвращается уже под вечер, иногда с пустыми руками, пожрав на месте пойманную добычу. Но если муж-австралиец несет мало обязанностей, зато у него много прав; он может, по произволу, бить, истязать, даже убить свою жену. Эта несчастная ночью, во всякую погоду принуждена ходить за хворостом и за водой. Один из самых интеллигентных людей из туземцев, сопровождавших Лумгольца, провел добрую половину ночи, колотя свою жену, и даже сломал ей два пальца за то, что она, как он выразился, под предлогом будто ночь слишком хо-

лодна, не сразу согласилась идти в лес за хворостом» (Летурно 1897: 24).

Подобным образом было организовано разделение труда в иных обществах охотников-собирателей, например бушменов Калахари, хадза (Салинз 1999: 38, 65 и др.), а также у кочевников-скотоводов. Нравы кочевников были описаны еще в знаменитом трактате «История Монгалов» (гл. IV, § IV) итальянского монаха Плато Карпини, побывавшего в середине XIII в. при дворе великого монгольского хана Гуюка.

«Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе... Женщины их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи. Они также правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры».

Аналогичные данные приводятся в описаниях кочевников различных регионов более позднего времени (см.: Крадин 1992, 2002: 160 и др.).

В работах О.Ю. Артемовой (1987, 1991, 1993 и др.) подробно рассматривается неравенство в отношениях между мужчинами и женщинами в архаических обществах. В сводной книге немецкого историка Райнхарда Зидлера «Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.)» (М., 1997) приводится много фактов доминирования мужчин в семейной жизни, сексуальных отношениях, в общественной жизни общины на рубеже нового и новейшего времени в Европе.

В современном обществе неравенство между мужчиной и женщиной сохраняется. Несмотря на то что в результате многолетней борьбы женщины в наиболее развитых странах добились избирательных прав, возможности получать высшее образование и делать личную карьеру, мужчины по-прежнему имеют более высокий реальный статус. Женщины заняты в основном в наиболее низкостатусных отраслях экономики и общества. Так, в США в 1980 г. средняя зарплата мужчин составляла 322 долл. в неделю, тогда как недельная зарплата женщины была на 118 долл. меньше. 65% самой низкооплачиваемой категории американских граждан, получающих менее 150 долл. в неделю, составляют женщины, тогда как из самой высокооплачиваемой группы, зарабатывающих более 500 долл. в неделю, почти 90% мужчины (Смелзер 1998: 349–350).

В нашей стране существует аналогичное положение дел. Так, в современной российской науке число женщин превышает 50%. Однако средняя зарплата женщин составляет не более $\frac{3}{4}$ средней зарплаты мужчин. Большая часть высоко-статусных должностей (профессура, руководители) заняты представителями сильного пола. Из более чем тысячи членов Российской академии наук лишь 8 женщин имеют звание академика и 21 женщина — звание члена-корреспондента. Точно такая же ситуация в других отраслях и в политике. В Государственной думе, например, менее 10% женщин. В Совете Федерации на 1999 г. из 178 его членов была всего одна женщина.

В Республике Корея, которая быстрыми темпами прошла этап модернизации, сохраняются глубоко патриархальные взгляды на место женщин в обществе. По-прежнему широко распространены взгляды, что женщина не должна работать. Родители ориентируют дочерей не на карьеру, а на удачный брак. Нередко девушек увольняют с работы после выхода замуж. Труд женщин менее оплачиваем, чем мужчин. Любопытно, что в этой стране более 40% учителей составляют женщины, тогда как среди преподавателей вузов их уже менее 20%, а среди руководителей средних и высших учебных заведений лишь 2,5% (*In-ho Lee 1995*).

Неравенство в оплате между мужчинами и женщинами не единственная составляющая более низкого статуса женщин. Как правило, именно женщины выполняют основную долю домашней работы, которая не оплачивается, но отнимает часто не меньше физических сил и времени, чем основная работа. Необходимо отметить, что данная деятельность очень важна для воспроизводства рабочей силы и воспитания потомства (будущей рабочей силы). Тем не менее она не рассматривается как полноценный труд, и женщины не могут претендовать на полновесную пенсию, как мужчины.

Однако за пределами западной цивилизации и ряда других стран, включая Россию, статус представительниц слабого пола намного ниже. В странах исламского мира, например, несмотря на постепенное вовлечение женщин в активную общественную жизнь, по-прежнему их влияние на сильный пол минимально. Здесь широко распространено многоженство,

мужчина имеет в семье полную власть. Даже в тех странах, где развод теоретически возможен по инициативе любой из сторон (например, в Йемене), расторжение брака по инициативе женщины роняет ее репутацию. При разводе дети остаются с отцом. В ряде исламских стран женщины лишены права голоса: все политические, экономические, религиозные решения принимаются мужчинами. Даже там, где женщины имеют право голосовать и быть избранными, лишь незначительная часть их добилась высокого политического статуса.

В Иране до сих пор сохраняются многие черты неравенства полов. Единственное равное с мужчинами право иранской женщины — это право голосовать. В остальном представительницы слабого пола остаются гражданами «второго сорта». В первую очередь женщина воспринимается как средство воспроизводства потомства. В семейной жизни женщины обладают даже юридически меньшими правами, чем мужчины. До сих пор сохраняется полигиния. Во многих сферах жизни существует разделение на мужское и женское (раздельное образование в университетах, обслуживание в больницах, банках и пр., дискриминация женщин в спорте и т.д.). При поступлении на работу жене требуется разрешение мужа. Длительное время официально было ограничено право женщин на получение образования, но и до сих пор число женщин с высшим образованием в целом невелико. Незамужние женщины лишены права на государственную стипендию для получения высшего образования за рубежом, но и замужние имеют такое право только в том случае, если отправляются за рубеж вместе с супругом (*Saadatmand 1995: 1–24*).

Возрастное неравенство

В современной американской социологии существует термин «эйджизм» (*ageism*), который обозначает неравенство по отношению к одной или нескольким возрастным группам. Этим понятием Роберт Батлер подчеркнул неприятие в американском обществе пожилого населения, в большинстве своем не способного на равных конкурировать с лицами более молодого возраста (*Butler 1969*). Возможно, это исключительно американское явление.

Чаще встречается обратная ситуация — доминирование лиц старшего возраста. Во многих культурах распространено уважительное отношение к лицам преклонного возраста, их авторитет непререкаем. Данное обстоятельство легко объяснимо. Лица более старшего возраста обладают большей ин-

формацией, жизненным опытом. Иногда они лучше организованы, чем молодежь. В их руках сосредоточены рычаги управления и власть. В традиционном обществе они являются носителями *традиций*, выполняют религиозные культы. Уже одно это давало им существенные преимущества перед более молодыми соплеменниками.

Систему возрастного неравенства начали изучать еще на рубеже XIX–XX вв. Наиболее известное сочинение на эту тему — книга немецкого этнолога Генриха Шурца (1863–1903) «*Возрастные классы и мужские союзы*» (1902). Шурц предположил, что возрастная стратификация является преимущественно мужским институтом (женщина больше тяготеет к семье, тогда как мужчина — к общественной жизни), обусловленным групповой солидарностью, которая возникает вследствие антагонизма различных поколений. Она представляет собой древнейшую форму организации в обществе, из которой впоследствии сформировались *мужские дома* и позднее *мужские тайные общества* (Азаров 1985). По мнению Шурца, последние первоначально были направлены против женщин. Впоследствии они стали выполнять карательные функции, восполняя слабость официальных органов управления обществом.

К настоящему времени возрастному неравенству посвящено большое число специальных исследований. Для более углубленного изучения этой проблемы следует обратиться к учебному пособию В.В. Бочарова «*Возрастная антропология*» (2000).

В наиболее эгалитарных обществах возрастное неравенство проявляется в распределении добычи, сексуальных ограничениях, пищевых табу (запретов принимать те или иные виды продуктов), в знаковой символике (одежда, украшения, оружие), в перекладывании на молодежь малопрестижной и неквалифицированной работы.

В тех случаях, когда представители определенной возрастной группы оказывались объединенными в рамках корпоративной структуры, можно вести речь о системе возрастных классов. Система возрастных классов хорошо изучена у австралийских аборигенов, многих народов Африки — аканов, галла, метабеле, нанди, нуэров, ньякьюса, туркана (Калиновская 1976; Бочаров 2000: 52–58).

У африканских народов каждая возрастная группа мужчин имеет свои обязанности и права. Мальчики пасут мелкий рогатый скот, молодежь получает навыки военного дела, взрослые мужчины занимаются хозяйственной деятельностью и имеют семьи (возможно также, что они являются «старшими» воинами), пожилые мужчины (как правило, после 40 лет) руководят хозяйственной деятельностью и военными походами, выполняют миротворческие функции в конфликтах, старики осуществляют жреческие обязанности и имеют решающий голос во всех важнейших делах общества.

У аканов время пребывания в одном возрастном классе равнялось примерно 15 годам. Активно участвовать и управлять хозяйственной и социальной жизнью общества могли только представители старших «классов» (*мпанифо* — взрослых от 30 до 45 лет и *аберемпонфо* — старейшин более преклонного возраста). Интересно, что это отразилось в социальной терминологии аканов. Даже молодого по биологическому возрасту вождя называют термином «нана» — дед (Полов 1990: 102–104).

Система возрастных классов пронизывала всю социальную жизнь традиционного африканского общества. Как правило, она затрагивала мужскую часть общества. *Инициации* — ритуалы перехода из одного статуса в другой — сопровождалась мужчельными испытаниями посвящаемых. Но в некоторых африканских культурах существовали возрастные ранги и у женщин. Тот, кто не прошел по тем или иным причинам обряды посвящения, имел более низкий социальный статус, а иногда даже исключался из общественной жизни.

В той или иной степени институты возрастных классов можно проследить во многих посттрадиционных обществах, в том числе во всех бывших среднеазиатских республиках Советского Союза — ныне независимых государствах СНГ (см., например: *Залыхина* 1951). Здесь у различных народов имеется несколько возрастных групп как среди мужчин, так и среди женщин. Переход из группы в группу часто сопровождается инициациями (например, обряд обрезания у мальчиков), которым сопутствуют специальные обряды и праздники. Новый статус налагает на человека определенные обязательства в поведении. Представители групп отличаются не только своей ролью в обществе и статусом, но нередко и внешними маркера-

ми — прической, одеждой или ее деталями, головными уборами и т.д. Так, важным показателем статуса мужчин считается растительность на лице (Бочаров 1995).

Возрастное неравенство — универсальное явление, элементы которого в той или иной степени присутствуют в любом современном обществе. Понаблюдайте за взаимоотношениями студентов старших и младших курсов. Если у вас есть родственники в сельской местности, обратите внимание на то, в каком порядке и кому накладывается пища во время трапезы.

Не являются исключением даже современные западные общества. Американский антрополог Дж. Везерфорд, работавший клерком в американском конгрессе, показал, что конгрессмены с большим стажем работы, пользующиеся определенными привилегиями (возглавляют комитеты, занимают более комфортабельные апартаменты и пр.), подчеркивают в отношении с новичками свой более высокий статус (Weatherford 1981).

Из современных развитых стран, пожалуй, лишь Япония сохранила систему возрастного неравенства в наиболее явном виде. Здесь заработная плата и статус человека на работе зависят в первую очередь от его возраста и длительности работы в данной организации. Существует разработанная система этикета в отношениях между старшими и младшими. Младшие должны подчиняться старшим и проявлять знаки почитания и благодарности. Старшие должны руководить младшими и заботиться о них.

Самым выразительным примером системы возрастного неравенства являются так называемые неуставные отношения в армии — «дедовщина». Наиболее ярко эти отношения описаны в романе Ю. Полякова «Сто дней до приказа». Сущность данной системы состоит в том, что все военнослужащие срочной службы разбиваются на три большие иерархические группы (внутри них могут быть подгруппы) в соответствии со сроком службы. Внизу стратификационной лестницы располагаются молодые солдаты-первогодки («салаги», «духи», «бойцы», «молодые» и пр.). Средний ранг занимают военнослужащие, прошедшие первый год службы (в сухопутных войсках от 1 до 1,5, на флоте от 1 до 2 лет службы — «фазаны», «черпаки»). Наверху иерархии находятся старослужащие («деды») и те, которым вскоре предстоит демобилизация («дембеля»). Отношения ме-

жду стратами принимают жестокую, а иногда бесчеловечную форму. Переход из ранга в ранг сопровождается жестокими ритуалами. Существует неписаная этика поведения (нельзя доносить о жестокостях офицерам, нельзя защищать молодых и пр.). С точки зрения старослужащих, данная система обеспечивает процесс воспитания и обучения молодых военнослужащих (Бочаров 2000; Банников 2001, 2002).

Все попытки гражданской общественности поднять эту проблему в печати, как правило, наталкиваются на замалчивание ее военными. В то же время внутренние попытки борьбы офицерского состава с системой данных отношений не привели к ее искоренению в армии. Только в последние 10–15 лет эта тема стала предметом активного обсуждения, в частности, в «военной социологии» (Марченко 1993; Образцов 1996 и др.). Однако, к сожалению, ее существование не совсем правильно интерпретируется только недостатками воспитания в советском и постсоветском обществе, общим развалом вооруженных сил в стране и разрешением призывать в армию ранее судимых лиц.

Очевидно, что эти причины сыграли важную роль в масштабах распространения «дедовщины» в целом. Однако в реальности данные отношения представляют собой более широко распространенный в истории феномен. В дореволюционной России подобные явления существовали во многих военных и гражданских учебных заведениях (так называемые «цук», «подтяжка»). В частности, они описаны А.И. Куприным в «Юнкерах». Данный пример далеко не единственный. В литературе, особенно в художественной, содержится множество ярких иллюстраций грубого, унижительного отношения старшекурсников к младшим ученикам в средних и высших учебных заведениях (как гражданских, так и военных) не только России, но и других стран. Например, В. Овчинников в книге «Сакура и дуб» описал подобные нравы, распространенные в современных английских публичных школах-интернатах. Элементы неуставных отношений имеются в вооруженных силах не только России (СССР), но и всех современных государств.

В основе этого явления лежит комплекс различных факторов: обладание старшими информации о законах и традициях функционирования данной группы, их лучшая корпоративная

организованность, сплоченность, связи с вышестоящими органами управления, нередко физическая сила.

Даже там, где нет жесткой иерархии, в неявной форме присутствует определенное представление старших о своем привилегированном положении. Так, в студенческой среде это выражается в том, что студенты старших курсов пытаются переложить на младшекурсников данные им администрацией разовые поручения и т.д. Аналогичные элементы дискриминации имеют место не только среди молодежи, но и в коллективах взрослых. Помимо отличий в заработной плате (отражающей разницу в квалификации) на молодых нередко возлагают дополнительные неоплачиваемые поручения. В советское время их часто привлекали к общественной работе (профсоюз, комсомол, избирательные комиссии, прочие общественные организации, спортивные соревнования, демонстрации, колхозы и т.д.), как правило, именно им поручают дежурство по праздникам, дают отпуск в зимние месяцы, отправляют в магазин за продуктами и спиртными напитками во время празднования различных мероприятий. Со временем отношение к молодому специалисту меняется. На изменение его статуса, как правило, влияет не только рост квалификации и служебного положения, но и изменение семейного положения, рождение детей. Отныне не он, а более молодые должны выполнять различные непрестижные обязанности и поручения.

Другое дело — насколько жестка форма проявления данных отношений в обществе. Очевидно, что в университете в силу более высокого уровня культуры и социальности учащих-ся они будут мягче, чем в школе. Отношения между студентами, проживающими в общежитии, вероятно, будут более жесткими, чем между студентами, живущими дома. Особенно существенны отличия между однополыми и биполыми группами. Однополые мужские замкнутые коллективы отличаются наиболее жесткой иерархической структурой.

По всей видимости, это связано с двумя главными причинами: во-первых, с биологически несколько большей предрасположенностью мужчин к агрессивности, а во-вторых, с социальной ролью мужчин — необходимостью выступать в качестве основного «добытчика» и, следовательно, демонст-

рировать большую агрессивность (Бэрон, Ричардсон 1998). Именно поэтому столь жестоко ведут себя особи мужского пола (вне зависимости от их возраста) в замкнутых однополых коллективах, будь то военное училище, армейское подразделение или исправительно-трудовое учреждение. Если же в этих коллективах существует периодическая ротация за счет исключения одних и приема других, новых членов, появляются условия для образования возрастных рангов. При этом иерархия принимает форму возрастных статусных групп со всеми сопутствующими уродливыми атрибутами подобных типов социальной организации.

Еще один интересный аспект, который необходимо затронуть в данном разделе, — это жестокость, которой сопровождаются многие ритуалы посвящения. Существует мнение, что в первобытности при отсутствии репрессивного контроля в обществе пытка и боль были одним из средств сохранения внутренней стабильности. Метки на теле испытуемого (шрамы, тотемические знаки, татуировки) символизировали память о коллективном законе разделения группы на статусы, структурировали единство внутри рангов уже прошедших различные обряды инициации (Диас 1998). Подобный вывод справедлив и для тех или иных современных общественных групп. Существование в них различных обрядов посвящения является средством сохранения неформального контроля со стороны лиц и/или подгрупп с более высоким общественным статусом.

Неравенство, иерархия, стратификация

В современной науке принято различать неравенство, иерархию и стратификацию. В научном смысле *неравенство* — это такие условия, при которых разные группы или индивиды имеют неодинаковый доступ к власти, богатству, престижу, образованию и т.д. Различают *неравенство вертикальное* и *горизонтальное*. Первое отражает положение человека по отношению к другим людям внутри одной иерархической лестницы (король и подданный, папа и католики, генерал и солдат). Второе показывает различия между людьми примерно одного статуса, но относящимися к разным иерархиям (например, разница в заработной плате между американским и российским профессором или отличия в уровне жизни между жителями столицы и провинциального города).

Понятие «иерархия» (от греч. *hieros* — священный и *arche* — власть) в социальных науках используется для характеристики пирамидальной социальной организации от высших уровней к низшим. Однако с появлением кибернетики данное понятие стало применяться во всех науках для описания упорядоченного взаимодействия различных элементов и уровней системных объектов.

Социальная стратификация (от лат. *stratum* — слой и *facere* — делать) — это иерархическая система неравенства, разделение совокупности людей на страты (классы, ранги и пр.). Основанием стратификации является неравномерное распределение прав и привилегий, власти, престижа и влияния, обязанностей, собственности.

Социологи выделяют *экономическую* (по степени богатства), *политическую* (по концентрации власти) и *профессиональную* (внутри профессий) стратификацию. В архаических и традиционных обществах основанием для стратификации были также *родство* (вождь и его родственники по боковой линии; аристократы крови и простолюдины и т.д.) и *этническая принадлежность* (эллины и варвары; завоеватели и завоеванные). В некоторых современных обществах (например, в странах Балтии) этническая стратификация сохраняется.

Подробно о социологических теориях неравенства и стратификации можно узнать из учебников по социологии, а также из следующих работ: *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социология: учебник 90-х годов. Челябинск, 1991; *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2; *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297–424; *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156; *Фролов М.А.* Политическая стратификация. М., 1995 и др.

Проблема этнического неравенства не входит в круг рассматриваемых здесь вопросов. Для ознакомления с этой темой необходимо обратиться к специальным пособиям и монографиям по этнологии и этнополитологии, например: *Здравосмыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997; *Идентичность и конфликт в постсоветских обществах.* М., 1997; *Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публикация. М., 2001; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998; *Сикевиц З.В.* Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999; *Садохин А.П., Гру-*

шевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000; *Тураев В.А.* Этнополитология. Хрестоматия. М., 2001.

Социальная стратификация

Для ее изучения особенно много сделал П.А. Сорокин (1889–1968). В ряде его работ, особенно в книге «*Социальная мобильность*» (1927), подробно рассматриваются основные компоненты теории стратификации (*Сорокин* 1990: 295–424).

Экономическую стратификацию Сорокин рассматривает через призму концентрации богатства, отвергая гипотезу К. Маркса о нарастании процесса пролетаризации и пауперизации с развитием капитализма. Он также возражает против точки зрения В. Парето, который полагал распределение доходов и профиль экономической стратификации постоянными и поддающимися математическому расчету. Наконец, Сорокин выступает против того, чтобы рассматривать постепенное увеличение среднего уровня благосостояния в современной Западной Европе и Америке как прогрессивную тенденцию. Он приходит к выводу, что благосостояние и доходы могут сильно варьировать в различных исторических типах обществ и, скорее всего, профиль экономической стратификации подвержен не периодическим циклическим колебаниям, обусловленным воздействием разнообразных факторов.

Политическая стратификация также подвержена определенной динамике. Ее развитию способствует увеличение размеров и разнородности общества. Однако политическая стратификация не поддается однолинейному истолкованию как постепенный переход к политическому равенству и исчезновению общественных рангов. Нельзя не согласиться с выводами Сорокина, что процессы политической демократизации могут чередоваться с установлением тоталитарных режимов (фашизм в Италии и Германии, хунта в Чили) и/или с созданием антидемократических организаций (ку-клукс-клан в США), монархии могут сменяться республиками и наоборот (античные Греция и Рим, Франция в XVIII–XIX вв., Испания конца XX в.). Доступ к механизмам власти с течением времени не становится более простым (в самых мобильных обществах Западной Римской империи и США около 50% правителей были выходцами из низов). Политическая элита никуда

не исчезает, она лишь меняет обличье. На смену наследственным элитам «крови» традиционного общества приходит элита «денег», а затем — элита «знаний». Профиль политической стратификации также колеблется, но в более широких пределах, чем профиль экономической стратификации. Эти колебания опосредованы борьбой между элитой и силами выравнивания, стремящимися сделать пирамиду стратификации более плоской.

Профессиональная стратификация бывает внутри- и межпрофессиональной. *Внутрипрофессиональная стратификация* предполагает, что в различных организациях существует внутренняя дифференциация, обусловленная необходимостью управления. *Межпрофессиональная стратификация*, по Сорокину, характеризуется тем, что неквалифицированные работники всегда находятся внизу общественной пирамиды; умственный труд всегда ценится выше физического; функции социального контроля требуют высокого интеллекта управляющей элиты.

Здесь не во всем следует согласиться с мнением П. Сорокина. В современном обществе некоторые виды физического труда (например, спорт) оплачиваются выше, чем интеллектуальная деятельность. В Советском Союзе и по традиции в современной России оценка умственного труда сознательно занижена. Была создана идеология «человека физического труда», существовали определенные привилегии для данных слоев населения (более высокая зарплата, упрощенная процедура вступления в партию, льготное поступление в вузы и т.д.). Наконец, система комплектации и ротации управленческих кадров в СССР (особенно в послехрущевское время) была так организована, что доступ людей с высоким уровнем интеллекта на верхи пирамиды власти был ограничен. Главными критериями руководителя были не его профессиональные способности, а лояльность к начальству и умение четко рапортовать о достигнутых успехах. Это дополнительно усугубило кризисное состояние социалистического общества и предопределило его распад.

Социальная стратификация может быть *открытой*, когда представители одних слоев могут переходить в другие, или *закрытой*, когда подобная динамика невозможна. Состояние,

при котором люди переходят из одной страты или группы в другую, называется *социальной мобильностью*. Различают *индивидуальную* или *групповую*, *вертикальную* (восходящую и нисходящую) и *горизонтальную* мобильность.

Проанализировав огромный фактический материал, Питирим Сорокин пришел к выводу, что вряд ли существовали как общества, в которых отсутствовала вертикальная мобильность, так и общества, абсолютно открытые для мобильности. Вертикальная мобильность и в демократических, и в авторитарных обществах подвержена волнообразным процессам. Периоды общественных потрясений, случайной и массовой ротации элиты чередуются с периодами стабильности, ограниченного и строго контролируемого проникновения наверх.

Функции селекции выполняют система образования и профессиональные организации. Исторические формы институтов селекции многообразны. В одних обществах в одни исторические периоды доминируют одни институты, в других — другие. Качество и природа селекционирующих организаций детерминируют экономические и политические процессы в обществе. Если устанавливаемые «фильтры» способны отбирать лучшие кадры, то социальное распределение будет способствовать процветанию общества. Если механизмы тестирования «злокачественны и неадекватны», это будет приводить к росту в обществе внутренней напряженности. Еще одним источником нестабильности может стать перепроизводство элиты. Последнее обстоятельство сопровождается усилением эксплуатации производителей, обострением конкуренции внутри элиты, борьбой за власть.

Иерархия

Цель этого структурно важного компонента жизнедеятельности любой организации — установление внутреннего порядка для обеспечения нормального функционирования системы. Однако иерархические отношения асимметричны — в силу этого принципа одни руководят и доминируют, другие подчиняются указаниям и выполняют их (Плюснин 1990). Исходя из этого очевидно, что иерархия всегда содержит в себе скрытое противоречие: она необходима для целостности системы, но она и детерминирует роли ее отдельных компонентов.

Иерархические отношения можно обнаружить в растительном мире, у животных и у людей. У животных наблюдаются две формы иерархии: в виде сложившегося «кастового» строя у общественных насекомых — пчел, ос, муравьев, термитов — и в форме отношений доминирования у высших животных. В последнем случае особенно интересно рассмотреть поведение ближайших предков человека — обезьян.

У павианов, например, самцы постоянно выясняют отношения между собой с целью выявить свой ранг. Поскольку агрессивность каждого из них различна, это приводит к формированию иерархической структуры, в которой доминант пользуется определенными привилегиями. Ему отдают предпочтение самки при спаривании, он отбирает у них и у самцов пищу, выбирает наиболее почетные места в центре группы. Его статус проявляется также в том, что остальные самцы группы демонстрируют ему своими жестами подчиненное положение, самки чистят ему шерсть (*груминг*). Доминант постоянно вынужден подтверждать свой статус силой или угрозой применения силы. У самок также может существовать иерархия, в которой их ранг опосредован статусом самца и прежде всего — вожака группы. Однако в мужских иерархических играх самки участвуют редко. Чаще они образуют группировки «возрастного» характера: молодые самочки; самки, имеющие самцов; самки с детенышами и пр. (*Дольник 1994а*).

Какие выводы можно сделать из этого примера? Во-первых, представляется очевидным, что никакого равенства в данной группе не существует. Группа представляет жесткую иерархическую пирамиду, в которой ранг каждого существа опосредован его физической силой и агрессивностью. Во-вторых, самцы постоянно борются за свой ранг с другими самцами. В-третьих, животные вступают в непрочные альянсные связи с другими особями: защищают друг друга, предают — одним словом, ведут «политическую жизнь». В-четвертых, как показали специальные исследования, низкоранговые особи вследствие избытка адреналина больше подвержены стрессам и заболеваниям, меньше живут (*Дольник 1994а, 1994б*).

Как формируются иерархические отношения? Наблюдения за животными показали, что при формировании группы происходит выяснение отношений между всеми особями. Животные конфликтуют за право доступа к кормушке, за более удобные места и т.д. С течением времени выявляется ранг каждого, и сообщество структурируется. С этого момента интен-

сивность конфликтов резко уменьшается, структура группы становится стабильной. Каждый знает свое место в иерархии группы и, как правило, уступает более высокоранговой особи. Такой механизм получил в этологии название «порядок клевания». Кстати говоря, наиболее идеальные иерархические структуры выявлены этологами у кур. Экспериментальные исследования продемонстрировали, что после выяснения статуса в группе ни одна из куриц не клюнула ни одну из птиц более высокого ранга.

Особый интерес представляет механизм поддержания иерархии у приматов. Как только доминант стаи макак начинает наказывать провинившуюся особь, тотчас же другие обезьяны торопятся принять участие в экзекуции. Причем обычно усердствуют в наказании самцы, которые занимают самый низкий ранг в иерархии, и особенно самки.

Почему эти особи не объединятся вместе, чтобы противостоять агрессивности доминанта? Почему именно они проявляют наибольшую враждебность? Этологи полагают, что причина заключается в накопленной агрессивности. Обычно самцы доминируют над самками и низкоранговыми самцами, а тем некуда переадресовать отрицательные эмоции. И вдруг складывается ситуация, когда появляется животное с еще более низким статусом. Его можно безнаказанно ударить или укубить, выплеснуть накопившуюся агрессию наружу (*Дольник 1994а*).

Данный пример показывает, как можно поддерживать иерархию, не используя специализированный аппарат принуждения. Оказывается, достаточно только дать возможность низкоранговым особям проявить свою подавленную волю. В человеческом обществе это также один из излюбленных способов расправы. Существует масса его вариаций: проработка на партсобрании, показательный процесс, публичная казнь. Люди, постоянно подавляющие свою агрессивность, всегда готовы выплеснуть эмоции наружу. Стоит их собрать вместе, и добропорядочные граждане в состоянии стресса легко превращаются в толпу. Толпа же бездушна, она готова забить камнями, разорвать на куски даже святого. Иудеи предпочли разбойника Варавву Иисусу Христу. Афиняне приговорили на смерть самого порядочного из граждан своего города — философа Сократа.

Было бы несправедливым изображать сообщества обезьян только как «природный авторитаризм». Высшим животным присущи разнообразные формы кооперации, взаимопомощи и альтруистического поведения (забота о детенышах, самопожертвование во имя сообщества, распределение пищи), которое играет важную роль в эволюции каждого из видов. В среде тех же приматов существует значительное разнообразие форм социальной организации: от эгалитарных групп, переходящих в «цепочки» доминантных отношений ($A \rightarrow B, B \rightarrow C, C \rightarrow A$), до жестких иерархических структур во главе с самцами-доминантами (Панов 1983; Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1994; Резникова 1997).

К сожалению, жестко стратифицированные структуры, основанные на голом, неприкрытом насилии, могут возникать и в человеческом обществе. Примером этого являются различные однополюсы (преимущественно мужские) организации — от армии и мафии до подростково-молодежных группировок и заключенных в тюремных камерах.

В системе исправительно-трудовых учреждений в СССР существовала жесткая иерархия. Все заключенные были разбиты на три ранга (масти): воры, мужики и чушки. *Воры* — это опытные преступники, умеющие постоять за себя и отбывающие, как правило, не первый срок. Их не более 10–15%. Они носят черную форму, не работают и заправляют всеми делами в лагере. Фактически это неофициальная лагерная администрация. Кроме того, воры являются блюстителями «воровского закона». Каста воров разбивается на несколько «субрангов»: *главвор* (*авторитет*, раньше *пахан*), *угловые*, *бригадиры*, *бойцы*, *шестерки* и пр.

Самая многочисленная в лагере группа — *мужики*, к которым, как правило, относятся попавшие сюда за бытовые или мелкие экономические преступления, хулиганство, по неосторожности. В мужики попадают те, кто при поступлении в место отбытия наказания преодолел жестокий обряд инициации (*пропуска*). Мужикам положена синяя роба. Они выполняют основную работу в лагере и на производстве.

Количество *чушковых* примерно сопоставимо с числом воров. Они донашивают обноски, имеют грязный неопрятный вид (отсюда их название). В эту группу попадают люди со слабой волей (малодушные, чересчур интеллигентные), больные, ряд осужденных за сексуальные преступления, а также лица, нарушившие воровскую мораль. Это наиболее угнетаемая группа, фактически рабы. Их подвергают систематическим унижениям, отправляют на самые грязные работы, часть их — пассивные гомосексуалисты, обслуживающие воров.

В данной системе существует неписаный свод правил. Согласно им воры не должны сотрудничать с органами власти (*ментами*), давать показания, доносить и работать. Воры не должны воровать у других воров и обязаны отдавать карточные долги. Они имеют право отнимать у мужиков передачи и пищу, однако нельзя отбирать у последних *пайку* хлеба. Это *положняк*. Нарушение данного правила является *беспределом*. Для поддержания жесткой иерархии существует система специальных наказаний, имеющих свое жаргонное название: *заглушить* (топтать), *опустить* (перевести в разряд чушковых, предварительно совершив реальное или символическое изнасилование), *замочить* (убить) и т.д. Чтобы постоянно держать мужиков и чушковых в страхе, воры периодически проводят *замес* — ночные избиения (Самойлов 1989, 1990; Кучинский 1997 и др.).

Имеются определенные аналогии данной структуры с архаическим обществом. Периодические избиения в лагере удивительно напоминают *криптии* — карательные походы спартанцев против илотов. Запреты на общение уголовников с представителями низшей страты (им даже не разрешается сидеть за общим столом во время приема пищи, а посуда специально пробита, чтобы не перепутать) подобны многочисленным табу на взаимоотношения между высшими и низшими кастами в архаических и традиционных культурах. Процедура *опускания* вора (для этого нужно было совершить реальное или ритуальное изнасилование) сопоставима с церемонией смешения вождя в архаических обществах. Например, у тех народов, у которых вождь считался священным и изолировался от подданных, его достаточно было посадить три раза на землю (аканы), после чего он считался оскверненным и неспособным выполнять свои священные функции. Для уголовного мира характерны и другие черты, схожие с архаическими обществами: татуировка (*наколка*), обозначающая ранг заключенного, внешние знаки отличия (одежда), обряды инициации, побратимство (*кентовка*), любовь к украшениям, убогость блатного жаргона, вера в суеверия, амулеты и пр. (Самойлов 1990).

Впрочем, подобные аналогии нельзя рассматривать ни как доказательство тождественности варварских институтов первобытности и диких норм современного преступного мира, ни как свидетельство регенерации архаических синдромов поведения в кризисных условиях культуры. Человек первобытности был не более некультурным или жестоким, чем современные люди. Он не умел пользоваться интернетом и телефоном,

но прекрасно разбирался в повадках животных и был отменным следопытом. Именно в эпоху первобытности господствовало уравнилельное перераспределение продуктов и подавлялись тенденции к индивидуальному накоплению, вследствие чего возникла так называемая престижная экономика (подробнее об этом см. гл. 3). В архаических обществах жестокость к членам своей группы была скорее исключением, чем правилом. Индивиды с повышенной агрессивностью нередко подвергались наказаниям или изгонялись.

По всей видимости, не существует единообразия и в отношении жесткости норм в уголовной среде. Даже в советских лагерях сталинской эпохи, судя по ярким свидетельствам очевидцев, прошедших все «круги тоталитарного ада» (А. Солженицын, В. Шаламов и др.), и немногочисленным описаниям исследователей-этнографов (Кабо 1990), были разные условия существования, в том числе и относительно терпимые.

Рассматривая сходство первобытных и некоторых современных ритуалов, скорее следует вести речь о неких универсальных архетипах человеческого поведения. Другое дело, как и в результате чего в ряде неформальных групп и субкультур определенные стереотипы поведения, жестокость и неприкрытое насилие становятся нормой жизни. Связано ли это с определенными архетипами человеческого подсознания, является ли подобное поведение следствием психических отклонений — все это вопросы, на которые ученым еще предстоит ответить.

Касты

Кастами называют замкнутые, часто эндогамные, общности, занятые в определенной системе производства. Принято считать, что кастовое деление возникло на основе наследственной профессиональной специализации или этнической принадлежности. Наиболее развита кастовая организация в Индии. Действительно, древние арии, завоевавшие Индостан в последние века II тыс. до н.э., привнесли туда свою трехчастную систему (жрецы; воины; земледельцы-скотоводы и торговцы). Эта структура наложилась на местное дравидское население, и в результате сформировались соответственно четыре *варны* (санскр. *varna* — цвет): брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Ниже всех на социальной лестнице находились неприкасаемые (парии), которые не во-

дили ни в одну из варн. Первые три варны, в отличие от шудр, считались «дважды рожденными».

На основе варн появилось множество каст (*джати*), основанных на профессиональном разделении труда и/или включении в состав политической системы новых общин и народов. Касты имели замкнутый эндогамный характер и, как правило, возводили себя к общему мифологическому предку. Социальная мобильность была сведена к минимуму. Нарушение принятых норм поведения и религиозных запретов могло привести к изгнанию из касты.

Варна жрецов-брахманов занимала свое положение не потому, что она добилась подчинения иных групп, а потому, что более других соответствовала критерию ритуальной «чистоты», т.е. удаленности от животного мира. Это достигалось запретами для брахманов употреблять в пищу многие продукты животного происхождения и другими табу. Наиболее «нечистыми» считались касты кожевников и мясников.

В течение столетий варновая организация претерпела определенные изменения. Варна вайшьев стала сосредоточением торговцев и ростовщиков, тогда как к шудрам были отнесены ремесленники, земледельцы и скотоводы. Свою роль в трансформации варн и каст сыграли нашествия на Индостан арабов, афганцев, позднее моголов и распространение в Индии ислама. Кастовая система стала более дробной и запутанной. Тем не менее даже в современной Индии кастовое деление сохраняет свое значение. В конце XX в. ряд студентов из высших каст покончили жизнь самоубийством в знак протеста против принятых правительством мер для облегчения представителям низших каст условий для поступления в высшие учебные заведения страны.

Кастовая система определила специфику политической системы индийского общества, основанного на индуистской идеологии, согласно которой каждый член общества должен был строго повиноваться своей судьбе (*карме*) и чувству религиозного долга (*дхарме*). Это предопределяло стабильность эндогамной стратификации, для сохранения которой не требовались развитые институты власти. Данное обстоятельство привело некоторых исследователей к вполне обоснованному выводу, что политическая система древней Индии не попада-

ет под классические признаки государственного общества (Лелюхин 1989, 1998; Лелюхин, Любимов 2001; Possehl 1998).

Одним их наиболее известных трудов в области изучения кастовой организации в Индии является книга Л. Дюмона «*Homo hierarchicus*» (2001). Кроме того, формы кастового строя известны в Западной Африке, Юго-Восточной Азии, Полинезии и других регионах мира. На русском языке для более углубленного изучения кастового строя см. также: *Кобищанов Ю.М.* Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; *Куценков А.А.* Эволюция индийской касты. М., 1983.

Возможно ли равенство?

Может ли общество существовать без иерархии и неравенства? В марксистской теории делались попытки обосновать, что неравенство и стратификация существовали не всегда, например в первобытном обществе их не было. Так ли это на самом деле? Ранее было показано, что неравенство и доминирование присутствуют в сообществах животных. Даже в самых простейших человеческих обществах, несмотря на видимость равенства, имело место половозрастное доминирование. Наиболее удачливые охотники, искусные умельцы, лица, обладавшие редкими способностями (шаманы, знахари), и т.д. также занимали более высокое положение, чем остальные. Между различными общинами всегда имелось неравенство в доступе к полезным ресурсам (нефрит, обсидиан, соль, глина), и те, на чьей территории были расположены эти ресурсы, извлекали из своего положения определенные выгоды.

Все это свидетельствует о том, что неравенство, пусть даже в самой примитивной форме, существует всегда. Многие выдающиеся мыслители скептически рассматривали возможность создания общества без иерархии и стратификации. Они полагали, что стремление уравнивать всех во всем является предпосылкой исчезновения всякой индивидуальности. Рассматривая эту проблему, Питирим Сорокин подобрал множество исторических примеров, когда люди пытались создать общество равных. Но все они заканчивались неудачно. Христианство начиналось с эгалитарных общин, но возвелось могущественную пирамиду с папой, кардиналами и инквизицией. С этой же целью Святой Франциск создал институт монашества, но уже через семь лет от былого равенства не осталось ни

следа (Сорокин 1992). Масштабный коммунистический «эксперимент» XX столетия только подтвердил эту закономерность на большом фактическом материале. На всем пространстве «мировой системы социализма» — от СССР до Кубы и Кореи — четко вырисовывается общая тенденция, закон мировой истории — первоначальный эгалитаризм революционеров быстро сменяется установлением жесткой иерархии, классовых перегородок, стремлением элиты к роскоши, тотальным надзором за гражданами, массовым террором. Всякий раз благородные намерения социальных инженеров оборачиваются дорогой в ад. Важно подчеркнуть, что светлое будущее оказывалось преисподней и для тех, кто начинал его в очередной раз создавать. Революции, как правило, пожирали своих творцов — если наивные реформаторы не успевали выбросить из головы мечты о социальной справедливости, волна рвущихся к власти карьеристов сметала их на своем пути.

Разрыв между массами и их представителями, сумевшими подняться на ступеньку выше в общественной иерархии, происходит едва ли не автоматически. Бруно Беттельгейм описывает, как быстро это происходит в концентрационном лагере с человеком, попавшим из простых заключенных в лагерную «элиту». Староста, еще вчера готовый рыться в помойке в поисках картофельной шелухи, сегодня посылает на смерть заключенного, которого застал за аналогичным занятием. Ему трудно представить себе, что значит быть голодным. Он уже не может посмотреть на мир глазами человека, находящегося по ту сторону колючей проволоки. Удивительное свойство человеческой психики — быстро забывать все, что было с тобой ранее (Bettelheim 1960).

Привилегированные группы твердо стоят на страже своих завоеваний. Чуть меньше трех лет прошло со времени Октябрьской революции, а молодая номенклатура уже вошла в такой вкус привилегий, что в голодной воюющей России пришлось создать специальную «контрольную комиссию», призванную разобраться с злоупотреблениями некоторых представителей партии. Комиссия просуществовала недолго. Через два года на XI съезде РКП(б) в 1922 г. было выдвинуто уже более умеренное требование: «положить конец *большой* разнице в оплате различных групп *коммунистов*». Спустя еще год был разо-

слан циркуляр ЦК и ЦКК РКП(б), в котором только осуждалось использование некоторыми партчиновниками государственных средств на оборудование своих служебных кабинетов, дач и личных квартир. Документ провозглашал, что «необходимый уровень жизни ответственных работников должен обеспечиваться более высокой заработной платой» (Восленский 1991: 319). В этой связи выглядят наивными высказывания некоторых современных российских политиков, заверяющих общественность, что массовую коррупцию среди чиновничества можно предотвратить посредством установления аппарату высокой зарплаты.

Роберт Михелс (1876–1936) на примере современных профсоюзных рабочих организаций показал, как возникает организационная иерархия (Michels 1959). Особую пикантность его анализу придает то, что он проделал его на примере социал-демократических партий. Согласно Михелсу, любая политическая или профсоюзная структура сталкивается в своей деятельности с различными проблемами (проведение политических кампаний и выборов, печатная деятельность, ведение переговоров и т.д.). Данная деятельность отнимает много времени и иногда требует специальной подготовки. Если организация объединяет большое число членов, то нужны дополнительные усилия по их координации. Постепенно формируется управленческий аппарат, который занимается обеспечением жизнедеятельности организации, собирает взносы, ведет переписку и пр. За свою работу управленцы получают вознаграждение. Так, прямая демократия в социальных партиях сменяется представительной.

В условиях роста организации массы неизбежно теряют контроль над ней. Эта задача передоверяется специальным ревизорам или соответствующим службам, которым вменяется осуществлять надзор за функционерами и юридически информировать большинство о результатах проверок.

Со временем возникает разрыв между массами и выборными лидерами. В первую очередь этот разрыв касается образа жизни и доходов. Новый образ жизни является более разнообразным (умственный труд, поездки, связь с миром бизнеса, правительственными и профсоюзными органами, прессой и т.д.) и приносит большее удовлетворение. Более вы-

сокий уровень доходов и доступ к каналам перераспределения средств своих организаций позволяют вести комфортный образ жизни, улучшить жилищные условия, приобрести более роскошный автомобиль и пр. Все это постепенно меняет мировоззрение профсоюзных функционеров.

Они уже стремятся не столько к выполнению программных установок своей партии, сколько к сохранению собственного положения. Дистанция между ними и простыми рабочими увеличивается. В то же время они все больше сближаются с профсоюзными чиновниками иных организаций, а также с администрацией своей собственной организации. Осознавая свои общие интересы, функционеры вырабатывают механизмы для защиты своего положения и власти в рамках всей группы. Они концентрируют в своих руках инфраструктуру организации, органы печати и финансовые средства. Наконец, они информированы лучше простых масс и более изощрены в интригах и политической борьбе. Если внутри организации возникает оппозиция, то все эти рычаги могут быть направлены против ревизионистов. В этом, по Михелсу, заключается «железный закон олигархии».

Из всего этого Михелс сделал вывод, что само по себе наличие профсоюзов в организациях не является достаточным условием для существования демократии. Профсоюзные лидеры и функционеры преследуют свои собственные цели, часто отличные от интересов избравших их масс, они испытывают большое искушение устранить демократические процедуры контроля и возможность переизбрания, стремятся превратить свое влияние в олигархическую власть. Эти выводы созвучны идеям Бертрана Рассела, который показал, что без организационной иерархии не может существовать ни одна форма общества. Главная проблема любого общественного строя, в том числе и демократического, заключается в том, что сложное общество предполагает введение организационной иерархии, но управленческая элита преследует совсем другие интересы, нежели управляемое большинство (Russel 1938).

Таким образом, усложнение общества неизбежно приводит к введению организационной иерархии. Последнее означает появление специальных лиц, выполняющих только управленческие функции и получающих первоочередной доступ к

ресурсам. Поскольку количество ресурсов почти всегда ограничено, доступ к ним опосредуется различными механизмами доминирования: у животных или в криминальном мире — «порядком клевания», в обществе — социальными позициями индивида. Статус обеспечивает доступ лидеров к общественным и значимым ресурсам. Сразу или постепенно, сознательно или неосознанно, все или некоторые — управители стремятся воспользоваться созданным положением для улучшения личного благосостояния или получения новых привилегий. Таким путем в человеческом обществе возникли стратификация, государство, цивилизация и частная собственность.

Вопросы для контроля

1. Что такое агрессивность?
2. Возможно ли равенство между женщиной и мужчиной?
3. В чем причины возрастного неравенства?
4. В чем отличия между неравенством, стратификацией и иерархией?
5. Возможно ли равенство в человеческом обществе?

Ты будешь добр и мудр — единственный добрый и мудрый человек в твоём королевстве. И по доброте ты начнешь раздавать земли своим сподвижникам, а на что сподвижникам земли без крепостных?

Глава 3 ВЛАСТЬ И ТРАДИЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО

1. ВЛАСТЬ И ГОСПОДСТВО

Что такое власть?

Ключевым понятием политической антропологии является термин «власть». Согласно классическому определению, данному Максом Вебером (1864–1920) в его труде *«Хозяйство и общество»*,

«власть означает любую возможность осуществлять внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана» (Weber 1922: 28).

Другие распространенные в социологии, антропологии и политических науках определения власти также находятся в русле веберовской традиции. Толкотт Парсонс, например, определил власть

«как способность принимать и навязывать «решения», которые *обязательны* для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их статусы попадают под обязательства, предполагаемые такими решениями. Власть следует отличать от влияния, так как издание обязывающих решений совсем не похоже на меры убеждения» (Parsons 1998: 31).

По Мортону Фриду, власть есть способность контролировать каналы поведения других лиц и применять санкции (Fried 1967: 13). Томас Манн определяет власть как господство, которое лидер может применять к другим лицам (Mann 1986: 6).

В отечественной политантропологической традиции даются схожие дефиниции власти. Так, Л.Е. Куббель считал, что власть — это волевое отношение между индивидами и группами, обеспечивающее доминирование одних над другими в целях осуществления руководства жизнедеятельностью общества (Куббель 1988: 28–29).

В ряде работ подчеркивается, что для большинства социальных наук термин «власть» имеет столь же фундаментальное значение, что и понятие «энергия» (Rusef 1938; Adams 1975). Ричард Адамс, создавший энергетическую теорию власти, определяет власть как способность контролировать обстоятельства и объекты, представляющие интерес для других (Adams 1975). Определение Жоржа Баландьё также находится в поле энергетических трактовок: по его мнению, это результат необходимости бороться против энтропии и неупорядоченности (Balandier 1967, 1970: 36). Более подробно с различными теориями власти, существующими в социологии и политической науке, можно познакомиться в обстоятельной книге В.Г. Ледеява.

Власть и энергия Данное сопоставление не простая метафора. Из физики известно, что все системы существуют за счет обмена энергией с внешним миром. Это совершенно справедливо и для человеческих групп и культур. Известный американский антрополог-неоэволюционист Лесли Уайт показал, что вся история человеческой культуры есть процесс расширения объемов и источников используемой людьми энергии (White 1949).

Ричард Адамс полагает, что дефиниция власти вытекает из первого и второго законов термодинамики, правда, он оговаривает, что сама власть имеет не физическую, а культурную и психологическую природу. По Адамсу, любое стабильное человеческое сообщество является открытой энергетической системой, которая обменивается энергией с внешней средой и преобразует эту энергию. Любая система стремится к уменьшению внутренней энтропии, но у некоторых это получается лучше, поскольку они имеют соответствующие механизмы. Концентрация власти в руках немногих способствует лучшей «энергетической адаптации» сообщества к внешней среде.

Начиная с появления вождеств, контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от

широких масс характер. Централизованная организация перераспределения оказывается энергетической основой стратификации в вождестве. Вождь независим в принятии решений, хотя источники и функции его власти ограничены. Для закрепления данных принципов общественной структуры используются механизмы сакрализации правителя, передачи власти по наследству, ограничения доступа к управлению на основе эндогамии. Далее по мере усовершенствования средств контроля энергетических потоков расширяются и объемы, и способы воздействия власти (Adams 1975).

Сущность власти

Что общего и наиболее существенного во всех этих и других определениях? Во-первых, противопоставление между объектом и субъектом властных отношений. Во-вторых, доминирование субъекта власти над объектами, навязывание другим лицам своей воли. В-третьих, цель власти — осуществление тех или иных решений, часто обусловленных потребностями управления человеческим коллективом. Следовательно, власть — это не только ограничение воли других лиц, но и важная регулирующая константа функционирования любого социального организма.

Однако у власти есть еще одна, до настоящего времени недостаточно изученная составляющая — мотивы влечения людей к ней. Многие ученые (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Н.К. Кольцов, Б. Рассел и др.) полагают, что в людях заложено врожденное стремление к власти, в немалой степени вызванное различными психическими факторами (подавление либидо, комплекс неполноценности и пр.). По всей видимости, эта точка зрения не лишена некоторых оснований, поскольку действительно жажда власти является важной психологической потребностью немалого числа индивидов. Широко известны, например, слова Н.С. Хрущева, сказанные им уже после смещения: «Пресытиться можно всем: едой, женщинами, алкоголем; только обладание властью есть величайшее из удовольствий, чем ее больше, тем больше хочется» (цит. по: Восленский 1991: 115–116).

На этот процесс можно посмотреть и под иным углом зрения. Людям свойственна не только жажда власти, но и стремление к накоплению собственности и улучшению своих условий

существования, желание престижа и славы у современников, влечение к знаниям, открытиям и творческой деятельности. Все это — различные формы как осознанного, так и неосознаваемого стремления людей к активной деятельности, направленной на реализацию какой-либо цели. Для обозначения этого, практически еще неизученного феномена Л.Н. Гумилев предложил использовать термин «пассионарность» (1989).

Какое место среди перечисленных человеческих страстей занимает именно власть? Этот вопрос едва ли может быть когда-нибудь однозначно интерпретирован. Однако необходимо помнить, что во все исторические периоды потребность людей властвовать была важной составляющей формирования сложных иерархических общественных систем и в этом смысле она выступала значимым субъективным фактором политической эволюции.

Господство

Согласно Веберу, *власть* (*Macht*) следует отличать от *господства* (*Herrschaft*). В первом случае подчинение основывается на простом *насилии*, не обязательно основанном на законности. Во втором случае объект власти признает свой более низкий статус законным и подчиняется *господину* в силу существующих норм. В их отношениях присутствует легитимное обоснование подчинения и господства.

Однако смысл русского слова «власть» (однокоренные слова — владеть, властелин, воля, великий) более близок к немецкому термину *Herrschaft*, чем к понятию *Macht* (власть, сила, мощь; глагол *machen* — делать; ср. также с англ. *power* — власть, сила, энергия). По этой причине, возможно, не будет большой ошибки, если использовать в русскоязычной традиции понятия «власть» и «господство» как синонимы и, следовательно, употреблять такие устойчивые словосочетания, как традиционная власть, харизматическая власть и рациональная власть.

Макс Вебер выделил три классических типа господства: традиционный, рациональный и харизматический (Weber 1922: 124). Рассмотрим каждый из них.

Традиционное господство

Данный тип основывается на убеждении в священном, непререкаемом характере традиций, нарушение которых ведет к тяжелым магически-религиозным по-

следствиям. Вся деятельность человека нацелена на воспроизводство общности, на обеспечение стабильного порядка, устраняющего хаос и нестабильность. Легитимность традиционного господства базируется на вере в наследственные способности правителей и жрецов взаимодействовать с потусторонними силами и обеспечивать с их стороны содействие своему народу. Власть персонализирована и предполагает личную преданность подданных и слуг правителю.

«Традиционализм... называется установка на повседневно *привычно*с и веру в него как в неприкасаемую норму поведения, а *традиционалистским* авторитетом — господство, основанное на том, что действительно, мнимо и предположительно существовало всегда. Наиболее значительным видом господства, основанным на традиционалистском авторитете, опирающемся на легитимность и традицию, является патриархальная власть: отца семейства, мужа, старшего в семье или роде — над членами семейства или рода, господина или патрона — над крепостными, зависимыми, вольноотпущенниками, хозяина — над слугами, князя — над должностными лицами, министрами, клиентами, вассалами, вассалителю — над «подданными»» (Weber 1994: 68–69).

Харизматическое господство

Этот тип базируется на сверхъестественных «внеповеденческих» способностях лидера. Его авторитет основан на вере в способности данного лица совершать чудесные поступки или приносить удачу. Как только удача отворачивается от него, вера в магические способности и авторитет исчезают. К числу лиц с харизматическими способностями Вебер причисляет колдунов, пророков, удачливых военных вождей, правителей, подобных Цезарю, для более позднего времени — некоторых глав политических партий.

Рациональное господство

Согласно Веберу, этот тип господства вместе с харизматическим охватывает все существовавшие в доиндустриальные эпохи отношения господства-подчинения. Рациональное господство, появившееся в Новое время, основано не на священной традиции, личностных связях или вере в харизму правителя, а на внеличностном рациональном выполнении своих обязанностей, определенных рационально установленными законами, инструкциями и правилами. Его легитим-

ность выражается в легальности установленных обезличенных и письменно зафиксированных норм и предписаний (чиновники лично свободны, назначаются в соответствии с квалификацией, их функции строго разграничены). Причем если при традиционном господстве законотворчество ограничено священными устоями прошлого, то при легальной власти нет формальных ограничений для нормотворчества, осуществляемого в рамках принятых обществом правовых процедур.

2. ТРАДИЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО

Традиционный тип чаще всего воспринимается как оппозиция более развитой рациональной модели. В своем главном социологическом трактате «Хозяйство и общество», не опубликованном при жизни, М. Вебер рассматривает данный тип господства более подробно (Weber 1922: 130–140).

Самая важная черта традиционного господства заключается в вере в священный характер существующих традиций и правил, «нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия» (Вебер 1994: 68–69). Для традиционного типа сознания характерны конкретность и образность мышления, вера в сверхъестественные силы, которые находятся вне реального мира и в определенных обстоятельствах могут вмешиваться в отношения между людьми или карать их силами природы. Чтобы обеспечить психологически комфортное существование, традиционный человек создает мифологически-ритуальную идеологию, призванную чудотворными средствами обеспечить природную и социальную гармонию.

Функции по поддержанию порядка возложены на отдельных лиц, которые выполняют их благодаря своим приобретенным или полученным по наследству сверхъестественным способностям. Именно они могут вступать в контакты с богами и силами природы и обеспечивать своему народу защиту и стабильное существование.

«Традиционным следует называть господство, мыслящее и зиждящееся на основе священности издревле наследуемых порядков и властных прерогатив. Господин (или: многие господа) определяется принятым традицией правилом. Повиновение властелину оказывается благодаря приписываемым ему традицией природным качествам» (Weber 1922: 130).

Традиционное господство основано на *личностном* характере отношения к власти. Взаимоотношения правителя и его помощников строятся не на служебном долге и деловой компетенции, а на личной преданности своему господину. Господин рассматривает управление как функцию своей личности и использует принадлежащую ему власть в соответствии с собственными стремлениями и интересами. Он рекрутирует и наделает властными прерогативами чиновников на основе личной преданности. Сколько-нибудь существенное разделение компетентных обязанностей между чиновниками отсутствует.

«На месте твердой деловой компетенции стоит конкуренция первоначально даваемых господином по свободному усмотрению, затем становящихся долгосрочными, наконец, часто стереотипизированных поручений и полномочий, которыми создается конкуренция за причитающиеся шансы на оплату приложенных усилий как порученцев, так и самих господ: благодаря таким интересам зачастую конструируются деловые компетенции и тем самым существование ведомств.

Все обладающие долгосрочной компетенцией порученцы суть прежде всего придворные чиновники господина; не связанная со двором (“экстрапатримониальная”) компетенция предоставляется им по часто довольно поверхностному деловому сходству области деятельности в их придворной службе или же по прежде всего совершенно произвольному выбору господина» (Weber 1922: 131–132).

Как правило, в «штабе» господина (так Вебер называет двор правителя) отсутствуют:

- а) твердая «компетенция» по деловым качествам;
- б) жесткая рациональная иерархия;
- с) систематическое назначение посредством свободно-го контракта и упорядоченного повышения;
- д) специальная подготовка (как правило);
- е) (часто) конкретное и (еще чаще) выраженное в денежной форме жалованье» (Weber 1922: 131).

Соратники правителя расценивают выполнение своих должностных обязанностей как личное служение своему господину. Их права и обязанности реально оказываются привилегиями, которые даны и могут быть отобраны господином в соответствии с его прихотями. В отношениях с подчиненными и простыми людьми соратники господина и чиновники действуют столько же произвольно, как и сам правитель, лишь бы это не противоречило сакральным традициям и указаниям свыше.

«Штаб» помощников господина состоит из различных категорий подданных. Из них Вебер выделяет две: «патримониально рекрутируемых» и «экстрапатримониально рекрутируемых». К числу первых он отнес родственников господина, домашних слуг, рабов, колонов, клиентов и вольноотпущенников; ко вторым — вассалов, связанных с правителем словом чести, и прочих свободных лиц, связанных с ним личными доверительными отношениями или пиететом.

Вебер различает рациональную бюрократию и бюрократию вообще. Он констатирует, что бюрократия появилась еще в патримониальных государствах посредством комплектования чиновников из «экстрапатримониально рекрутируемых» лиц. Однако в традиционных обществах такие чиновники были прежде всего личными слугами господина, продвинутыми по прихоти правителя.

Традиционное господство базируется не на формальном своде легитимизированных и предписанных всем без исключения законов и правил, а, во-первых, на традиционных правовых нормах и, во-вторых, на личных решениях самого господина или облеченных этими обязанностями его приближенных. Последнее явление Вебер в соответствии с германской традицией называет «княжьем правом», причем «лично присутствующий господин выше всякой законности» (Weber 1922: 132), он не связан никакими формальными предписаниями.

Моральные этические принципы традиционного общества основываются на вере людей в священные устои. Вследствие этого протест против злоупотребления господина или его слуг направляется против конкретных индивидуумов (того же правителя или, как правило, его помощников), но не против существующей системы традиционалистских ценностей в целом.

Вебер выделяет несколько типов общества, основанного на традиционном господстве. К их числу относится общество с геронтократической *патриархальной* властью отца семейства, старейшего члена общины или рода. В таком обществе господство базируется на следовании традициям. В *патримониальном* обществе власть находится в руках господина, возвышающегося над вассалами, клиентами и крепостными вследствие личностных отношений господства и подчинения. В сущности, это уже государство, в котором отношения между правителем и подданными основаны на патриархальной связи между «отцом» и «сыновьями».

Сословное, или феодальное, общество представляет собой развитый вариант патримониального, когда бывший «штаб» господина структурируется в замкнутую группу, наделенную определенными властными прерогативами и источниками существования. В сословном обществе присутствует децентрализованная система власти. Вассалы или «патримониальные чиновники» территориально отделены от своего господина, каждый из них управляет своим уделом и вследствие этого имеет некоторую форму независимости.

В развитом патримониальном обществе (Древний Египет, поздняя Римская империя, Византия) крупные чиновники (патримониальные бюрократы) также территориально отделены от господина. Однако для них в целом не характерны такие черты рациональной бюрократии, как четкое разграничение полномочий, основанная на целесообразном поведении иерархия, специальная подготовка управленцев, получение за службу денежного жалованья. Патримониальные чиновники лично преданы своему господину, стремятся к присвоению своих должностей и привилегий. Их право пользования землей наследственно, и в этом отличие данного типа общества от сословного феодализма. Классический патримониализм препятствует развитию рыночного капитализма, тогда как экономическая независимость феодалов создает базис для формирования в дальнейшем средних классов. Образцом этого, по мнению Вебера, является Англия, где преобладание сословного общества над патримониальным обусловило раннее развитие буржуазных отношений.

3. ОСОБЕННОСТИ ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Автономия политической антропологии от политологии и социологии не случайна. Дело в том, что последние две науки изучают современные, индустриальные и постиндустриальные формы, поскольку законы функционирования механизмов власти в этих обществах принципиально отличны от доиндустриальных систем.

Гемайншафт и гесельшафт

Немецкий социолог Фердинанд Теннис (1855–1936), обстоятельно рассмотревший различия между индустриальными и допромышленными обществами, использовал для их обозначения термины *Gemeinschaft* (*гемайншафт* — общность, единение, производное от нем. *gemeinde* — община) и *Gesellschaft* (*гесельшафт* — общество). Согласно его мнению, основные отличия между ними заключаются в следующем. Гемайншафт основана на натуральной экономике, родственных связях и отличается ограниченной специализацией. Главные социальные институты — семья, родственные группы и община. В гесельшафт развита дифференциация профессиональных функций, отделенных от семейных ролей. Здесь складываются крупные объединения, институты, корпорации и ассоциации. В гемайншафт поведение людей определяется общинными нормами, взаимопомощью. Культура формируется на основе религиозных ценностей, социальный контроль базируется на обычаях и традиционном праве. Гесельшафт основана на личной выгоде рационально действующих, вычлененных из коллектива индивидов. Здесь культура базируется на системе светских ценностей, поведение граждан опосредуется системой формального права.

В социологической литературе часто встречается мнение, что эти термины были введены в научный оборот именно Теннисом в трактате «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (1887, рус. пер. 2002). Однако это не совсем точно. Данные понятия использовались и до него, в частности противопоставление доиндустриальных и капиталистического обществ было тщательно проанализировано Карлом Марксом в ряде сочинений, особенно в знаменитом разделе «*Формы, предшествующие капиталистическому производству*» «*Экономических рукописей*

1857–1861 гг.» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46, Ч. 1: 461–493).

Маркс показал, что в индустриальном (капиталистическом) обществе каждый человек выступает как обособленный индивид, отношения между людьми принимают форму товарно-денежных связей, а эксплуатация имеет экономический характер. Для доиндустриальных обществ характерны:

срашенность непосредственного производителя со средствами производства, «природное единство труда с его вещными предпосылками» (там же: 461);

собственность в докапиталистических обществах есть отношение индивида к более крупному целому (локальной группе, общине, военно-иерархической организации). Именно этой собственностью опосредовано отношение индивида к средствам производства и в первую очередь — к земле;

в силу этого эксплуатация в форме личностных отношений — «непосредственного господства и подчинения».

«Здесь одна часть общества обращается с другой его частью как с *неорганическим и природным* условием своего воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба, и в форме крепостного, ставится в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» (там же: 478).

Впоследствии в ходе второй дискуссии об азиатском способе производства (50–60-е годы XX в.) эти идеи были заимствованы и развиты целой группой исследователей в рамках «личностной» теории докапиталистических отношений (Ф. Текен, А.Я. Гуревич, М.А. Виткин, Л.А. Седов, В.В. Крылов, Л.Б. Алаев, Г.С. Киселев и др.). В наиболее законченной форме данные идеи переформулированы в теории А.И. Фурсова (1989, 1995).

Престижная экономика

Последующее изучение западными этнографами-антропологами экономики так называемых примитивных обществ подтвердило и дополнило данные положения. Выяснилось, что в этих обществах трудно отделить экономику от политики и генеалогии, они как бы «встроены» друг в друга. Процессы производства, потребления и обмена опосредованы отношениями род-

ства, пола, возраста, разнообразными ритуалами, верованиями и пр. Исследователи пришли к выводу, что в первобытном обществе существовала сложная система социально-экономических отношений, к которой не применимы основные принципы политэкономии капитализма (минимизация, выгода, конкуренция, рынок, товар и т.д.), так как многие ее составляющие не поддаются рациональному истолкованию.

Поскольку экономическая система архаических обществ не тождественна индустриальной, антропологи были вынуждены заняться разработкой теории «первобытной экономики». В целостном виде учение о дарообмене было сформулировано в работах французского антрополога и социолога Марселя Мосса (1872—1950) и впоследствии развито в трудах американских ученых К. Поланьи, Дж. Далтона и М. Салинза (Мосс 1996; Polanyi 1968; Dalton 1971; Салинз 1999). Данное направление получило название *субстантивистской* экономической антропологии. По мнению Поланьи, экономика представляет собой универсальное явление в том смысле, что в каждом обществе имеется определенная «субстанция» в виде производства, распределения и потребления материальных благ. Однако в доиндустриальных обществах экономика не поддается рациональному истолкованию, она «встроена» в другие институты архаического общества, опосредуется родственными, возрастными, религиозными и престижными связями.

Исследования данного направления антропологами показали, что в архаических обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Причиной этого, согласно Марселю Моссу, был *антропоморфизм* — субъективизация внешнего мира, присущая сознанию первобытного человека. Он видел в подарке магическую силу, которая, с одной стороны, передавала с вещью частицу души дарителя (его «везение», магические способности и пр.), а с другой — в случае некомпенсации дара могла навредить обладателю первоначального дара. Такой аспект дарообменных отношений очень хорошо отражен, например, в сказке о Горелосчастье.

Поскольку получивший дар должен был отдарить дающего, то неспособные это сделать попадали в определенную морально-психологическую зависимость от дарителя. У ненцев,

например, на этот счет существовала пословица: «Дают подарки, глядят отдарки». Эскимосы говорят, что подарки создают невольников, как кнуты — собак. У казахов бытовала поговорка: «Собака, которую ударят жирной костью, никогда не питит». Можно напомнить и русскую пословицу, согласно которой «нет ничего хуже, чем ждать, догонять и отдавать». В основе данного явления лежит глубокий культурно-психологический феномен.

Однако подношение подарка не было альтруистическим актом, а обязательно предполагало компенсирующий акт в форме отдаривания. Из трех составляющих дарообмена (*давать, брать и отдавать*) наиболее существенна именно последняя часть. Подарок равного предполагал ответный дар, подарок лица более высокого статуса — ответную услугу в будущем. Уклонение от отдаривания могло привести к серьезным последствиям (например, изгнанию из общины, что равносильно смертному приговору). Субъектами обмена, как правило, выступают коллективы или же индивиды, выражающие интересы какой-либо группы (например, вожди), т.е. как бы аккумулирующие в себе силу данной группы. Система обмена дарами связывает коллективы непрерывно циркулирующими связями от группы к группе, от племени к племени и в то же время охватывает все уровни общества. При этом дарообмен превращался в важный элемент общественных отношений, посредством которого преодолевалась замкнутая автономия экономически обособленных общин и они соединялись в сложную систему общественных связей с другими человеческими коллективами.

Наиболее известным примером реципрокации является знаменитая меланезийская *кула*, изученная Брониславом Малиновским (Malinowski 1922; см. также на рус. языке: Мосс 1996: 115—129; Шрайдер 1999: 86—90). Кула, представляя собой межобщинный церемониальный обмен, распространенный на Тробрианских островах и восточном побережье Новой Гвинеи, отличается от простого экономического обмена, называемого здесь *гимвали*. Ею занимаются прежде всего люди с высоким общественным статусом. Предметом обмена являются две группы украшений: *мвали* — браслеты из полированных раковин и *сулава* — ожерелья из красных раковин, отливающих перламутром. Они передаются по кругу в двух противоположных направлениях: мвали — с запада на восток, а сулава — с востока на запад. Их нельзя долго

хранить, и они не имеют реальной стоимости. Однако число раковин и ожерелий, как и постоянное участие в церемониальных обменах, несомненно, влияет на престиж и социальные позиции тробрианцев. Сам акт обмена подарками производится в торжественной форме. Даритель принимает преувеличенно скромный вид и под звуки раковины кладет вещь к ногам партнера. Вещь сразу брать нельзя, в ней содержится опасная магическая сила, должно пройти некоторое время, чтобы она стала безопасной для принимающего дар.

Можно выделить два вида дарообмена. Первый вид обмена предполагал равенство между дарителем и отдавателем. Обмен подарками между ними происходил в одной социальной плоскости, по горизонтали. Такие отношения в антропологии называют *реципрокацией* (reciprocity). В качестве примера можно привести обмен подарками между двумя женатыми членами рода, между женихом и невестой, между двумя бигменами. Второй вид дарообменных отношений предполагает наличие неравенства между дарителями. Он может представлять собой как предоставление подарков лицу с более высоким статусом, так и дары индивидам с более низким общественным рангом. Такие отношения в антропологии называют *редистрибуцией* (redistribution). Примером могут служить отношения между общинниками и вождями, между дружинниками и их предводителем, между подданными, вассалами и королем, между правителем небольшого государства и властителем могущественной империи, между людьми и миром богов.

В качестве иллюстрации можно, например, привести описание подобной церемонии у индейцев о-ва Ванкувер (тихоокеанское побережье Канады). Праздник — он называется потлач — «состоит в периодическом распределении ее (личной собственности — Н.К.) среди приглашенных гостей, из которых от каждого ожидается возвращение этой вежливости соответствующими подарками в другом подобном же случае. Следующие подробности относятся к распределению собственности отдельными лицами между другими лицами их племени. Одежда обыкновенно дается мужчинам, игрушки и краски для лица — женщинам. Не менее двух одеял обыкновенно дается одному и тому же лицу за один раз. Иногда новое ружье разбирается, и ложе, замок и ствол раздаются различным лицам. Разрушение известных родов собственности служит той же цели, как и ее распределение. Лодки, например, дарятся редко; в них делают дыру и топят их.

Владелец показывает этим актом совершенное *равнодушие* к своей собственности; он отдает ее; он уничтожает ее, «сердце его очень сильно»» (Зигер 1923: 119–120).

«Индеец, стоящий перед вами в совершенно разорванном одеяле, может иметь дома в своем сундуке 20 новых одеял и столько же ярдов колленкора. Все, что он приобретает сверх непосредственных потребностей, идет на увеличение этого запаса, пока не придет его день в зимнее время, когда он дает свой праздник и распределяет дары между гостями, сообразно достоинству каждого. Чтобы *всем* достало подарков на подобном пиру, одеяло иногда рвется на двадцать частей, и говорят, хотя этому трудно поверить, что ценность и количество данного каждому гостю трудно запоминается. Обычай требует, чтобы дар был быстро брошен в лицо получателя, чтобы показать, что он идет от доброго сердца. Даритель не смотрит на дело так, что он расстается со своей собственностью; он считает ее выгодно помещенною, ибо нынешние получатели постараются возратить ему на своем празднике с излишком. Лицо, раздавшее наиболее собственности, приобретает наибольшую славу, и по временам голос племени приписывает ему *высшее достоинство*. Достоинство это не есть достоинство высшего класса; оно лишь пожизненное и отличается от древнего, наследственного достоинства» (там же: 120).

Подобные обычаи были характерны не только для архаических обществ, но и для уже сложившихся традиционных цивилизаций. Чтобы продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к богатству, европейские феодалы совершали различные сумасбродства. Один из них приказал засеять поле серебром, другой велел спалить конюшню вместе с тридцатью скакунами (Bloch 1967/1939–1940).

Важное место в престижном дарообмене занимают массовые застолья. Сама организация подобных праздников требовала больших вложений, что существенно повышало престиж их организатора. Именно на совместных трапезах нередко осуществлялся обмен подарками и устанавливались асимметричные связи между соплеменниками. Они могли сопровождаться культовыми или религиозными церемониями. Наконец, подобные мероприятия играли также важную роль в выработке чувства коллективизма у членов данной группы или более крупной общественной структуры.

В качестве иллюстрации можно, например, привести описание такой церемонии на о-вах Фиджи. «Уже за месяц... идут приготовления к празднику; для него садятся овощи и перестают бить свиней, а также собирать фрукты, чтобы не было недостатка в еде. За два или за три дня до пиршества весь народ на ногах. Они гордятся щедростью своего вождя, и каждый приносит столько свиней, черепах, ямсу и других съестных припасов, сколько только может. Все заняты приготовлениями к празднеству, и король руководит всем этим. При этом случае они отделяются от предубеждения против поваренного искусства, в иных случаях исполняемого только рабами: каждый, даже сам король, помогает готовить пищу. Накопляют такие массы съестных припасов, что однажды, при подобном празднестве, 200 человек занимались 6 недель их расставлением, причем шесть куч, составляющих эту массу, содержали около 50 тонн жаренного своего и картофелю, 15 тонн пудингу, 70 черепах, 200 тонн сырого ямса и т.п. Один только пудинг имел 7 метров объема. Когда все готово, начинается раздача, сообразно строжайшему этикету. Различные племена и их начальники садятся на месте праздника; туи-рара или церемониймейстер заведывает раздачей кушаний и определяет количество частей, смотря по значению племени. Он призывает одно племя за другим. При произнесении его имени каждое племя благодарит и посылает известное число человек из молодежи, чтобы принесли пищу. Так идет, пока не роздано все. Тогда мужчины едят на свободе и посылают женам их долю на дом, чтобы и те не ушли с пустыми руками» (Зибер 1923: 118–119).

Отголоски подобных традиций сохранились и в современном обществе. В странах Запада, например, во многих организациях проводятся регулярные совместные чаепития или периодические вечеринки. Главная цель этих мероприятий — выработка в сотрудниках *esprit de corps* — духа коллективизма данной организации. Во многих традиционных и посттрадиционных обществах обычаи массовых публичных застолий сохранились и по сей день. В нашей стране они чаще встречаются в национальных республиках и в сельской местности. Однако нередко они имеют новую оболочку и приурочены к датам, созданным в период советской власти: официальным праздникам, проходам в армию, чествованиям передовиков труда и т.д.

Один из подобных праздников, распространенный в Средней Азии, приурочен к обряду социализации мальчиков — обрезаю. Данный

обряд, называемый *суннат-туй*, является обязательным, но требует больших расходов. Праздник длится три дня. Необходимо накрыть столы на большое количество приглашенных, одарить пришедших подарками. Однако отказаться от организации церемонии было нельзя. Это сказало бы на престиже главы семьи. По этой причине приходилось залезать в долги (в 80-е годы XX в. на организацию праздника требовалось 4–5 тыс. руб.). Однако чем более роскошный пир устраивал организатор церемонии, тем больше ответных подарков он получал (Абашин 1999).

Традиция коллективных застолий связана не только с массовыми календарными событиями. Всякое сколько-нибудь важное событие в жизни отдельного человека (день рождения, свадьба, рождение ребенка, повышение в должности, защита диссертации, выход на пенсию, иногда даже уход в отпуск) предполагает, что он должен организовать стол и угощения. Его родственники, друзья или коллеги по работе нередко с неудовольствием воспринимают, если данный человек проигнорировал стихийно сложившуюся традицию.

Сюда же следует отнести и традицию встречи новогодних, а также ряда иных праздников. Посмотрите, как легко пришла к нам из Америки и Западной Европы традиция дарения подарков к Новому году и на Рождество. Мы постоянно жалуемся на нехватку финансов, но подобно нашим далеким предкам (иногда) из последних сил стремимся, чтобы наш новогодний стол ломился от кушаний. В условиях отмены ряда советских праздников и возрождения некоторых прежних (с учетом глубоко укоренившейся любви к спиртному) стихийно сложилась новая традиция празднования Нового года в течение почти целого месяца, начиная от встречи католического Рождества и заканчивая встречей Нового года по старому стилю.

Экономическая антропология

Как интерпретировать данные иррациональные обычаи? В первобытных и архаических обществах коллективизм доминировал над частной экономической инициативой. По этой причине социальные позиции индивидов не могли меняться за счет накопления стоимости. Однако люди постоянно борются за свой статус в иерархии. Каким способом они могли повышать свой общественный ранг? Поскольку способность индивида принести пользу группе была преобладающим

фактором для общества, можно предположить, что именно вклад «в общий котел» должен был стать критерием такого рода.

Символический обмен подарками позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношении психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздаривая их, еще больше увеличивать престиж. Таким образом, общественный статус повышался через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздаривались или уничтожались, а с другой — через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок.

Карл Поланьи предложил классифицировать экономические системы на основе способа *распределения*. Он выделил три такие формы: *реципрокация*, встречающаяся в *племенном* обществе; *редистрибуция*, характерная для *архаического* общества; рыночный *товарно-денежный* обмен, представленный в современном *индустриальном* обществе. Несмотря на то что эти три способа распределения логично выстраиваются в единую цепь, Поланьи неоднократно оговаривал, что он не рассматривает их как последовательные стадии, поскольку они могли существовать в структуре одного и того же общества, например в форме соподчиненных экономических укладов (Polanyi 1968).

Его ученик и последователь Дж. Далтон предложил несколько иную схему, в которой показал, как локальные человеческие общества были включены в региональные и транснациональные экономики: *племенная* (первобытная) экономика, основанная на реципрокации и редистрибуции; *крестьянская* экономика стран «третьего мира», где помимо вышеупомянутых способов распределения встречается и рыночный обмен; *современная* товарно-денежная экономическая система (Dalton 1971).

Открытия, сделанные субстантивистскими антропологами, подтолкнули к новым интерпретациям и историков. Особенно много в этой области сделали историки-медиевисты. Оказалось, что средневековое западноевропейское общество было построено на тех же отношениях престижной экономики, что и арха-

ические вожества и государства Африки и Океании. Наиболее важными добродетелями, которыми должен был обладать король, считались щедрость и справедливость. Щедрость в представлении вассалов выражалась в раздаче земель, титулов и богатых даров, в организации пышных пиров и турниров, в народном сознании — в устройстве праздников и зрелищ, в раздаче обильного поаяния. Эти качества воспеваются в стихах придворных трубадуров. В балладах о короле Артуре и его рыцарях щедрость превозносится как одно из главных качеств сеньора. В одном из средневековых источников сообщается: «Всякий государь, а король в особенности, должен быть щедрым и щедро награждать людей, ибо щедро дающий вызывает к себе сильную любовь» (см.: Одиссей 1995: 26).

Классическим в этом направлении считается труд выдающегося французского историка-медиевиста, одного из основоположников научной школы «Анналов», Марка Блока «*Феодальное общество*» (Bloch 1967 / 1939—1940)*. Кроме того, исторической антропологии западноевропейского средневековья посвящены следующие работы, опубликованные на русском языке: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; *он же.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *он же.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Одиссей 1995. Представления о власти. М., 1995; Средние века. Т. 58. М., 1995; Средневековая Европа глазами современников и историков: книга для чтения. Ч. 1—5. М., 1994; *Блок М.* Короли-чудотворцы. М., 1998; *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999; *Дюби Ж.* Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. Во всех этих работах значительное внимание уделено проблемам престижной экономики феодального общества.

Раздаривая и раздавая материальные ценности, король поддерживал свой престиж и влияние на подданных. В то же время, принимая королевский подарок, вассал полагал, что он получает и долю священной силы господина. Подаренная вещь нередко становилась предметом особого почитания, аму-

* Пять глав первого тома этой книги опубликованы на русском языке в работе М. Блока «*Апология истории или ремесло историка*». М., 1973 (2-е изд. 1986).

летом. В ней была сосредоточена толика магического могущества господина. Даже в трудные времена вассал нередко берег ее как самую большую ценность.

Только в эпоху Возрождения появились иные взгляды на идеального правителя. В знаменитом сочинении Никколо Макиавелли «Государь» (1513 г.) говорится, что правитель не должен быть излишне щедрым, так как это может разорить казну страны и подданных. Если же нет возможности проявлять умеренную щедрость, то больше мудрости, по его мнению, в том, чтобы, оставаясь скупым, заслужить популярность рачительного властелина.

Таким образом, если в капиталистическом обществе господствуют вещные связи, то в докапиталистических — личные отношения. Если в первом случае исходной «клеточкой» является *товар*, то во втором — *престижная экономика* и *дар*.

Власть-собственность

Одно из наиболее распространенных в социальных науках заблуждений — это сведение отношений власти к собственности на средства производства. Данная точка зрения получила особенно широкое распространение в отечественной марксистской науке. В результате вся человеческая история была сведена к пяти сменяющим друг друга формам собственности — первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической.

Из этой стройной схемы выпадал азиатский способ производства. Деспот классом быть не может, государство — только аппарат господствующего класса. Где же здесь тогда класс эксплуататоров и кто является собственником средств производства? В конечном счете официально поддерживаемая позиция свелась к следующему. Кто-то обязательно должен считаться собственником. Поскольку тот или иной индивид или группа (государство-класс, бюрократия и т.д.) обладает властью, получает долю прибавочного продукта, значит, эти лица в совокупности и являются собственниками. Если речь идет о древних обществах — времени господства рабовладельческого строя, такое государство и класс господствующих в нем лиц следует признать рабовладельческим; если речь идет о средневековье — периоде господства феодализма, данное государство следует именовать феодальным.

Главная ошибка здесь заключается в сведении всех общественных отношений только к собственности. Вне всякого сомнения, собственность — одна из важнейших составляющих социально-экономической системы человеческого общества. Она генетически имеет глубокие социобиологические корни и восходит к механизму территориальности, отражающему витальные потребности любого живого организма (подробнее об этом см. гл. 2). Собственность регулирует отношения по поводу ресурсов жизнеобеспечения, средств производства, результатов труда. Отношения собственности в человеческом обществе могут выступать в форме нефиксированных культурных норм, традиционного права, формализованных юридических отношений.

Однако вся система социальных отношений не может быть сведена только к отношениям по поводу среды и ресурсов. Общество, как и биологическая система, — не просто сумма конкурирующих между собой особей (естественный отбор, война всех против всех, классовая борьба). Анализ функционирования сложных систем в принципе не сводим к анализу их отдельных элементов — «клеточек» (именно в этом заблуждался Маркс) или внутренних связей, составляющих эти системы. Следовательно, и общественные системы нельзя свести только к собственности на средства производства, как и всю историю — к пяти типам собственности.

Собственность — лишь одна из сторон общественных отношений. В наиболее развитом виде она проявляется при буржуазном способе производства, где капитал и наемный труд в результате длительного процесса отделения условий осуществления труда от непосредственных производителей кажутся расположенными на противоположных полюсах системы. Главные условия существования такого общества — динамичная, саморегулирующаяся товарная экономика, а ее оборотная сторона — разработанная система защиты прав и интересов собственника (правовое государство, принципы частного права, идущие от этики протестантизма, и др.).

Система отношений, в которой системообразующей является собственность, более характерна для западной цивилизации. И буржуазное, и античное, и даже феодальное общества предполагали разработанную систему частного права (истоки которого лежат в римском

праве). Пусть законы не всегда соблюдались, существовали многочисленные злоупотребления и правонарушения со стороны судов, государства и господствующей элиты, однако право, законность были фундаментом, на котором зиждилась вся общественная структура. Можно привести немало примеров, когда угнетенные (будь то рабы, колонии или же феодальные крестьяне) обращались в суд на своих более высоких по социальному статусу обидчиков и даже выигрывали тяжбы.

Помимо собственности в обществе имеются другие важные составляющие общественных отношений. Общество — сложная система, функционирование которой как целостности требует создания специфических механизмов регуляции внутренних процессов. Эти механизмы предназначены, с одной стороны, для снятия или сглаживания внутреннего напряжения, возникающего вследствие конкуренции между отдельными индивидами или группами, а с другой — для разделения функций между индивидами и группами и/или координации их усилий в целях интеграции и сохранения коллектива как самовоспроизводящейся системы, реализации поставленных перед обществом задач. Иными словами, речь должна идти об отношениях *иерархии* (доминирования) и *власти* (подробнее об этом см. гл. 2).

Почему советская марксистская наука категорически игнорировала роль власти в структуре восточных обществ и так упорно пыталась свести дискуссию о сути азиатского способа производства к изучению собственности? По всей видимости, ответ здесь прост. Как сами создатели марксистского учения и их более поздние интерпретаторы, так и обычные представители партноменклатуры интуитивно осознавали сходство экономического базиса восточного деспотизма и грядущего коммунизма. Ни при азиатском способе производства, ни при коммунизме нет частной собственности. Но в обоих случаях есть управители и управляемые. На Востоке, выполняя общественно значимые функции, управители постепенно превратились в эксплуататоров. Где гарантия, что при коммунизме не произойдет того же самого? Не случайно сам К. Маркс уклонился от дискуссии по данному вопросу с М.И. Бакуниным. Отказался по сути полемизировать с Г.В. Плехановым и В.И. Ленин на IV съезде РСДРП (1906 г.). В годы правления Сталина вопрос вообще был снят с повестки дня, дискуссия

прекращена, а несогласные расстреляны или отправлены на длительные сроки в лагерь. И позднее советские цензоры строго следили за тем, чтобы крамольные намеки не попадали на страницы книг и научных журналов.

Слабость позиции многих сторонников азиатского способа производства в ходе первой (1925–1931 гг.) и второй (1957–1971 гг.) дискуссий заключалась в том, что, следуя концепции Маркса, они отказывали в возможности существования на Востоке частной собственности. Оппоненты азиатчиков указывали на многочисленные примеры наличия на Востоке ее разнообразных форм, и это было основным аргументом в доказательстве ошибочности концепции азиатского способа производства. Современные сторонники особого пути развития Востока стоят на более гибких позициях. Они не отрицают наличия частной собственности на Востоке — пример тому не так давно вышедший сборник статей на данную тему под ред. Л.С. Васильева (1998). Различие между Западом и Востоком видится теперь не в отсутствии частной собственности в Азии как таковой, а в глубинных отличиях европейской и неевропейской структур. На Востоке собственность была, но там не существовало надежных гарантий и прав собственности. Не только самые крупные богатеи (так сказать, олигархи), а все собственники были поставлены в зависимость от носителей власти, регулярно оказывались объектами произвола, жестоких поборов и конфискаций со стороны администрации.

«Любой разбогатевший торговец или иной не причастный к власти собственник хорошо знал, что его существование зависит в первую очередь и едва ли не исключительно от благосклонности власть имущих, главным образом на местах».

«Перед нами оскопленная частная собственность и контролируемый всемогущими представителями власти рынок. А то и другое означает, что ни собственники, ни рынок на традиционном Востоке не имели потенций для рождения нового качества — такого, которое было бы сравнимым с тем, что появилось в Европе в виде капитализма».

«Здесь (т.е. на Востоке — Н.К.) частные собственники (а они подчас бывали много более богатыми, чем в Греции и Риме) верно служили власти и были готовы довольствоваться тем принижением статуса, который имели. Они не знали и не желали знать, что такое Свобода, Право, Гарантии

собственности или неприкосновенности личности и т.п. Они хотели лишь одного: существовать и процветать под надежным прикрытием сильной власти, любое требование со стороны которой было для них законом. А власть со своей стороны была заинтересована в существовании частных собственников — но именно таких, какими они были. Заинтересована потому, что рыночно-частнособственнические отношения выполняли под присмотром власти те жизненно важные функции, без которых развитие общество и сильное государство просто не могли бы существовать» (Васильев Л.С. 1998: 36, 37, 37–38).

Был пересмотрен и вопрос о соотношении частной собственности и политогенеза. Прежде всего необходимо заметить, что открытия субстантивистских антропологов опровергли точку зрения Энгельса, согласно которой государственность возникает из необходимости защиты частной собственности. В предыдущем разделе данной главы было показано, что в первобытности развитие личной собственности сдерживалось различными перераспределительными механизмами, а общественный статус повышался не напрямую — в зависимости от количества имущества, а опосредованно — через престиж и повышение социального статуса.

Более того, выяснилось, что сложная иерархическая организация власти возникла задолго до появления частной собственности. Изучая особенности политогенеза у самых различных народов Европы, Азии, Африки и Америки, целый ряд как отечественных, так и зарубежных историков и антропологов 60–70-х годов XX в. пришли к мнению, что в ранних государствах частной собственности еще не существовало и только с формированием зрелых форм доиндустриальных обществ появился институт частной собственности (А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич, Э. Сервис, А.М. Хазанов, Х. Классен, П. Скальник, Л.С. Васильев, В.П. Илюшечкин и др.; подробнее об этом см. гл. 4).

Возник вопрос, как определять уровень развития этих обществ. В западной науке догосударственные общества стало принято именовать вождествами, а появившуюся государственность — «архаическим», или «ранним» государством. Среди отечественных авторов длительное время была популярна концепция «дофеодального периода» А.И. Неусыхина,

позднее большинство упомянутых советских ученых и их последователей (некоторые не без влияния зарубежных коллег) приняли идею о необходимости выделения трех этапов:

- предгосударственного общества, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «военно-иерархические структуры», «протогосударство-чифдом», «вождество» и др.);

- «раннего государства», знакомого с эксплуатацией, но не знающего частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодальное», «варварское» или «сословное» государство и пр.);

- традиционного государства, знакомого с частной собственностью («зрелое государство», «сословно-классовое общество» и т.д.).

Но если частная собственность появляется только на третьей из выделенных стадий, в период уже сложившегося доиндустриального государства, на основе чего тогда складываются отношения эксплуатации в ранней государственности? Этот вопрос был обстоятельно исследован Л.С. Васильевым (1982; 1983), который исходил из развиваемой им билинейной теории социальной эволюции. Он полагал (см., например, приведенные цитаты), что западная цивилизация основывалась на частнособственнических отношениях, а государство было инструментом в руках господствующего класса. На Востоке частная собственность была усеченной, подчиненной, а прибавочный продукт отчуждался на основе «ренты-налога». Опираясь на разработки антропологов-субстантивистов, Л.С. Васильев пришел к выводу, что «рента-налог» восходит по своей сути к редистрибутивным отношениям. Обладающий правом перераспределения политический лидер не является собственником средств производства. Однако он в силу выполняемых должностных функций распоряжается ими и может делегировать свои полномочия помощникам, руководителям структурных подразделений, старейшинам деревень.

«Возникает хорошо известный специалистам феномен перекрывающих друг друга прав на землю: одна и та же земля принадлежит и обрабатываемому участку общиннику, и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, который стоит над верхов-

ным старейшиной и поручает ему делить эту землю, и, наконец, верховному собственнику, без согласия которого тоже обойтись невозможно... это явление обычно никого не смущало, ибо подтверждало то, что было нормой: земля не является частной собственностью, она принадлежит всем, но в строгом соответствии с той долей владения, власти над ней, которой реально располагал каждый из ее владельцев, снизу доверху» (Васильев 1982: 83).

При этом складывается тенденция превращения регулярных подношений общинников в «ренту-налог», а общественных работ — в отработочную повинность. Иными словами, речь идет о становлении феномена иерархического владения средствами производства в соответствии с занимаемым местом в общественной иерархии. В социобиологической подоплеке данного процесса, который Л.С. Васильев называл *власть-собственность*, по всей видимости, находятся потребности в установлении асимметричных иерархических связей, стабилизирующих сообщество как систему, территориальное поведение, а также индивидуальное стремление особой к доминированию (подробнее об этом см. гл. 2).

Вследствие этого *власть-собственность* можно определить как феномен, дающий возможности перераспределения и использования человеком собственности (коллективной, государственной, общенародной и т.д.) в силу его должностной власти и статуса.

Власть-собственность была распространена не только в доиндустриальную эпоху. Она существует во всех редиистрибутивных обществах (т.е. в таких структурах, где главенствует не частная собственность и рыночная экономика, а перераспределение продуктов по вертикали), в том числе и в плановом индустриальном обществе, где именно причастность к власти, к каналам перераспределения, а не к собственности дает человеку право на пользование и обладание теми или иными вещами или привилегиями.

Данная сторона института власти-собственности применительно к современным обществам хорошо была отражена М. Восленским в его эссе о советской номенклатуре.

«Главное в номенклатуре — власть. Не собственность, а власть. Буржуазия — класс имущий, а потому господствующий. Номенклатура — класс господствующий, а потому иму-

щий. Капиталистические магнаты ни с кем не поделятся своими богатствами, но повседневное осуществление власти они охотно уступают профессиональным политикам. Номенклатурные чины — сами профессиональные политики и, даже когда это тактически нужно, боятся отдать крупицу власти своим же подставным лицам. Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа» (1991: 113–114).

Стоит человеку оказаться исключенным из институтов власти, как он автоматически лишается всех былых привилегий и благ. Все, чем он был наделен при назначении на пост (дача, квартира, персональная автомашина, «вертушка», санатории и т.д.), становится для него недоступным (см., например: Афанасьев 1997: 183). Следовательно, отношение чиновника к собственности оказывается производным от власти, от того места, которое он занимает в официальной иерархии.

Тот факт, что имеющиеся в распоряжении блага не являются собственными, подсознательно хорошо понималось представителями советской партноменклатуры.

«Хотя завсектором будет занимать, как правило, из года в год одну и ту же дачу, он всегда помнит, что дача — не его... Иметь ее не принято, так же как и частную автомашину. Формального запрета нет, но это рассматривается как вольнодумство и как неуверенность в своем номенклатурном будущем» (Восленский 1991: 305).

Только после развала СССР сложились условия для реализации давней мечты номенклатуры — превращения власти в собственность. Эта мечта воплотилась в жизни в период приватизации. Однако и до настоящего времени редиистрибуция, возможность того или иного должностного лица направлять разнообразные ресурсы и денежные средства по тем или иным каналам, играет важную роль в приобщении власти имущих к разнообразным материальным благам.

Власть-собственность и идеология

Идеология занимает особое место в обосновании притязаний власти на собственность. Как и почему люди приняли навязанные им обществом институты принуждения и эксплуатацию? Известный французский антрополог Морис Годелье, переключаясь в известной степени с Вебером, подчеркивает, что отношения социального неравенства все-

гда строились не только на угрозе насилия, но и на принятии существующего положения самими эксплуатируемыми. Они возникали постепенно и, по его мнению, воспринимались как вознаграждение за оказанные обществу услуги его политическими лидерами, включая обеспечение покровительства со стороны сверхъестественных и божественных сил (*Godelier 1978*).

Отсюда, полагает А. Саутхолл, монополии на материальные средства производства должна была предшествовать монополия на «воображаемые» (*imaginary*) средства производства. В число «воображаемых» средств производства он включает и единоличное право правителей и жрецов на представление социума во взаимоотношениях с космическим миром, и монополию на умение вступать в контакты с духами и богами, и способности обеспечить благорасположение со стороны сакральных сил (*Southall 1991*).

Серьезно веря в сверхъестественные способности правителей, люди оказывали им разнообразные услуги, не ощущая себя угнетенными. Со временем, считает Саутхолл, символическая власть правителей развилась и укрепилась, и они могли опереться на разнообразные механизмы реального принуждения. Момент, когда власть больше использует политические санкции, чем ритуальные, является, по его мнению, ключевым — это уже свидетельствует о возникновении зачаточных форм государственности. После этого люди оказались лишены выбора и были вынуждены смириться с выросшими среди них эксплуататорскими институтами.

С известной долей редукционизма можно выделить несколько возможных этапов роста концентрации в руках элиты «воображаемых» средств производства. По всей видимости, сначала правители изображали себя распорядителями всех общественных ресурсов (материальных, людских, интеллектуальных и пр.) в отношениях со сверхъестественными силами. Со временем такие представления были перенесены из сакральной сферы в мирскую. Вожди стали представлять себя монополистами в отношениях с главами других первобытных и архаических обществ. Затем они провозгласили себя верховными собственниками в отношениях с простыми общинниками. Наконец, стали предприниматься попытки обратить «воображаемую» собственность в реальные приобретения.

На примере обществ Океании можно проследить разные этапы этого процесса. В Меланезии предводители не имели прав на землю. У маори известны случаи притязания вождей на участки общинников. На Маркизских островах сохранялось общинное землевладение, но вожди провозгласили себя собственниками земли. На Таити, Тонга и особенно на Гавайях контроль над недвижимыми ресурсами получил дальнейшее развитие.

Едва ли реальный исторический процесс поддается упрощению. Во многих архаических обществах притязания вождей на землю были встречены отпором. В других формально земля считалась собственностью правителя, но реально ею владели общинники. Вождь довольствовался долей от редиистрибуции прибавочного продукта. В третьих обществах существовал специальный обрабатываемый общинниками земельный фонд, принадлежащий вождю.

В целом монополия на «воображаемые» ресурсы трансформировалась в реальную собственность на средства производства в течение длительного времени, и даже применительно к развитым традиционным цивилизациям процесс формирования частной собственности не может считаться завершенным. Далеко не всегда декларируемые в официальных юридических документах, речах и текстах заявления о правах тех или иных лиц или общественных групп на собственность соответствовали реальности. По этой причине исследователям следует проявлять известную осторожность при интерпретации древних и средневековых нарративных, а также этноисторических источников. Возможно, эти выводы справедливы и в отношении ряда посттрадиционных структур.

4. ПУТЬ К ВЛАСТИ

Антропологи многократно обсуждали вопрос об основных способах достижения власти. Большинство исследователей не склонны сводить власть вождей к какому-либо одному фактору и выделяют большое число каналов развития отношений власти. Так, согласно Томасу Манну, главными силами, ведущими к власти, является экономика, политика, война и идеология (*Mann 1987, 1993*). Тимоти Ерл выделяет три главных ис-

точника достижения власти: экономический базис, военную мощь и идеологию (Earle 1997: 4–10).

В целом можно выделить основные и неосновные факторы. К числу основных следует отнести управленческие и редистрибутивные обязанности вождей, контроль над жизненно важными для общества ресурсами. Среди других можно указать контроль над внутренним и внешним обменом или торговлей, контроль над ремесленным производством, идеологию, войну и некоторые иные причины. Необходимо иметь в виду, что в различных экологических, политических, временных, региональных и конкретно-исторических условиях разные факторы могли играть различную роль.

Организационно-управленческие функции

Объективно данные функции — универсальное средство достижения власти во всех «сложных» обществах, включая современные государства. Это очевидно, поскольку без иерархии в управлении любая сложная система не способна адекватно реагировать на внешние возмущения и внутренние стрессы и в конечном счете обречена на распад.

Значимость организационно-управленческих функций в процессах политогенеза подчеркивалась многими исследователями. Еще в XIX в. роль данного фактора была обстоятельно раскрыта Ф. Энгельсом, показавшим, как постепенно «слуги общества» в силу отправления ими общественных должностей превращаются «в господ над ним» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 20. С. 183–185). Эта знаменитая цитата из «*Анти-Дюринга*» в СССР долгие годы служила одним из главных аргументов творческих марксистов для обоснования особого «азиатского способа производства». В настоящее время более востребован несколько иной контекст данной идеи. По всей видимости, механизмы трансформации институтов власти и социального контроля в архаических и современных обществах подчиняются одним и тем же универсальным правилам.

Возможно, линейная модель зависимости между управлением и властью была предложена К. Виттфогелем. По его мнению, введение ирригации считается исходным пунктом «организационной революции» и только сильная деспотическая власть могла построить трудоемкие оросительные сооружения

и поддерживать их в порядке (Wittfogel 1957). Последующие исследования выявили более сложный характер взаимосвязи ирригации и власти. В частности, наиболее активные противники концепции Виттфогеля (Р. МакАдамс и др.) подчеркивали, что в Месопотамии, например, государственность возникла еще до создания сети сложных ирригационных сооружений. В Перу масштабные мелиоративные работы проводились как до, так и после крушения тиауанакской цивилизации. Из многочисленных исследований современных антропологов обществ (Танзания, Шри-Ланка, Япония, Южный Ирак, о-в Бали) видно, что существование ирригации совсем не обязательно предполагает деспотическую власть.

Тем не менее организационно-управленческие функции объективно являлись одним из ведущих механизмов развития институтов внутреннего контроля и власти. Чтобы управлять сложным обществом, уже не достаточно ни того набора индивидуальных качеств, который традиционно был необходим для предводителей эгалитарных или ранжированных обществ, ни того времени, которое затрачивалось на выполнение подобных обязанностей. Вождество представляет собой сложную иерархическую систему, объединяющую совокупность локальных общинных поселений. Такие предпосылки и составляющие процесса возникновения вождеств, как рост прибавочного продукта вследствие перехода к производящему хозяйству, усложнение экономической инфраструктуры, увеличение количества населения и т.д., приводили к необходимости усложнения управляющей подсистемы. Чтобы регулировать процессы в подобном организме, необходимо было заменить выработанные в менее стратифицированных общественных структурах системы политического лидерства на более изощренные. Постепенно, шаг за шагом вожди начинают исключаться из процесса производства пищи и специализируются только на организационной деятельности. Со временем вокруг них складывается круг лиц, которые помогают правителю в управленческой деятельности.

Процесс освобождения вождей от участия в непосредственном производстве прибавочного продукта шел постепенно, с массой промежуточных форм и вариаций. В Океании, например на Пуапукке и Футуне, вожди сами занимались добычей пищи. Но на Самоа они уже были освобождены от

непосредственного труда, а на Таити, Тонга и Гавайях к вождям, не занимавшимся физическим трудом, прибавились члены их семей и ближайшее окружение

Новый круг функций требовал специальной подготовки правителя общества. Это способствовало сужению круга претендентов на власть. Постепенно во многих позднепервобытных обществах вырабатывались представления об отрицательной, магической силе власти и о том, что только вожди и их родственники обладают набором специфических качеств, позволяющих правильно распорядиться властью, установить контакты с потусторонним миром с тем, чтобы сверхъестественные силы благоприятствовали обществу. Простому народу эти качества недоступны, более того, попавшая в его руки власть может стать опасной и нанести вред ему лично и всем окружающим. Вследствие этого постепенно формируется тенденция к сохранению власти и должности в рамках одной родственной линии, чему способствует разработка длинных генеалогий, введение неравенства по родству. Вырабатывается механизм *кнического клана* (П. Киркхоф), или *рэмэджа*, согласно которому статус индивида определяется степенью его генеалогической близости к родоначальнику или правителю. Тем самым сокращается круг возможных претендентов на власть.

С одной стороны, возможно, в этом проявляется субъективное стремление правителя способствовать своим потомкам и родственникам в их будущей деятельности. С другой стороны, в данном процессе отражается определенная необходимость, поскольку именно вождю было гораздо проще передать своим потомкам набор тех полезных качеств, который был необходим при управлении обществом. И наконец, в этом заключался важный объективный стабилизирующий момент, так как ограничение доступа к власти-должности, узаконенное установленными традицией нормами, приводило к некоторому снижению внутренних конфликтов в борьбе за власть, что в целом способствовало нормализации потестарно-политических отношений в обществе.

Перераспределенческие функции

общества представляют собой системы с централизованной

Этот канал власти тесно связан с предыдущим, поскольку иерархически организованные сложные

организацией экономики, и, следовательно, в них циркуляция производимого прибавочного продукта и других значимых ценностей осуществляется через центр. Особенности функционирования данного механизма нагляднее рассмотреть на примере вождеств, где редистрибуция могла использоваться: для потребления на традиционных празднествах, что потенциально должно было способствовать повышению престижа щедрого вождя; для затрат на обеспечение различных общественных работ; в качестве страхового фонда для массовых раздач в голодные периоды; для персонального потребления вождя, его домочадцев, слуг и приближенных.

Маршалл Салинз (*Sahlins* 1958, 1968, 1972; Салинз 1999) и Элман Сервис (*Service* 1962, 1963, 1975) рассматривали редистрибуцию как один из самых главных структурных компонентов власти в вождествах. В своей книге «*Экономика каменного века*» Маршалл Салинз цитирует многих антропологов, описывавших редистрибуцию в различных сложных догосударственных обществах (1999: 128–141, 174, 226–233). Воспользуемся одним из описаний, относящимся к вождеству тикопиа в Полинезии:

«Снизу к вождю тикопиа течет поток подарков, но и он обязан быть щедрым, во всяком случае, в не меньшей степени, чем способен накапливать вещи. Щедрость в самом деле была ревностно охраняемой прерогативой вождя: “За вождями признавалось право контролировать большое количество пищи и немалое число ценностей, хранимых в их домах... Но ожидалось, что запасы эти будут использованы во благо народа. Накопления рядовых общинников также должны были раздаваться другим. Однако такой человек рисковал быть обвиненным семьями вождей в *фия пассак* (желании гордиться). Вожди следили, чтобы он не попытался узурпировать некоторые из их привилегий. В истории тикопиа имеются прецеденты, когда вожди при случае завладевали добром такого общинника или даже убивали его” (Firth, 1950. P. 243). Короче говоря, вожди тикопиа обычно не терпели, когда другие запускали стартовые механизмы движения к власти» (Салинз 1999: 230).

Рассматривая специфику редистрибутивных отношений в вождествах, надо иметь в виду, что перераспределение не способствовало автоматической концентрации богатств и излишков пищи у элиты. Обогащение вождей и их окружения осу-

шествовало опосредованно, только поднятием престижа вождей путем организации разного рода массовых раздач. Распределяя общественный продукт от своего имени, вождь тем самым усиливал свой авторитет, а общинники, получая дар, вынуждены были в свою очередь отвечать подарками, как правило превосходившими первоначальный по объему.

Помимо этого за выполнение общественных функций вождь пользовался частью коллективного прибавочного продукта для личных нужд, для обеспечения домочадцев и слуг и для «расходов на представительство». Первоначально такие расходы были невелики. Но аппетит приходит во время еды. Со временем запросы становились все больше и больше. В некоторых самых развитых предгосударственных иерархических структурах правители могли себе позволить, без зазрения совести залезать в общественный карман и использовать произведенный народом продукт исключительно на собственные нужды.

Так, в вождествах африканских банту (у свази, тсвана, венда) общинники также делали подношения своему вождю. Кроме того, они обрабатывали специальные поля, урожаем с которых шел на пропитание правителя. Важно отметить, что дары, как и все остальное, чем распорядился вождь, считались общественным достоянием. По представлениям банту, вождь должен был тратить все полученное от своих соплеменников на общественные нужды и подарки, хотя реально он использовал подношения по своему личному усмотрению (*Schapera* 1956: 99, 102, 115).

Наконец, возможность манипуляции вождей с общественным продуктом напрямую или косвенно приводила к тому, что правители могли поощрять одних и сдерживать других. Лояльные и услужливые получали привилегированный доступ к общественным закромам, провинившиеся или оказавшиеся в оппозиции такой возможности лишались. Это дополнительно способствовало усилению зависимости части подданных от правителя вождества.

Правда, необходимо иметь в виду, что далеко не все исследователи разделяют мнение о столь высокой значимости редиистрибуции в вождествах. В частности, Тимоти Ерл совершенно справедливо отмечает, что во многих чифдомиках редиистрибуция не могла быть основным фактором усиления социальных позиций вождя, поскольку прибавочный продукт на этом уровне

стадиального развития был невелик, а сама редиистрибуция собиралась не столь часто (*Earle* 1987, 1997). Даже в ранних государствах королевская власть нередко была неспособной организовать полномасштабную редиистрибутивную сеть. Чтобы перераспределительные механизмы все-таки функционировали, приходилось использовать различные изощренные способы контроля периферийных районов государства.

Наиболее ярким из них является так называемое *полюдьё* — институт периодического объезда правителем подвластных территорий, в процессе которого он собирал с подданных дань, вершил суд и выполнял иные функции. Этот обычай был описан в ряде источников о Древней Руси, в частности в последних строках знаменитой гл. 9 трактата «*Об управлении империей*» византийского императора Константина Багрянородного:

«Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выйдут со всеми росами из Киая и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”... Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав».

Данный институт, подробно изученный Ю.М. Кобищановым (1995), был характерен для многих обществ Западной Европы, Африки, Восточной Азии, Кавказа и Океании. Кобищанов полагает, что полюдьё представляет собой один из основных механизмов укрепления зарождающейся государственности, в котором проявляется широкий круг экономических, политических, судебных, коммуникативных, символических и религиозных функций царской власти.

Нетрудно заметить, что перераспределительные механизмы власти присущи не только предгосударственным обществам. Редиистрибуция — это универсальный рычаг власти, существовавший как в древних и средневековых, так и в современных обществах. Однако там, где нет рыночной экономики или она недостаточно развита, данный механизм имеет едва ли не решающее значение. Там же, где преобладающий класс составляют не частные собственники, основой общества является *власть-собственность*, а положение человека определяется его местом в системе иерархии.

В СССР, например, существовала плановая экономика и централизованное перераспределение финансов. Это ставило руководителей и администраторов всех рангов в зависимость

от непосредственного начальства. Помимо генеральной реди-трибуции денежных средств, сырья и иных ресурсов в стране существовала локальная сеть спецраспределителей и особых магазинов для номенклатуры. В условиях тотального дефицита высококачественных товаров и продуктов это было очень существенно. Товары в подобных организациях изготавливались по спецзаказу или были импортными, продавались по заниженным ценам. Такая сеть была недоступной обычным гражданам, которые должны были довольствоваться обычными магазинами с их незатейливым ассортиментом товаров (необходимо учесть, что в условиях всеобщего дефицита многое попросту не доходило до рядовых покупателей, а распределялось еще на базах и складах магазинов или из-под прилавка по так называемому *блату*) (см., например: *Восленский* 1991: 315–316).

Любопытно, что у истоков сознания реди-трибутивной сети для советской номенклатуры стоял еще В.И. Ленин. Летом 1921 г. в самый разгар гражданской войны он дал указание устроить особые лавки (т.е. магазины), в которых приезжающие из-за границы коминтеровцы могли по особым мандатам покупать продукты и другие необходимые товары.

В современной России реди-трибуция также занимает важное место в структуре властных отношений. Уже нет столь масштабной сети спецраспределителей и спецмагазинов прошлого. За деньги всякий может купить самые высококачественные продукты или товары. Но часть спецструктур осталась, например базы снабжения при Управлении делами Президента во Внукове и в Усове, где по традиции можно отovarиться гораздо дешевле, чем обычно. По-прежнему существуют спецлечебницы для элиты (бывшее Четвертое Главное управление Минздрава теперь называется Медцентр при Управлении делами Президента), процветает институт государственных дач, строятся спецдома с улучшенной планировкой для новой номенклатуры.

В масштабе страны реди-трибуция охватывает отношения Правительства и субъектов Федерации. Региональная власть занята получением своей доли из федерального центра и перераспределением ее между муниципальными образованиями. На всех уровнях распределительной пирамиды лояльные и услужливые могут получить больше, чем это положено, строптивные могут быть лишены доли бюджетного пирога. При

этом чем более дотационным является то или иное образование, тем больше оно зависит от вышестоящей власти. Это, в частности, показывают выборы в некоторых субъектах Российской Федерации последних лет. Там, где население и муниципальное управление экономически меньше зависят от губернаторской власти (крупные города), процентное число голосов в пользу последней нередко оказывается меньшим, чем в мелких городках и в сельской местности, главы которых полностью зависят от бюджетных вливаний.

Порочной практике злоупотребления распределительными механизмами способствует и такое распространенное в России явление, как дефицит бюджета. В условиях, когда нет возможности обеспечить все сферы бюджета в соответствии с законодательными актами, исполнительная власть имеет возможность манипулировать реальными средствами так, как считает необходимым. Нетрудно предсказать, какие сферы будут профинансированы полностью, а какие получат лишь часть из того, что положено законом. Существует и несколько иной механизм — искусственное создание бюджетного дефицита. Исполнительная власть готовит нереальный проект расходования средств на следующий год. Такой бюджет отвергается законодательной властью. Пока идут длительные консультации и согласуется приемлемый для всех сторон новый проект бюджета, власть имеет возможность распоряжаться средствами практически бесконтрольно.

Контроль над ресурсами

Исследования этологов показали, что в условиях ограничения ресурсов доступ к ним опосредован «порядком клевания» — отношениями доминирования (*Резникова* 1997). В человеческом обществе аналогичную роль играет ранг и статус индивида, позволяющий присваивать дефицитные ресурсы. Наиболее последовательно значимость этого фактора отстаивал среди политантропологов Мортон Фрид. В его эволюционной схеме первобытной истории главным критерием ее завершающего этапа (стратифицированное общество) является неравный доступ к основным экономическим ресурсам (*Fried* 1967).

Данный тезис хорошо подтверждается многочисленными этнографическими примерами. На Гавайях вожди контролировали или активно вмешивались в перераспределение земельных участков. За свои посред-

нические функции вождь пользовался долей прибавочного продукта, который хранился на общественных складах. Власть ольмекских вождей во многом держалась на контроле над высокопродуктивными террасными землями. Карибские, амазонские и миссисипские вождества, основанные на интенсивном земледелии в аллювиальных речных долинах, также демонстрируют примеры подобного рода.

Однако в число ресурсов «ограниченного доступа» входили не только сельскохозяйственные участки. Это правило вполне могло быть применимо и к другим продуктивным ресурсам: озерам, богатым рыбой, пастбищам с сочной травой и т.д., а также к ресурсам, прямо не связанным с добычей или производством пищи. Например, известны случаи, когда вождь и его окружение пытались влиять на сектор керамического производства путем установления контроля над территорией, богатой глиняными ресурсами.

Как конкретно контроль над ресурсами мог увеличивать власть правителей традиционных обществ? Во-первых, имеющиеся ресурсы вождь мог передавать в пользование, «дарить» своим подданным (так же как и произведенный прибавочный продукт), повышая тем самым свой престижно-социальный статус, а впоследствии и улучшая свое экономическое положение. Во-вторых, правитель мог привлекать подданных к обработке общественных или находящихся в его распоряжении ресурсов под каким-либо благовидным предлогом (например, под видом подготовки к празднику или особенной общественной важности этих мероприятий). В-третьих, вождь нередко имел право на лучшую долю ресурсов: самый плодородный кусок земли, самые тучные пастбища, наиболее богатую рыбой или моллюсками часть реки или озера.

Еще один важный момент — это то, как соотносится реальное ограничение доступа к ресурсам с идеологическим обоснованием развития данного процесса. А. Саутхолл полагает, что процесс приватизации ресурсов проходил через несколько этапов: зарождение символическо-ритуального неравенства по отношению к ресурсам, ритуальная монополия верхами средств производства, а затем замена последней реальными частнособственническими отношениями (Southall 1991).

Очевидно, что жесткой зависимости отношений различных групп элиты к ресурсам не было. Для иллюстрации этого воспользуемся дан-

ными о собственности на землю в вождествах и ранних государствах, систематизированными Х. Классеном (Claessen, Skalnik 1978: 550–551, 553, Table VI)*.

Собственник	Число случаев	Теоретическое владение	Общественное владение	Феодальное владение	Личное владение	Отрицательный результат	Нет данных
Правитель	21	9	5	1	2	1	4
Аристократия	21	—	8	7	6	1	4
Жречество	14	—	8	1	2	—	4
Джентри	15	—	7	3	3	1	2
Мелкие владельцы	19	—	12	1	7	—	1

Только в ограниченном числе случаев из данной выборки правитель и его родственники имели реальную собственность на землю (личная — Джимма, Куба, так называемая Классеном феодальная — Йоруба). Почти в половине обществ существовали теоретические представления об «идеальной» собственности царей на землю. В пяти случаях существовали представления о коллективной собственности на землю.

В целом, что касается управления, контроля и перераспределения, то их следует рассматривать как разные стороны единого процесса монополизации общественно-полезных функций. В силу занимаемого места в системе управления обществом правитель и его окружение, владея информацией и ключевыми рычагами в распределении ресурсов и произведенного прибавочного продукта, выступают (или могут выступать) в качестве идеологических собственников средств производ-

* В примечании к таблице отмечено, что в одном случае применительно к правителю и в одном случае — к жречеству и в двух вариантах — к низшим группам собственность относилась одновременно к двум типам сразу. Зафиксированы также колебания в собственности у аристократии в пяти случаях.

ства и прибавочного труда. Однако данная «собственность» столь же условна, как «собственность» бюрократов в государственном способе производства, и производна от функции власти, т.е. от места в иерархии управления обществом.

Рассмотрим теперь более подробно дополнительные факторы усиления власти.

Контроль над обменом и торговлей

Ограничение доступа к внешне-торговой деятельности — это универсальная черта поведения, харак-

терная как для надлокальных первобытных обществ, так и для ранних государств (*Webb 1975; Ekholm 1977; D'Altony, Earle 1985; Brumfiel, Earle 1987; Шнирельман 1988; Kipp, Schortman 1989; Claessen 2000* и др.). В выборке из 19 вождеств и ранних государств только в двух политиях внешнеторговая деятельность не была признана существенной (*Claessen, Skalnik 1978*). Право на внешний обмен ограничивалось, как правило, только правителем общества или же главами общин или линиджей, как в знаменитой *куле* у тробрианцев, подробно описанной Малиновским. Это давало вождям дополнительные возможности для привлечения сторонников и делало еще более ощутимым разрыв в статусе между «слугами общества» и простым народом.

Существует немало различных моделей, демонстрирующих то, как внешняя торговля могла вести к развитию власти. Одна из наиболее часто цитируемых гипотез — концепция «африканского способа производства» французской исследовательницы К. Кокри-Видрович. В ходе второй дискуссии об азиатском способе производства Кокри-Видрович выступила против отнесения африканских обществ к модели азиатского способа производства. По ее мнению, типичный вариант сложения восточной деспотии — от ирригации к тотальному государству — для Африки был невозможен. Что же тогда способствовало созданию государственности на Черном континенте? Кокри-Видрович полагает, что фундамент данного способа производства составляла монополия элиты на внешнеторговый обмен с более развитыми европейскими обществами. Вожди и цари поставляли европейцам рабов и слоновую кость. За это они получали огнестрельное оружие и предметы престижного потребления. Получив импортные товары, они распределяли их среди общин — именно на этом держалась власть правителей африканских вождеств и ранних государств. Основные положения данной гипотезы были опубликованы в журнале «*La Pansee*» (№ 144) и часто

цитируются, однако впоследствии ни сама автор оригинальной гипотезы, ни другие исследователи не пытались развивать их.

Еще одна модель посвящена изучению того, как торговля влияла на становление архаической государственности в древней Месопотамии. На примере Юго-Западного Ирана Г. Джонсон и Г. Райт попытались показать, что приток кочевников из нагорных районов вызвал интенсификацию обмена между номадами и земледельцами. Кочевники поставляли земледельцам продукты скотоводческого хозяйства, получая взамен сельскохозяйственную продукцию и керамику. Это стимулировало развитие земледелия и соответствующих видов ремесла у оседлых жителей. Постепенно формируется торговая сеть, в местах сосредоточения обмена развивается административная власть, что подтверждается находками печатей, штампов. Власть контролирует потоки товаров и каналы их распределения. Со временем возникают центры пересечения связей более высокого характера, наконец, вся система интегрируется в трех- и четырехуровневую иерархическую систему во главе с крупным городским центром. Наличие такого количества уровней позволяет сделать вывод о сложении государства (*Johnson 1973; Wright, Johnson 1975; Wright 1977, 1978*).

В целом исследования антропологов и археологов показывают, что внешнюю торговлю можно рассматривать как один из способов конкуренции элиты за высокий статус, который усиливал позиции более удачливых вождей и позволял формировать широкую сеть династических браков, вассальных и союзнических отношений. Правители, чьи вождества и ранние государства были расположены в стороне от главных торговых артерий, вели войны за возможность контроля ключевых пунктов обмена.

Однако внешнеторговые отношения нельзя рассматривать в качестве устойчивого канала повышения власти, поскольку внешний обмен сам был нестабильным, подверженным циклам спада и роста. Хорошим примером может служить сравнение юго-восточных испанских (*мильярская* культура) и португальских (*культура Вила Нова*) вождеств. Поскольку власть в первых была основана на контроле внутренней экономической деятельности, то они оказались более устойчивыми, чем вторые, власть в которых базировалась на контроле внешнего обмена и распределении полученных товаров (*Earle 1987*).

Если обмен и торговля осуществлялись с более развитыми обществами, то они интенсифицировали все внутренние процессы в сложных обществах. Но в то же время торговля не была

ведущим фактором политической эволюции. Она могла способствовать трансформации предгосударственных обществ в ранние государства только с возникновением широкой торгово-обменной сети, а власть элиты больше зависела от управления экономикой и контроля над вооружением (*Kipp, Schortman 1989*).

Контроль над ремесленным производством

Развитие внешнего обмена интенсифицирует и контроль над изготовлением предметов престижного потребления, которые правители традиционных обществ использовали как для своих личных нужд, так и для внешнего обмена (*Brumfiel, Earle 1987; Earle 1987*). Этому имеется множество археологических и этнографических примеров. В то же время не следует забывать, что ремесленное производство в вождествах было развито еще сравнительно слабо, и, следовательно, вожди могли контролировать только производство небольшого числа наиболее престижных предметов.

Еще до изобретения металлургии правители вождеств стремились влиять на производство орудий труда. В поселениях индейцев камиллю обсидиановые орудия распределялись так, что их большинство скапливалось в пределах хозяйств элиты. Тробрианские вожди следили за импортом каменных ресурсов, применявшихся для изготовления топоров.

Важные изменения произошли с началом изготовления железных орудий труда. В результате распространения черной металлургии на обширных пространствах Европы, Азии и Африки стало возможным развитие земледельческой экономики, формирование вождеств и ранней государственности. С этого времени начинает фиксироваться контроль над металлургическим производством и распределением орудий труда.

Английский археолог Колин Ренфрю учел роль ремесленного фактора в своей теории образования цивилизации, разработанной им на примере архаической Греции. Согласно данной теории, генезис и последующий рост эгейской цивилизации обусловлены наличием двух взаимодополняющих сфер деятельности (для удобства анализа он рассматривает их как независимые «идеальные модели») — «питательно-редистрибутивной» и «ремесленно-имущественной». Вторая модель демонстрирует, как материальное благосостояние элиты и

социальная стратификация в эгейском обществе оказываются зависимыми от способностей верхов контролировать ремесленную деятельность по производству высокопрестижных изделий и предметов вооружения (*Renfrew 1972*).

Вожди всегда стремились сделать подконтрольным изготовление оружия, в первую очередь металлических и трудоемких предметов вооружения. Известны также попытки вождей подчинить своему влиянию и гончарное производство. Вообще, исследования специалистов показывают, что тенденция к установлению контроля над ремесленным производством столь же универсальная черта в эволюции вождеств, что и контроль над внешним обменом и торговлей.

Контроль над изготовлением значимых технологий мог достигаться и посредством прямого вовлечения элиты в ремесленное производство. Не случайно в ряде регионов мира (Скандинавия, Британия, Полинезия, Южная Африка и пр.) вожди и короли наряду с другими необходимыми им навыками должны были владеть и кузнечным ремеслом, а в Полинезии вожди практиковали такие престижные виды ремесленной деятельности, как изготовление лодок и резьба по слоновой кости.

Каково было соотношение между контролем над изготовлением орудий производства и контролем над производством предметов престижного потребления в структуре традиционной власти? Это непростой вопрос, поскольку и оружие, и средства труда, и предметы престижного потребления были одинаково значимы для жизнедеятельности общества. В этой связи нельзя не отметить интересную гипотезу Ю.В. Павленко (1985, 1989), согласно которой контроль элиты над производством предметов престижного потребления (группа «Б») доминировал в вождествах и ранних государствах номового (протономового) типа, где производство прибавочного продукта главным образом зависело от системы организации труда (строительство ирригационных сооружений и т.д.), а не от качества орудий труда (субтропики, районы «великих рек»). Напротив, в тех районах, где интенсификация сельского хозяйства зависела в большинстве случаев от технологических инноваций — использования железных орудий труда (умеренные, тропические зоны), там более важным представлялся

контроль вождей над ремесленным производством средств производства (группа «А»).

Война и военно-организационные функции

Война является еще одним важным фактором, который потенциально способствует политогенезу.

Изначально она была включена еще в концепцию Г. Спенсера, который полагал, что война способствовала как эндогенному развитию, так и подчинению одних обществ другими. Последнее мнение впоследствии вылилось в особую «завоевательную» теорию, согласно которой государство возникало как следствие внешней экспансии более сильных групп (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер, К. Каутский, Г. Кунов и др.). Большая роль этого фактора в эволюции вождеств и ранних государств отмечалась многими более поздними исследователями.

Едва ли не самая популярная по цитированности концепция — знаменитая «ограничительная» теория Роберта Карнейро. Изначальной точкой отсчета для Карнейро выступает богатая ресурсами территория, окруженная малопродуктивными землями и географическими препятствиями. Примерами этого являются территории вокруг Нила, Тигра и Евфрата, Инда в Старом Свете, а также долины Мексики и Перу в Новом Свете. В таких стесненных условиях рост населения приводил к увеличению нагрузки на ресурсы. Когда ресурсы переставали обеспечивать потребности общества, начиналась конкуренция за землю, которая проходила в форме острых столкновений. Поскольку возможности мигрировать за пределы территории у слабых групп, как правило, не было (другие аналогичные зоны также были заселены людьми), им не оставалось ничего иного, как принять подчинение более сильных групп. Государство возникает, когда вся долина оказывается объединенной в рамках единой политической единицы (Carneiro 1970).

Современные исследования показывают, что далеко не во всех случаях генезис сложных обществ и государственности имел место в процессе войн и завоеваний. Но верно и другое — война хотя и не относится к теоретически обязательным составляющим политогенеза, в реальности нередко играла важную роль в указанных процессах. Она способствовала развитию стратификации, усилению власти, генезису и упрочению государства.

Необходимо также указать на те конкретные военно-организационные функции, которые расширяли власть военных вождей и правителей традиционных обществ:

1. Война была важным способом расширения базы доходов лидера и его ближайшего окружения: во-первых, это награбленные предметы престижного потребления и украшения; во-вторых, это захваченные пленники и пленницы, которых можно использовать в хозяйстве, для кульгово-церемониальных нужд, дарить, продавать, обменивать и т.д.; в-третьих, это завоеванные земли (как правило, вместе с населением: а зачем собственно земля без людей?). Поскольку военные приобретения реже шли в котел престижного перераспределения, чем результаты непосредственной экономической деятельности, то контроль над их распределением был важным фактором усиления власти военных предводителей.

2. При существовании в вождестве жесткой генеалогической статусной системы доступа к власти участие в войнах — едва ли не единственный способ повысить положение в обществе выходцам из основной массы населения (а особенно маргиналов). Нередко именно поэтому около правителей вождеств или военных предводителей (при функциональной разграниченности элиты) постепенно концентрируется круг профессиональных воинов — дружина, которая слабо связана с традиционными общественными структурами и ориентирована на личную преданность своему командиру. Вполне понятно, что опора лидера на свои личные связи с вооруженными, дисциплинированными сторонниками — это весомый аргумент в политической борьбе за власть. Достаточно сослаться на хорошо известные примеры прихода к власти русских царей Ивана IV и Петра I.

Особое место занимает вопрос об участии правителя в военных действиях. По всей видимости, везде он считался верховным военачальником и от его лица совершались воинские кампании. Многие монархи лично участвовали в сражениях и прославились как отважные воины и/или выдающиеся полководцы. Свое политическое могущество добыли с оружием в руках и Александр Великий, и Цезарь, и Хлодвиг, и Карл Великий, и Наполеон Бонапарт. Для российского читателя достаточно напомнить имена Святослава, Александра Невского, Дмитрия Донского и Петра Великого.

Однако личное участие в походах и битвах, похоже, поощрялось далеко не везде. Во многих африканских вожествах и ранних государствах тело царя считалось слишком большим сокровищем, чтобы его можно было подвергать опасности. Даже рана, не говоря уже болезни или физическом дефекте, могла привести к потере им сакральных качеств. Кельты нередко связывали все проигранные сражения с гибелью или ранением своего правителя. Но независимо от того, принимал правитель участие в военной деятельности или нет, все победы приписывались исключительно его сверхъестественным медиативным качествам.

Религия

Голое насилие не может действовать бесконечно. Господство предполагает наличие определенной идеологической системы, неписанные постулаты которой принимаются как господами, так и подданными. По этой причине трудно не согласиться с мнением Петера Скальника (1991; *Skalnik* 1996), который полагает, что примирение людей с существующим политическим порядком играло не меньшую роль, чем возможность элиты использовать силу напрямую. С этой точки зрения сакрализация была важным механизмом консолидации общества, выработки идеологии сглаживания антагонизмов между правящей элитой и непосредственными производителями.

Центральным компонентом данной идеологической системы был правитель. Во многих архаических и традиционных обществах люди считали, что он наделен определенными сверхъестественными способностями или же является представителем мира богов на земле и вследствие этого течение природной и социальной жизни в немалой степени подчинено его влиянию. Правитель может вызывать дождь, останавливать бурю, делать животных более плодовитыми, а урожай более обильными, он может вызывать страх у врагов и приносить военные победы. Выполнение этих обязанностей считается главной (а нередко и единственной) его задачей, и от того, насколько успешно он будет с ней справляться, зависит продолжительность его царствования и даже жизнь.

Вера в связь вождей с потусторонними силами была также мощным средством укрепления личной власти над старейшинами и простыми общинниками. Пользуясь своими «связями»

с богами, вождь мог наслать на неугодных или неподчиняющихся ему лиц болезни или иные напасти.

Особенно много для изучения генезиса подобных представлений сделал английский антрополог Джеймс Фрэзер (1854–1941). Он занимался исследованием магии и религиозных обычаев у архаических народов и в этой связи исследовал многочисленные обряды, связанные с сакрализацией власти в обществе. В своем главном произведении «*Золотая ветвь*» Фрэзер показал, что существует четкая связь между благоприятствованием архаического общества и авторитетом его правителя.

У народов латука, бари и лалуба, обитавших в засушливых районах верховьев Нила, власть предводителей-знахарей основывалась на умении вызывать дожди. Для этого они использовали различные магические ритуалы. Своими способностями они приобретали значительный авторитет и влияние на общество. Однако в периоды засух разгневанные соплеменники легко могли убить своего предводителя, мотивируя это тем, что он не справляется с возложенными на него обязанностями. Его должность в этом случае часто переходила к его сыну или какому-либо иному близкому родственнику, поскольку соплеменники полагали, что подобные чудесные качества могли передаваться по наследству (Фрэзер 1986: 87).

Другой пример, описываемый Дж. Фрэзером, показывает, что архаические идеологические представления о связи между авторитетом правителя и внешними силами затрагивали не только внешние, непосредственно наблюдаемые события (дождь — засуха, удачная — неудачная охота, урожай — неурожай и пр.). Шиллуки Судана считали, что на благосостояние всего общества влияют не только реальные поступки, но и здоровье вождя, а также его потенция. При заболевании правителя или признаках его недееспособности земледельцы и животноводство придут в упадок, а народ начнут преследовать хвори и прочие напасти. По этой причине многочисленные жены и старейшины внимательно наблюдали, насколько регулярно вождь выполняет свои супружеские обязанности. При появлении тревожных симптомов вождю вручалась «белая метка» — во время ежедневного полуденного отдыха его лицо накрывалось куском белой материи. Через некоторое время после этого приводился в исполнение жестокий приговор —

вождя замуровывали в специально построенной хижине с девственницей, достигшей совершеннолетия.

Фрэзер задается вопросом, как же это соотносится с культом раболепного почитания вождей, существующим у шиллуков, и сам дает на него аргументированный ответ. Как это не парадоксально, обычай убийства правителя коренится именно в глубоком преклонении перед его персоной (не перед конкретным правителем, а именно перед персоной!), в вере в его сверхъестественные магические способности, в его умении обеспечить процветание своим подданным.

«Шиллуки уверены, что жизнь и душа царя симпатическими узами связана с благосостоянием всей страны, что в случае его заболевания или старения заболеет и перестанет размножаться скот, урожай сгниет в полях, а эпидемия унесет людские жизни. Предотвратить эти стихийные бедствия можно, по мнению шиллуков, только предав царька смерти, пока тот еще крепок и бодр, чтобы божественный дух, унаследованный им от предков, мог в свою очередь перейти к преемнику молодым и здоровым. Весьма симптоматичен в этой связи тот признак одряхления, который решает участь правителя, а именно его неспособность сексуально удовлетворять своих многочисленных жен, другими словами, продолжить род. По мнению шиллуков, это означает, что царьку пришло время умереть и уступить место преемнику. Эта и другие причины, по которым правителя предают смерти, указывают на то, что плодородие людей, скота и посевов считалось находящимся в симпатической связи со способностью правителя производить на свет потомство. Упадок этой способности... в непродолжительный период может привести к полному исчезновению людей, а также животных и растительной жизни. Поэтому не приходится удивляться, что шиллуки делают все от них зависящее для того, чтобы вождь не умер естественной смертью — от старости или болезни» (Фрэзер 1986: 256–257).

Подобные представления о связи между здоровьем правителя и его магической силой существовали и у других народов. Правда, в раннегосударственных обществах ритуальное убийство правителя чаще встречалось в теории, чем на практике. Антропологи полагают, что там, где данный обычай существовал, он, скорее, использовался как повод для разрешения внутренних политических конфликтов (Анкол, Куба, Йоруба, Руанда). В других обществах возникает тенденция к

подмене правителя двойником. В Буганде для этих целей выбирался сын одного из высших жрецов, которого забивали без пролития крови. В Дагомее существовал еще более жестокий ритуал — ежегодно хоронили живого мальчика, одетого в царские одежды. Это была часть церемонии периодического восстановления магических сил правителя.

Вера в сверхъестественные способности царей была распространена не только в архаических, но и в традиционных обществах. Возможно, наиболее известным примером этого является популярное в средние века поверье, что французские короли обладают чудотворной способностью исцелять больных золотухой путем возложения на них своих рук. Вера в это чудо просуществовала вплоть до рубежа Нового времени. Считалось также, что подобным даром обладали и английские короли. Когда в 1649 г. низверженный английский король Карл I был казнен, появились слухи, что платки, смоченные в крови убиенного монарха, обладают тем же целительным свойством, что и его руки.

Этот сюжет был подробно рассмотрен М. Блоком в 1924 г. в книге «Короли-чудотворцы» (Блок 1998/1924). Отталкиваясь от врачевательных способностей королей, Блок перешел к более широкому кругу вопросов изучения сакральных функций монархической власти, а исходя из этого — к проблематике идеологических воззрений широких масс, ментальности средневекового общества.

В целом сакральный характер власти — типичная черта правителя предгосударственного и раннегосударственного общества. Нидерландский антрополог Х. Классен проделал кросскультурный анализ структуры 21 раннего государства и выявил, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 случаев он выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев имел статус верховного жреца (Claessen, Skalnik 1978: 556).

У многих архаических народов существовали представления, что правитель наделен сверхъестественными, харизматическими способностями, передаваемыми по наследству. В стране Луба в Африке считалось, что цари имеют *булонве* — особую субстанцию, содержащуюся в крови и дающую право на власть. В Полинезии общинники верили в

особую *ману* вождей. У монголов подобные качества ханов назывались *сульдэ*. Согласно скандинавскому эпосу, тело одного из наиболее удачливых норвежских конунгов после смерти было расчленено на четыре части и погребено в четырех главных областях страны. Это, по мнению жителей, должно было дать им обильные урожаи.

Нередко наследуемая волшебная власть связывалась с какими-либо магическими предметами (священными жезлами, одеждой, украшениями; кстати, именно отсюда развились представления о таких элементах монархической власти, как корона, мантия, скипетр, держава), переселением души, культом неземных духов (богов) или умерших ранее предков. У некоторых народов даже существует представление, что в момент смерти душа удаляется из рта умирающего и наследник обязан принять ее в свой рот. Только так магическая власть и способности покойного могут перейти к новому правителю.

Особенное значение имели обряды инаугурации (коронации), с магической точки зрения также предназначенные для передачи правителю сакрального статуса. В редких случаях этот статус наследовался претендентом до инаугурации (например, на Гавайях или на Таити).

Как правило, пышно обставленную церемонию сопровождали предварительные ритуалы очищения, в момент возведения в царское достоинство вручались символы верховной власти (корона, жезл, копьё и пр.), коронованный властитель, принимая роскошный, подобающий его статусу, титул или новое имя, нередко осуществлял массовые раздачи подарков подданным. У ряда народов церемония коронации сопровождалась человеческими жертвоприношениями (в Древнем Китае, Египте, у аштеков и инков, у йоруба, скифов, монголов, в Буганде, на Таити, Гавайях и т.д.).

Во многих кочевых империях Евразии обряд инаугурации проходил следующим образом. В Тюркском каганате вожди поднимали претендента на войлоке и девять раз обносили по солнцу вокруг ханской юрты. После этого его сажали на оседланную лошадь и стягивали горло шелковой тканью, спрашивая при этом, сколько лет он собирается править ханством. Схожие элементы были зафиксированы и в хазарском обряде коронации. «Когда хотят назначить этого хакана, его приводят и душат куском шелка, пока чуть не обрывается его дыхание, и говорят ему: сколько [лет] хочешь царствовать? Он отвечает: столько-то и столько-то лет». Систематизация этих данных показывает, что оче-

редность данной процедуры включала следующие этапы: 1) шаманы назначали благоприятный для инаугурации день; 2) все присутствующие на церемонии снимали шапки и развязывали пояса — это открывало границы для проникновения сверхъестественных сил; 3–4) будущего хана просили занять место на престоле, он символически отказывался в пользу более старших родственников, но его «силой» усаживали на трон; 5) все допущенные на курултай приносили ему присягу; 6) правителя поднимали на войлоке и 7) заставляли поклясться Небу царствовать справедливо; 8) правителю совершали девятикратное поклонение; 9) по выходу из шатра все совершали трехкратное поклонение Солнцу (Третьяков 1993; Скрынникова 1997).

Таким образом, обеспечение религиозного благополучия имело важное значение для нормального функционирования архаического общества, создавало психологически устойчивые, комфортные условия для существования непосредственных производителей. За выполнение сакральных обязанностей подданные брали на себя расходы по содержанию правителя и его окружения: снабжали продуктами питания, одеждой, изделиями ремесленников, строили дворцы и храмы, в которых предводитель мог бы заботиться о своих подданных и просить поддержки у богов и сверхъестественных сил. Постепенно складывалась система *взаимного обмена услугами*: одни обеспечивают покровительство богов, другие трудятся на процветание общества, третьи воюют и защищают сложившийся порядок. С появлением развитых форм религии возникли представления, обосновывающие неизбежность сложившегося разделения функций между социальными группами.

Истоки сакральной власти

Как и почему появились подобные представления? Это тесно связано с возникновением магии и обусловлено неразвитостью абстрактного рационального мышления архаического и традиционного человека.

Подробно об архаическом и традиционном сознании можно прочитать в работах: *Боас Ф.* Ум первобытного человека. М.—Л., 1926; *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976; *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976; *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *он же.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989; *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988; *Левин-Брюль Л.* Сверхъестественное в пер-

вобытном мышлении. М., 1994; Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998 и др.

Для мифологического сознания характерно то, что человек оперирует в мыслительном процессе не абстрактными понятиями, а конкретными образами, связанными с личным опытом, с какими-то конкретными ситуациями и ощущениями. Например, в языке ряда традиционных народов отсутствуют термины, обозначающие абстрактные числительные (один, два и т.д.), но в то же время имеются специальные слова для количественного названия конкретных предметов (одна рыба, две рыбы, много рыб, одна птица, две птицы и т.п.).

Поскольку мозг архаического человека не в состоянии установить причинно-следственные связи между событиями, он воспринимает их в целостной форме. В том случае, если комбинация событий получается удачной, человек пытается в дальнейшем их воспроизвести. Так, если перед удачной охотой один из охотников случайно нарисовал на стене пещеры изображение зверя, то это воспринимается как закономерное стечение обстоятельств. Возможно, в дальнейшем это может привести к появлению у данной группы особого, предшествующего охоте, обряда: охотники будут рисовать в пещере зверей и воспроизводить сцену охоты на них с копьями. Так складываются ритуалы и традиции.

Интересно, что схожим образом складываются ритуалы поведения и у животных. Этологи отмечают, что у многих из них привычка выполнять в определенной последовательности определенные действия ведет к образованию и закреплению стереотипа поведения, нарушение которого вызывает у животного панический страх (Лоренц 1994).

В то же время было бы несправедливо рассматривать данные механизмы поведения только как характерные для человека прошлых эпох. Аналогичное присуще и современному человеку. вспомните, как часто, чтобы не сглазить то или иное событие, мы прибегаем к определенным магическим процедурам, вроде тройного постукивания по дереву или выполнения ритуала трехкратного бросания шепотки просыпанной на скатерть соли через плечо, или меняем маршрут, когда нам дорогу перебежала черная кошка или попала женщина с пустыми ведрами, ждем неприятностей в пятницу 13-го.

Подобные суеверия весьма популярны у представителей тех профессий, которые сильно зависят от случайного стечения обстоятельств. Многие столетия моряки считали, что присутствие женщины на корабле приводит к несчастью. Солдаты убеждены, что в одну воронку снаряд два раза не попадает. Многие спортсмены перед соревнованиями тщательно выполняют те или иные ритуалы. Знаменитый вратарь московского «Спартака» и сборной Р. Дасаев всегда перед матчем клал в угол своих ворот пустую спортивную сумку, которая должна была ему принести удачу.

Элементы такого поведения особенно ярко проявляются у детей. Достаточно напомнить, например, ощущение опасности, с которым дети перешагивают через трещины в асфальте или щели между плитами на мостовой. Эту особенность детского поведения ярко обрисовал в одном из своих стихотворений А. Милн, автор любимой всеми нами книги о Винни-Пухе.

Как поддерживаются традиции? Через ритуализацию поведения, соблюдение определенных правил, которые, согласно обычаям, должны вернуть течение событий в нормальное русло. Уже отмечалась, что часто неосознанно мы выполняем подобные процедуры: три раза стучим по дереву, кидаем соль или плюем через левое плечо, чтобы не сглазить, и т.п. Традиционный человек выполнял многочисленные обряды, которые, с его точки зрения, должны были обеспечить благоприятный ход событий. В современных религиях также существует сложный комплекс ритуалов, которых должен придерживаться каждый верующий (молиться, следовать определенным заповедям, соблюдать посты и т.д.).

Исходя из этого понятна логика поведения правителей архаических обществ. Чтобы отвести от своего общества дурные последствия, он должен был соблюдать раз и навсегда установленные (в терминологии Вебера «всегда существовавшие») священные нормы, традиции и ритуалы. Согласно обычаям многих народов, благополучие подданных зависело от правильного выполнения королем возложенных обязанностей («правды короля»). Особое внимание нередко уделялось тому, чтобы король не имел физических недостатков.

В кельтском эпосе в саге о короле Конайре (Шкунаев 1989: 161–163) приводятся *гейсы* — перечень возложенных на пра-

вителя табу, исполнение которых будет способствовать процветанию общества. Любопытно привести их полностью.

«Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару справа налево.

Нельзя убивать тебе диких зверей Керны.

Каждую девятую ночь не можешь ты покидать предела Тары.

Нельзя проводить тебе ночь в таком доме, откуда наружу виднелся б огонь или свет был замечен оттуда.

Три Красных не должны пред тобою идти к дому Красного.

Не должен случиться грабеж при правлении твоём.

Да не войдут в твоё жилище после захода солнца одинокий мужчина или женщина.

Не должно тебе решать спор двух рабов».

Пока король Конайре соблюдал *гейсы*, его народу сопутствовала удача.

«Всего было вдоволь в стране при Конайре. Семь кораблей приплывали к Инбер Колбта каждый июнь, по колесу желудей было осенью, в реках Буас и Бойн вволю рыбы в июне, и не случалось ни одному ирландцу тогда погубить другого. Для каждого голос другого был ласков, словно мелодия арфы. От середины весны до половины осени не шевелил ветер хвосты скотины, и не бывало в то время бурь и иного ненастья».

О чем еще только можно было мечтать! Однако стоило королю нарушить несколько запретов, как божественная гармония сменилась неустойчивостью.

«Мир царил в Ирландии при Конайре, и лишь два Корп-ре решали свой спор оружием у Туадмуму. Были там два молоточных брата короля, но нельзя было их примирить, если бы не явился сам Конайре. Между тем запрещал ему гейс приходить, пока его не позвали. Ведь же пришел он и кончил ту ссору, а потом провел пять ночей с каждым из воинов и снова нарушил гейс.

Разрешив спор, отправился король к Таре. Ехал он туда мимо Уснеха, что в Миде, и вдруг предстали вокруг разрушения: на юге и севере, на востоке и на западе. Увидели король и его люди войска и отряды и обнаженных мужей, и пламенело небо окрест над всей землей О'Нейлов.

— Что это? — молвил Конайре.

— Ясно, что был тут нарушен закон короля, раз уж земля вся объята огнем, — отвечали ему».

Мир пришел в беспорядок, сменился хаосом.

«Никто иной, как демоны, окутали мир магическим туманом, ибо нарушил Конайре свои гейсы».

Символика власти

Подобные специфические свойства власти требуют особого к ней отношения. В архаических и традиционных обществах правитель почитается как сверхъестественное существо. С какой целью власть отделяет, ограничивает себя символами от остальных общественных групп? В политантропологической литературе распространена точка зрения, согласно которой символы предназначены для маркировки оппозиционных в политическом процессе групп, фиксации в культурно-ритуальной форме реальных политических связей и структур (Cohen A. 1969; Bourdieu 1977; Попов 1996).

В гл. 2 было показано, что иерархия является инструментальным средством создания структуры в сообществе. В момент создания группы численность внутренних конфликтов наиболее высока — особи выясняют «очередность клевания» и свой ранг в отношениях доминирования. После того как ранг каждого существа определен, количество конфликтов резко уменьшается. Таким образом, иерархия предотвращает конфликты и стабилизирует целостность группы. У животных взаимоотношения между зверями основаны на врожденной программе индивидуального распознавания образа особи. Человеческая культура создает специальные знаки, которые указывают на положение того или иного индивида в иерархии и предполагают, что другие лица будут к нему относиться в соответствии с существующими социальными нормами (отношениями господства по Веберу). Иными словами, символ — это не только инструмент дифференциации в обществе, но и важный механизм снижения конфликтов и установления стабилизации.

Символика власти многообразна. Появившись еще в первобытности, в эгалитарных и ранжированных обществах она имеет ярко выраженный половозрастной характер (пищевые табу, право на получение имени, татуировку, ношение оружия и т.д. только после инициации).

В сложных или комплексных обществах (т.е. вождествах, государственных образованиях и иных их аналогах) символика приобретает несколько иное значение. Она подчеркивает вертикальные связи. Людям приходится вступать в отноше-

ния с незнакомыми людьми, поэтому символы должны безошибочно указывать на социальную роль индивида (вождь и общинник, свободный и раб, рыцарь и крестьянин).

В простых вождествах эти отличия затрагивают в основном сферу ритуально-этикетной деятельности (вождь отличался во время обрядов одеждой, раскраской, прической и пр.). Вожди имели ряд преимуществ и полномочий, как правило, обладали большим, чем простые общинники, количеством жен. Но образ жизни вождей еще слабо отличался от образа жизни подданных. Они наравне со всеми (хотя и в меньших размерах) участвовали в непосредственном трудовом процессе, питались теми же продуктами, жили в таких же дискомфортных условиях.

В сложных вождествах отличия уже переносились и на обычную одежду (раскраска, прическа, татуировка, украшения, оружие, специфические знаки отличия, например жезлы и пр.), вожди становились обладателями большого количества престижных предметов потребления (раковины каури, пояса маро и т.д.). Появились специальные символы индивидуального статуса, в которых концентрировались магические свойства власти, позволяющие вызывать духов и изменять течение природных процессов. Отличия касались и материальной культуры: дом, а затем и усадьба вождя находились в центре поселения. Нередко он был крупнее и прочнее других построек.

В наиболее стратифицированных вождествах и ранних государствах существовал сложный этикет власти. Личность правителя стала священной. На этой стадии вожди и цари уже исключались из непосредственного производства и занимались исключительно управленческой, медиативной и церемониальной деятельностью. Они обрастали штатом помощников и администраторов, клиентами и слугами. Простые массы лишались доступа к правителю. Во многих обществах они должны были оказывать ему особые знаки почтения, часто им запрещалось обращаться к правителю без посредников (многие сложные вождества Африки, тлинкины). Нередко имя правителя табуировалось. Он мог появляться перед народом только на носилках (Ашанти, Бенин, Полинезия).

Апартаменты вождей и царьков выделялись большими размерами, планировкой и отделкой. Нередко их строили на спе-

циальных каменных фундаментах, обносили неприступным забором. Правители обладали значительными имущественными ценностями (сюда следует включить общественные накопления, распределение которых велось от имени вождей). Их питание значительно отличалось от питания простых людей количеством и разнообразием пищи, наличием особых табуированных продуктов (например, в ряде обществ Океании — свиньи, черепахи).

Королевская власть также создала свою атрибутику, в которую до сих пор включаются обязательные символы — корона, скипетр, держава и герб. Символом подчеркивания власти становится слово. Создаются особые языковые конструкции обращения к правителю: «ваше величество» (*your majesty*), «сир» и пр. В так называемых «высоких» (т.е. письменных) культурах элита отличалась от масс причастностью к грамотности (если не прямо, то опосредованно, через грамотеев, писцов), устная речь властвующего тиражировалась многочисленным отрядом писарей.

Среди прочих символов особое место занимают предметы, связанные с войной и военной деятельностью (мечи, копья, защитное вооружение, иконография). Важное значение в символике власти имеют хищные животные (кошачьи, вепрь и бык, волк, змея-дракон, хищные птицы). Они изображаются на оружии, различных предметах, связанных с властью, и должны подчеркивать силу, твердость, военное могущество, агрессивность и даже жестокость существующей власти (*Morris* 1998). Подобная символика присутствует и на современных гербах (британский лев, российский двуглавый орел и т.д.)

Не только правители, но и элита стремилась отделить себя от простых общинников особой знаковой символикой. Верхи постепенно монополизировали социально важные знания, передавая их только внутри элитной группы. В некоторых сложных вождествах для детей аристократии было создано некое подобие школ. В каждом обществе были выработаны свои критерии знатности. Символизировать статус человека могла его одежда или какие-либо знаки на ней, украшения, пояс, оружие, прическа, головной убор и многое другое. Немаловажную роль играли и физические отличия. У многих народов главным критерием, свидетельствующим о достатке че-

ловека, была его тучность (Московская Русь, Гавайи, Полинезия, Монголия и т.д.). В других обществах об этом говорили татуировка, цвет кожи, удлиненный деформированный череп и т.д.

Впрочем, все это — универсальные законы поведения, характерные для любых стадийных типов обществ. Современная культура мало чем отличается от культуры наших предков. Достаточно посмотреть на нынешнего «нового русского». Непременные атрибуты его статуса — малиновый пиджак, иномарка, золотые украшения, сотовый телефон, особый полукриминальный сленг, секретарша в шубе.

Одним из важнейших аспектов символизации власти является сакральное преобразование пространства. Пространство должно быть организовано так, чтобы подчеркивать дистанцию и тем самым различие в статусах между правителем и всеми остальными. Уже у обезьян вожак старается занять наиболее удобные и высокие места. Структурирование территории в сложных обществах приводит к расчленению пространства на две части — центр, где сосредоточены носители власти и ее влияние максимально, и периферийные участки, на которых воздействие власти по мере удаления убывает.

Такая ситуация была типична, например, для многих ранних государств Восточной Африки. Здесь прямой контроль власти распространялся часто только на центральные районы королевства, реальное влияние на периферийные территории было ограниченным. Большая часть дани и услуг оставалась на местах. Тем не менее правитель был священным символом, объединяющим весь социум, от его имени осуществлялась редистрибуция, организовывались хозяйственные, политические и идеологические мероприятия. У королевской власти не хватало сил на легитимное принуждение подданных, контроль обеспечивался посредством развития ритуального символического лидерства. По этой причине экономику раннегосударственных обществ правильнее было бы рассматривать как особую «моральную» систему (Claessen, van de Velde 1991).

Пространственные оппозиции фиксируются на всех уровнях: не только страна делится на столицу и провинции, но и столичный город — на центр, где сосредоточена резиденция правителя (замок, кремль, дворец), и обычные районы («по-

сад»), во дворце выделяется тронный зал, в тронном зале — трон. Трон, в свою очередь, обязательно ставится в таком месте, которое максимально удаленно от входа, и, как правило, находится на некотором возвышении.

Это согласуется с разработками археологов, которые давно пришли к выводу, что экономическая и политическая власть фиксируется в специфических культурных символах, которые могут быть отражены в археологических данных (особенно в иконографии, монументальном строительстве и архитектурной планировке) (Earle 1991). В этом плане представляется важным связать весьма плодотворную идею А. Саутхолла о символическо-ритуальной монополии элиты на воображаемые средства производства (Southall 1991) с попытками персонификации властью профанного (дворцы, замки, города), сакрального (храмы, святилища) и загробного («царские» курганы, усыпальницы, мавзолеи, наконец, пирамиды) пространства. Монументальные дворцовые, культовые и погребальные сооружения особым образом структурируют священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти. Фокусируя ландшафт «на себя», воплощая «максимальную сакральность» социума, монументальные памятники должны представить в опредмеченной форме политический контроль и претензии на право собственности на значимые ресурсы как при жизни, так и после смерти.

Вождь (царь) — фигура священная. Он отличен от простых смертных. Это предполагает, что он способен на такие формы поведения, которые недоступны его подданным. В некоторых архаических обществах Африки правитель имеет право на ритуальный или реальный инцест (Древний Египет, Куба, Межозерье), обрядовый каннибализм (йоруба). Символика власти требовала, чтобы в общении с ним подданные подчеркивали свою полную ничтожность. В Дагомее и Буганде во время аудиенции проситель должен был подползать к королю, иногда полностью обнаженным, посыпая свою голову и лицо пылью или грязью. На Таити и Тонга не разрешалось находиться в присутствии вождя с покрытыми плечами. У инков к императору полагалось подходить только босиком и с грузом на плечах.

Сакральный статус правителя вождества или раннего государства необходимо было оберегать от осквернения. Во многих обществах на правителя запрещалось смотреть, а иногда даже видеть его, дабы не сглазить. В некоторых обществах к нему не допускали больных, чтобы они не могли ослабить его харизму. В других с ним можно было общаться только через специального посредника. Согласно иной, не менее широко распространенной традиции, правитель не может касаться земли босыми ногами — прикосновение приведет к утере магических способностей. Поэтому его носили на специальных носилках, а у аканов один из соратников вождя всегда имел при себе запасные сандалии.

В ряде вождеств и ранних государств не полагалось присутствовать при приеме правителем пищи. В королевстве Лонго были убиты любимая собака и двенадцатилетний сын правителя, которые случайно застали его за трапезой. Посуда, из которой вождь или король принимал пищу, строго табуирована. Остатки недоеденной пищи, срезанные волосы, ногти, а также экскременты тайно уничтожались в соответствии со специальным ритуалом, чтобы не стали достоянием колдунов, которые могут своими магическими чарами навести порчу на правителя. Некоторые ритуалы и церемонии (например, обряды коронации или похорон) сопровождалась человеческими жертвоприношениями.

С уходом из жизни правителя общество лишалось своего покровителя, заступника перед богами. Нарушался привычный порядок сакральных процессов, наступал структурный хаос. В стране объявлялся траур. Для возвращения бытия в нормальное состояние были необходимы специальные обряды. В некоторых обществах смерть правителя вызывала ритуальную анархию (Анкол, Вольга, Гавайи и др.). На Таити молодежь под предводительством жрецов совершала запрещенные, табуированные поступки. На Тонга разворачивались инсценированные сражения между слугами покойного вождя и плакальщиками.

Смерть правителя могла вызвать и серьезные социальные последствия. В стране могла возникнуть смута из-за дележа престолонаследия. Могли поднять голову вчерашние вассалы и данники. Наконец, удачно сложившейся ситуацией могли

попытаются воспользоваться соседние страны. Многие вождества и ранние государства не выдерживали подобных потрясений.

Похороны правителя производились с особенной пышностью. Для его пребывания в ином мире возводился монументальный погребальный комплекс (гробница, мавзолей, пирамида, курган и т.д.), на сооружение которого нередко требовались большие материальные и человеческие затраты. Во время траурной церемонии в могилу вместе с роскошно украшенным гробом опускался богатый инвентарь: одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, импортные товары — словом, все, что могло понадобиться покойному на том свете. Траурная церемония заканчивалась, как правило, пышной ритуальной трапезой с принесением жертв богам, душе умершего, будущему правителю и пр.

Во многих сложных обществах обряд похорон сопровождался человеческими жертвоприношениями (у алеутов, ашантийцев, галлов, германцев, кельтов, маори, монголов, полинезийцев, скифов, в Древнем Египте и Китае, в средневековой Норвегии и Японии и т.д.), нередко весьма кровавыми. В Дагмее, например, для усопшего правителя гроб изготавливался из глины, замешанной на человеческой крови.

Напрашивается вопрос: может ли такое общество считаться деспотическим? При всем внешнем подобии ответ должен учитывать одно важное обстоятельство: правитель обладает столь высоким статусом только потому, что он обеспечивает ход природных процессов так, чтобы они приносили удачу его подданным. Он — бог или посредник между богами и людьми. Поэтому люди относятся к нему как к богу, окружают заботами и почестями, преклоняются перед ним. Однако это преклонение продиктовано стремлением подданных оградить общество от злых чар потусторонних сил.

«Правитель живет опутанный сетями детально разработанного этикета, запретов и предписаний, цель которых состоит не в охране его достоинства и тем более благополучия, а в удержании его от совершения поступков, которые, нарушая гармонию природы, могли бы свергнуть его самого, народ и весь мир во всеобщую катастрофу. Эти предписания, регламентирующие каждый его поступок, не только не способствуют удобству, но, напротив, донельзя стесняют его свободу и

часто превращают саму жизнь его, которую они имеют своей целью сохранять, в тягостное бремя» (Фрезер 1986: 168).

Как только правитель перестанет справляться со своими обязанностями, его изгонят или предадут смерти. Забота о возвращении течения событий в нормальное русло будет возложена на его преемника.

Правитель архаического общества никогда не управлял единолично. Его всегда окружали многочисленные родственники и жены, вожди и старейшины подчиненных владений, военачальники и лично преданные воины, придворные и слуги. Как правило, на них было возложено выполнение большинства практических задач по управлению вожеством или государством. В ряде обществ правитель вообще был отстранен от реальной политической власти. Считалось, что уже своим существованием он поддерживает божественный порядок в гармонии (Япония, Хазарский каганат, Бенин, Непал).

В отсутствие реальных механизмов интеграции, контроля и принуждения больших масс людей персону сакрального правителя выполняла важные консолидирующие и организационные функции. Она была не только ключевым психологическим механизмом идеологии зарождающегося государственного общества, но и важным, объединяющим весь социум, символом. С течением времени, когда сформировалась государственная система, появились более действенные механизмы для предотвращения раскола общества (армия, полиция, суд, тюрьма и пр.). Необходимость в «сакральном правителе» отпала. Однако остались почтение, таинственный церемониал и символика власти, значимость которых смутно интуитивно осознавалась, но функциональный смысл уже был утрачен (Claessen 1986).

Вопросы для контроля

1. Что такое «власть» и «господство»?
2. Назовите основные черты традиционной системы господства.
3. Чем доиндустриальные общества отличаются от индустриальных?
4. С помощью каких каналов можно достичь власти?
5. Какую роль в обществе играет символика власти?

Как радует глаз эта четкая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и наконец король. Как все продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему еще меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира?

Глава 4

ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ

1. ЭГАЛИТАРНЫЕ И НЕЭГАЛИТАРНЫЕ ОБЩЕСТВА

Многочисленные исследования этнографов-антропологов показали, что господствовавшие в эпоху Нового времени представления о первобытности (идея Т. Гоббса «войны всех против всех» или миф Ж.-Ж. Руссо о «золотом веке» свободного дикаря) являются умозрительными абстрактными схемами, не имеющими под собой реальной почвы. Любому человеческому обществу присущи свои механизмы общественного контроля и власти. Существуют разные теории эволюции систем лидерства и власти в доиндустриальных обществах.

В гл. 1 уже говорилось о популярной на Западе схеме эволюции политических форм Э. Сервиса, которая включает пять следующих типов общества: локальная группа, община, вожество, архаическое государство и государство-нация. Однако далеко не все зарубежные исследователи разделяют взгляды Сервиса. Имеется несколько менее модная концепция М. Фрида, выделившего стадии эгалитарного, ранжированного, стратифицированного и государственного общества. Некоторые авторы полагают, что формы политической организации архаических обществ были намного разнообразнее и уверенно можно говорить только о разделении на эгалитарные и иерархические общества. Наконец, немалая часть зару-

бежных исследователей вообще скептически относятся к возможности создания универсальных типологий.

В нашей стране было принято делить первобытные общества на раннепервобытные (охотники, собиратели, рыболовы), позднепервобытные (ранние земледельцы и скотоводы и ряд высокоразвитых рыболовов) и предклассовые. В наиболее полном виде эта концепция отечественных авторов изложена в трехтомнике «История первобытного общества» (М., 1983—1988).

Что касается послепервобытных обществ, то здесь между отечественными исследователями единства не было. Официальная советская наука выделяла четыре типа государства: рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое. Сторонники азиатского способа производства добавляли пятый тип и располагали его между рабовладением и феодализмом. Ряд ученых объединяли все докапиталистические послепервобытные общества в единую стадию. И лишь немногие, развивая многолинейную интерпретацию всемирной истории, писали о параллельной эволюции нескольких типов обществ.

Охотники-собиратели

Самые простые формы общества были характерны для охотников-собирателей. Как правило, это были группы численностью в несколько десятков человек, которые вели преимущественно подвижный способ существования в пределах определенной территории, сосредоточиваясь вокруг зоны расположения ресурсов. Их основу составляли неустойчивые парные семьи. Вся деятельность внутри данных групп осуществлялась обычно в рамках семьи на основе половозрастного разделения труда: мужчины занимались охотой и рыболовством, женщины — собирательством и ведением домашнего хозяйства, старики — обучением детей.

Система расселения зависела от характера концентрации ресурсов и внешней опасности. В одних случаях семьи могли проживать отдельно, периодически собираясь для решения совместных вопросов (распределение территорий, совместные обряды и т.д.), в других члены группы могли проживать совместно на общей стоянке. Некоторые формы деятельности предполагали кооперацию семей и временное руковод-

ство (например, загонная охота). Ряд дефицитных материалов (соль, обсидиан и т.д.) могли стать объектами торговли на больших расстояниях. Благодаря эпизодической кооперации, бракам, периодически совместно проводимым праздникам и ритуалам, обмену ресурсами, продуктами и изделиями складывались сети взаимных обязательств между семьями и группами.

Никаких формальных органов принуждения и контроля в таком обществе не существовало. Во главе группы из некоторого количества семей мог находиться наиболее опытный или умелый из ее членов, пользующийся авторитетом.

Типичным примером данного типа лидерства был предводитель эскимосов-нетсиликов в Американской Арктике *инхуаматак*, что в переводе означало «тот, кто думает». Инхуаматак руководил коллективными рыбалками и охотами на тюленей и оленей-карибу. Он также назначал время и маршруты кочевков, определял места сезонных стоянок. Его жена часто выступала в качестве распределителя добычи между семьями. Однако все решения инхуаматак принимал после длительных согласований со всеми взрослыми мужчинами. Из-за отсутствия сколько-нибудь действенных механизмов формального контроля он стремился достичь максимального согласия среди всех членов группы. Его влияние было наиболее сильным на молодежь и близких родственников (*Файнберг* 1986: 219—220). Более подробные сведения о данном типе лидерства можно почерпнуть из многих работ, приведенных в списке литературы (*Service* 1962, 1963; *Sahlins* 1968; *Аверкueva* 1974; *Mair* 1977; *Кабо* 1986; *Артемова* 1987, 1991, 1993; *Johnson, Earle* 1987 и др.).

Нередко на предводителя возлагались функции проведения ритуалов и колдовства. Иногда бремя лидерства могли брать на себя шаманы. Гораздо реже общества охотников и собирателей могли возглавляться формальным, иногда наследственным лидером (например, у яруро Венесуэлы, аборигенов Западной Виктории в Австралии). Но и в этом случае, если наследник не обладал необходимыми для предводительства качествами, главой группы избирался более подходящий кандидат.

При низкой плотности населения степень развития конкуренции между отдельными индивидами и группами бывает относительно невысокой. Однако, когда численность населения возрастает и конкуренция за ресурсы увеличивается, уси-

ливаются трения между отдельными индивидами и учащаются столкновения между группами, обусловленные прежде всего территориальными разногласиями, мстью за убийство или обиды, умыканием женщин.

Внутренние ссоры разрешались разными способами: как самостоятельно, без вмешательства третьих лиц, так и путем вовлечения в решение конфликта более авторитетных членов коллектива. К лицу, проявлявшему излишнюю агрессивность либо нарушавшему сложившиеся нормы, могли быть приняты различные меры воздействия: порицание, насмешки, поддразнивание. У эскимосов, например, вору давали новое имя по названию похищенной вещи. Физическое воздействие также теоретически могло быть одним из методов наказания, хотя доисторические коллективы стремились гасить возможные конфликты, чтобы воспрепятствовать распаду группы. В самом крайнем случае провинившегося изгоняли из группы.

Исследования последних десятилетий показали значительную вариативность политической сложности локальных групп. Одни из них действительно отличались эгалитарной социальной организацией, равенством всех его членов (африканские бушмены, хадза). Для других, например аборигенов Австралии, было характерно сосредоточение лидерства в руках взрослых мужчин, развитие внутреннего половозрастного неравенства, наличие у взрослых мужчин монополии на информацию. Впрочем, даже в рамках одной общей модели могли существовать различные модификации. У тех же австралийских аборигенов периодически встречались лица с яркими лидерскими качествами, добившиеся беспрекословного подчинения своих сородичей. Следствием этого могли быть определенные изменения в структуре общины, активизация набегов на соседней, пренебрежение традиционными нормами. Однако после смерти подобного лица нередко все возвращалось на круги своя (Артемова 1987, 1991, 1993).

Оседлые рыболовы

Из обществ с присваивающей экономикой особое место занимают высокоспециализированные оседлые рыболовы и охотники на морских животных. В ряде случаев они имели настолько стабильные источники существования (например, лососевых рыб),

что это позволяло создавать сложную, неэгалитарную организацию с развитым статусным неравенством и наследственной властью вождя (индейцы Северо-Западного побережья Америки — квакиютли, тлинкиты, оседлые рыболовы Флориды, население перуанского побережья, предки остяков Западной Сибири и пр.).

Археологическими раскопками и этнографическими исследованиями этих обществ зафиксированы развитая дифференциация, иерархия поселений, крупномасштабное строительство (ритуальные насыпи и святилища, элитные курганы, укрепленные резиденции вождя и пр.), появление специализированных ремесленников, обслуживающих знать, наличие пышного церемониала. Мортон Фрид относил подобные общества к «ранжированным». Иногда столь высоко развитую социальную организацию можно было создать на основе высокоэффективного собирательства. Таковы, например, собиратели саго Новой Гвинеи. Дикое саго высокоурожайно, и за сравнительно небольшое время можно было создать большой запас продуктов.

Более подробно вопрос об особенностях социальной организации обществ с развитым присваивающим хозяйством рассматривается в следующих работах на русском языке: Шнирельман В.А. Собиратели саго // Вопросы истории. 1983. № 11; он же. «Неолитическая революция» и неравномерность исторического развития // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986; он же. Рыболовы Камчатки // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993 (см. также Шнирельман 1986); Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральном Андах: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998 (там же приведена подробная библиография работ автора).

2. РАНЖИРОВАННЫЕ ОБЩЕСТВА

«Неолитическая революция»

Политическая организация усложняется с переходом к оседлости и производящему хозяйству (земледелию и животноводству). В археологии данное явление нередко называют «неолитической революцией» — данный термин был

предложен британским археологом Виром Гордоном Чайлдом (1892–1957).

В археологии *неолит* (новый каменный век) традиционно выделялся на основе двух главных критериев: техники шлифования камня и наличия керамики. Чайлд пришел к выводу, что появление неолитических культур на древнейшем Ближнем Востоке сопровождалось переходом людей к земледельческо-животноводческому хозяйству.

Согласно Чайлду, появление производящего хозяйства сопровождалось ростом производительности труда и увеличением объемов производимых людьми продуктов. В результате развивалась оседлость и возникали новые компактные типы поселений, увеличивались численность и плотность населения и, следовательно, конфликты и столкновения, появлялось ремесло (гончарство, ткачество), усложнялась социальная организация и система управления. Данным процессам сопутствовали изменения в отношении собственности, в идеологических представлениях архаических земледельцев. Все эти инновации имели для человечества кардинальный, революционный характер.

Известны несколько основных центров зарождения первоначального земледелия: Восточное Средиземноморье (зона так называемого «благодатного полумесяца»), Юго-Восточная Азия, Мезоамерика, Андский регион.

Подробно о концепции «неолитической революции» и переходе к производящему хозяйству можно прочитать на русском языке в следующих работах: *Шнирельман В.А.* Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. М., 1987; *он же.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989; *он же.* Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестник древней истории. 1989. № 1.

В настоящее время большинство исследователей отмечают, что данные преобразования имели скорее эволюционный, чем революционный, характер. Последствия перехода к производящему хозяйству не были столь однозначными (более тяжелый труд, ухудшение питания, появление заразных болезней и эпидемий и пр.). Во многих регионах мира неолитическое население продолжало заниматься охотой, собирательством и рыболовством, тогда как на Ближнем Востоке были

обнаружены очаги производящей экономики еще до изобретения гончарства (так называемый «докерамический неолит»). Наконец, в ряде мест было обнаружено, что керамика вообще была изобретена в *палеолите* (древнекаменном веке).

Возможно, такова судьба любой концепции. Под давлением новых фактов старые схемы рушатся и уступают место новым, более гибким построениям. Тем не менее в главном Г. Чайлд оказался прав — переход к производящему хозяйству стал важной, революционной вехой в истории человеческой цивилизации. С этого времени раннепервобытные локальные группы сменили устойчивые, оседлые формы общины, численность которых составляла от многих десятков до нескольких тысяч человек. В ряде благоприятных для ведения производящего хозяйства мест возникают крупные протогородские центры (Иерихон, Чатал-Хююк и др.). Внутри общин усилилось неравенство, возникли возрастные статусы, имущественная и социальная дифференциация, появились зачатки власти старейшин. На основе родственных, брачных, экономических, культурных, идеологических и других принципов общины объединялись в неустойчивые надобщинные образования (в том числе в племена).

Лидерство

Археологические критерии (различия в размерах жилищ и находках, дифференциация захоронений по обряду и инвентарю, появление предметов, символизирующих власть, и пр.) свидетельствуют о появлении на данной стадии социальной эволюции неравенства, сложной системы общественных статусов. К сожалению, археология мало что может сказать о конкретных формах лидерства. Однако по этнографическим материалам можно представить, каким мог быть лидер данного времени.

Для ранних и развитых земледельческих обществ характерен широкий спектр форм политического лидерства (*Sahlins* 1963). На одном полюсе — лица, которые обладали только индивидуальным авторитетом и могли лишь эпизодически влиять на поступки соплеменников. Их лидерство обеспечивали различные личные качества: физическая сила, агрессивность, хозяйственные и организационные навыки, способность урегулировать конфликты, умение убедить сородичей, везение, владение тем или иным редким ремеслом, военные заслуги и т.д.

В разных обществах значимость этих качеств была неодинаковой. Даже в пределах одного региона можно обнаружить сильные вариации. Так, в Новой Гвинее в одних обществах лидерами становились наиболее авторитетные воины, в других — лучшие земледельцы, в третьих — наиболее искусные ораторы и др. В целом функции предводителей этого типа примерно сопоставимы с обязанностями лидеров обществ охотников-собирателей.

Одним из примеров подобного предводительства является вождь у индейцев-намбиквара Юго-Западной Бразилии. Намбиквара чередуют охоту и собирательство с подсечно-огневым земледелием. Термин, обозначающий предводителя, переводится с их языка как «тот, кто объединяет». Лидер руководит охотой, рыбной ловлей, сельскохозяйственными работами, строительством сезонных поселков. Его позиции основываются на личном авторитете. Но если предводитель является плохим организатором, недовольство членов группы постепенно растет, и семьи одна за одной покидают его деревню (*Леви-Стросс* 1984). Еще один пример — «вождь в леопардовой шкуре» скотоводов-нузров, живущих в верховьях Нила. Его реальное положение мало чем отличается от положения других общинников. Единственное, что внешне выделяет его, — знаменитая леопардовая шкура. Статус вождя связан с выполнением посреднических функций при урегулировании конфликтов между представителями различных родственных групп. Его задача — убедить враждующие стороны не устраивать кровную вражду, а ограничиться выкупом. Однако никакой реальной власти у вождя нет. Поэтому ему приходится прибегать к уговорам или к угрозам применить свои магические способности. Иногда вождю не остается ничего иного, как бегать между шеренгами противостоящих воинов и совершать ритуальные действия, вскапывая мотыгой землю. Впрочем, и эта мера оказывается действенной, как правило, только в пределах племени и его подразделов. В межплеменных делах они не пользуются высоким авторитетом (*Эванс-Причард* 1985).

На противоположном полюсе — крупные общины оседлых земледельцев, состоящие из отдельных домохозяйств, линджей и т.д. Их возглавляли наиболее авторитетные представители общинных ячеек (отцы семейств, главы рода, бигмены и пр.). Из данных лиц на уровне всей общины появляются влиятельные лидеры. Они были организаторами общественных работ (коллективной охоты, рыбалки, сельскохозяйственного труда, строительства различных сооружений), руководили распределением территории и добычи, представляли свои

группы в межобщинных отношениях, выполняли религиозные ритуалы, возглавляли военные походы и занимались урегулированием внутренних споров. Однако, как и у охотников-собирателей, власть раннеземледельческих предводителей основывалась исключительно на личных качествах, возрасте и авторитете, умении убедить и подчинить всех членов группы. Впрочем, антропологам известны случаи, когда лидеры общин земледельцев (например, у воинственных яномама в Южной Америке или у папуасов-таирора в Новой Гвинее) добивались подчинения от своих подданных путем физической расправы.

Бигмен Наиболее интересным примером лидерства в раннеземледельческих обществах является институт бигмена (от англ. *bigman*), который изучен преимущественно по этнографическим данным Меланезии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки (*Sahlins* 1963; *van Bakel, Hagesteijn, van de Velde* 1981; *Treide, Treide* 1982; *Treide B.* 1985–1990; *Brown* 1990).

Для более глубокого изучения данного феномена можно воспользоваться, например, недавно переведенной на русский язык книгой известного американского антрополога Маршалла Салинза «*Экономика каменного века*» (*Sahlins* 1972; *Салинз* 1999). В этой работе развиваются его ранние идеи о типах политического лидерства в архаических обществах. Кроме того, в *Приложении В* данной книги собрано много выдержек из различных этнографических произведений, в которых приведены красочные характеристики различных меланезийских бигменов.

Принципиальное отличие власти бигменов от власти вождей — это ненаследуемый характер их общественного статуса. Бигменами становились, как правило, наиболее инициативные люди, которые выделялись своими разнообразными способностями, обладали физической силой и отличались трудолюбием, были хорошими организаторами и могли улаживать конфликты. Они были храбрыми воинами и убедительными ораторами, некоторым из них приписывали даже особые магические способности, умение колдовать. Благодаря всему этому, непосредственно участвуя в производственном процессе, бигмены увеличивали богатство своих семей и общинных групп. Однако накопление богатства не вело автоматически к повышению социальных позиций.

Источник высокого статуса бигмена — это его престиж, связанный с организацией массовых пиршеств и раздач. Это позволяло ему создавать сеть зависимых лиц, что дополнительно способствовало его преуспеванию. Однако влияние бигмена не было стабильным и полностью зависело от его способностей поддерживать клиентные связи с соплеменниками и требовать возвращения долгов, от его умения подчинить амбиции членов группы своим собственным интересам.

Чтобы преуспеть, бигмен вынужден много и интенсивно трудиться. «Его руки постоянно в земле, а со лба то и дело стекают капли пота» (цит. по: Салинз 1999: 130). Полигиния (многоженство), привлечение младших родственников и зависимых клиентов являются дополнительными средствами увеличения производительности.

Положение бигмена нестабильно. Он постоянно находится под угрозой потери своих приверженцев. Он вынужден демонстрировать свой высокий статус, тратить значительные средства на организацию коллективных церемоний и пиров, раздавать своим соплеменникам подарки. У меланезийских лезу «богач заплатит пять *тсера* за свинью, которую другой купил бы за четыре. Чем выше престиж человека, тем он больше платит» (цит. по: Салинз 1999: 225). Ну чем не новый русский из анекдота последнего десятилетия XX в. Однако в отличие от нового русского

«бигмен копит не для того, чтобы использовать для одного себя, а для того, чтобы раздавать это богатство. Каждое важное событие в жизни человека — свадьба, рождение, смерть и даже постройка нового дома или каноэ — отмечается пиршеством, и чем больше пиршеств устраивает человек, с чем большей щедростью выставляет он угощения, тем выше его престиж» (цит. по: Салинз 1999: 225).

Во многих обществах бигмены символизировали политическое единство общины и нередко представляли экономические интересы своей группы во взаимоотношениях с другими коллективами. Они вступали в соперничество с бигменами других общин и, демонстрируя свою большую щедрость, становились неформальными лидерами более крупных территориальных объединений.

Таким образом, модель бигмена демонстрирует, как массовые раздачи повышали престиж и авторитет организатора

церемоний, привлекали к нему сторонников и последователей. Однако политическая власть и статус бигмена были персональны (т.е. не могли передаваться по наследству) и нестабильны, поскольку зависели исключительно от личных качеств кандидата, его способности обеспечивать свое престижное положение посредством раздачи массовых подарков и случайного стечения обстоятельств. Кроме того, слабость политических позиций бигмена заключалась в том, что он, как правило, не был единственным претендентом на лидерство и находился в постоянной конкуренции с другими бигменами. Это мешало закреплению высокого статуса и передаче руководства по наследству. До тех пор пока доступ к основным ресурсам оставался более или менее равным и редистрибутивные отношения не получали преобладания над реципрокацией, лица с высоким личным статусом не имели возможности наследственно закрепить свои социальные позиции.

Племя Понятие племени — одно из самых неопределенных в антропологической науке. Его можно трактовать двояко: как один из типов *этнических* общностей на ранних этапах исторического процесса или как специфическую форму *социальной* организации и структуры управления, характерную для первобытности (см.: Бромлей 1982). В политантропологическом ракурсе важен второй подход к этому термину.

Характеризуя племенной уровень политической интеграции, Сервис (*Service* 1962) акцентирует внимание на том, что это — надобщинная политическая структура. Каждый сегмент племенной организации (община, линидж, патронимия и т.д.) экономически независим. Лидерство в племенах, как и в локальных группах, является личным. Оно основано исключительно на индивидуальных способностях и не предполагает каких-либо формализованных должностей. Однако в племенах существует определенный механизм урегулирования конфликтов путем посредничества, ограничения агрессивности противостоящих сторон. Данные функции могут быть возложены как на племенные сегменты, так и на их представителей или наиболее авторитетных лиц.

В специальной литературе нередко говорят о двух и даже более (*Eisenstadt* 1959) исторических формах племенной орга-

низации. Более ранние архаические племена представляли собой аморфные, не имеющие четких структурных границ и общего руководства совокупности сегментов различных таксономических уровней. Они объединялись отношениями реального и фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общее название, систему ритуалов и церемоний, возможно, собственный языковой диалект. Для их обозначения (имея в виду в первую очередь их территориальную этническую близость) используют термины «соплеменность», «максимальная община», «скопление локальных групп», «первичное племя», «децентрализованное племя», «сегментарное племя» и т.д.

Быть может, одна из наиболее удачных характеристик такой формы социальной организации была дана Эвансом-Причардом (1985) при исследовании нузров Восточной Африки. К трем классическим признакам племени (общее название, общая территория и общее самосознание) Эванс-Причард добавил еще два: моральное обязательство *улаживать вражду* внутри племени путем посредничества и моральное обязательство *объединяться* в войне против других племен и народов. Численность племен у нузров колеблется в пределах от 10 тыс. до 40–50 тыс. человек. В соответствии с генеалогией старшинства все племена разбиты на два или три подраздела, которые в свою очередь дробятся на более мелкие подразделения вплоть до отдельных деревень. Фракции организовывались на основе сегментарной оппозиции линиджей, кланов и племен, в результате чего индивид в конфликте поддерживался более близкими по родству группами против дальних родственников. Однако компания родных братьев могла быть в оппозиции к своим двоюродным родственникам в семейных ссорах, но, как правило, они все объединялись в конфликтах с чужаками. В случае вторжения другого племени все линиджи и кланы могли объединиться вместе, чтобы противостоять противнику сообща. Никаких общеплеменных органов управления не существовало. Единственная политическая фигура — «вождь в леопардовой шкуре», выполняющий при конфликтах функции посредничества.

«Вторичная» форма племени как политически более интегрированная структура имела зародышевые органы общеплеменной власти: народное собрание, совет старейшин и военных и/или гражданских вождей. В несколько идеализированном виде подобный тип общества был обрисован Льюисом Морганом на примере ирокезов в его книгах «Лига ходеносауни, или ирокезов»

(1851; рус. пер. 1983) и «Древнее общество» (1877; рус. пер. 1934). Морган выделил следующие признаки ирокезского племени: единые территория, название, диалект языка, верования и культуры, право утверждать и смещать мирных вождей — сахемов, военачальников и прочих. Племена делились на две экзогамные группы — *фратрии*, последние состояли из родов и более мелких структурных подразделений. Всего было пять племен ирокезов. Они могли выставить в совокупности 2200 воинов.

В племенной совет входили вожди родов, военачальники, пожилые женщины. Все заседания проходили публично, в присутствии взрослых членов племени. На совете решались споры между родовыми подразделениями, объявлялись войны и заключались мирные соглашения, урегулировались отношения с соседями, выбирались вожди. Кандидатуру на должность *сахема* из числа пожилых воинов, отличившихся в войнах и обладавших репутацией щедрых и мудрых, предлагала самая старшая женщина. Однако кандидатом мог быть только представитель одной и той же *овачиры* — экзогамного матрилинейного подразделения рода. После утверждения на племенном совете и на совете конфедерации *сахем* получал символ своей власти — рога. Если он не справлялся со своими обязанностями, то ему «обламывали рога» — лишали священного статуса.

Племена объединялись в лигу, управляемую высшим органом — советом. На его заседаниях, которые также проходили публично, решались военные и гражданские вопросы, проводились траурные обряды, избирались новые вожди, производились религиозные церемонии и праздники. Любой ирокез мог высказывать свою точку зрения. Однако решения мог принимать только совет. В его состав входили 50 *сахемов* и их помощники, два военачальника, вожди Сосны. Число *сахемов*, выдвигаемых от племен, не было одинаковым. Самое старшее по генеалогии племя ошондачей имело в совете 14 *сахемов*, только из них выбирался верховный вождь конфедерации. Военачальники избирались из племени сенека, а вожди Сосны — из числа простых ирокезов в соответствии с их личными заслугами, и все они были выразителями интересов основной массы населения (Аверкиева 1974: 171–250).

Этнографическими примерами «вторичных» племен могут также считаться многие из обществ кочевников-скотоводов Северной Африки и Евразии (арабы, туареги, пуштуны и др.). Эти племена делились на отдельные роды (кланы), которые в свою очередь дробились на более мелкие родственные подразделения вплоть до небольших общин или домохозяйств. Племенные вожди, как правило, избирались из одного и того

же рода. В обязанности вождей могли входить следующие задачи: организация военных походов и распределение добычи, руководство кочевками, разрешение споров по поводу территорий, угона скота, нарушения обычаев, членовредительства и убийства и пр. У одних номадов (белуджи, туареги) вожди занимались отправлением всех функций, у других могло быть, например, разделение вождей на гражданских и военных (бедуины). Но власть вождей была невелика и также зависела от интересов отдельных родов. Предводители не обладали иной возможностью воздействия на соплеменников, кроме как силой собственного убеждения, авторитетом или, наконец, угрозами применения своих магических способностей. Наконец, несогласные всегда могли покинуть чересчур жестокого или неудачливого вождя.

Начиная с 60-х годов XX в. взгляд на племя как на универсальный институт первобытной эпохи был подвергнут критике в западной антропологии. В настоящее время большинство зарубежных исследователей придерживаются точки зрения Мортон Фрида, согласно которой племена возникали только как следствие внешнего давления развитых государственных обществ на безгосударственные и такая форма социальной организации имеет исключительно *вторичный* характер. В соответствии с данным мнением, «племя» не включается в обязательный перечень форм перехода политической организации от локальных групп к государственности (Fried 1967, 1975). Не без влияния Фрида Сервис исключил племя из своей типологии уровней политической интеграции (Service 1962/1971, 1963, 1975).

В связи с этим важно показать, чем идеальная модель племени отличается от модели вожества. Племенное общество является менее сложной формой управления и власти, чем вожество. В вожестве народ отстранен от управления, тогда как в племенном обществе народное собрание наряду с советом старейшин и институтом вождей является важным инструментом выработки и принятия решений. В вожестве существует иерархия власти, социальная стратификация, редистрибутивная система, получает развитие культ вождей. Племя характеризуется больше декларируемой, чем реальная иерархия, более эгалитарной социальной структурой, отсут-

ствием редистрибутивной системы, институт вождей начинает только складываться.

А. В. Коротаев полагает, что не следует отказываться от использования термина «племя» при характеристике определенных форм социально-политической организации. Более того, его собственные исследования показывают, что процесс социальной эволюции не обязательно происходил по линии нарастания структурной сложности (от локальных групп к вожеству минуя племя). В ряде обществ более централизованная политическая система (вожество, государство) могла сменяться менее структурированной (племя).

В начале I тыс. до н.э. в Северо-Восточном Йемене сложились предпосылки для создания государственности. Однако примерно с середины I тыс. до н.э. меняется вектор политического развития. К началу новой эры формируется трехуровневая политическая система, состоящая из слабого государства в центре и вожеств на периферии. Со второй половины I тыс. под давлением природных и ряда иных факторов эгалитаризационные процессы еще более нарастают, и постепенно система вожеств трансформируется в разветвленную племенную организацию. Данные изменения нельзя считать регрессом, поскольку они сопровождалась ростом товарно-денежных отношений, развитием частной собственности, письменного права (Korotayev 1995, 1996; Korotayev 1996, 1997, 1998, 1998a).

3. ВОЖЕСТВО И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ

История концепции

Теория вожества (от англ. *chiefdom*) принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неозволюционистской схемы уровней социальной интеграции вожество занимает среднюю ступень и понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами (Sahlins 1968; Service 1962/1971, 1975; Adams 1975; Carneiro 1981; Claessen, Skalnik 1978, 1991; Johnson, Earle 1987; Earle 1991, 1997 и др.).

Увеличение размеров горизонтально организованной неиерархической надлокальной социальной системы возможно

до определенного порога. При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, т.е. сформировать такую надобщинную структуру управления, как вождество. В этом смысле появление вождеств сопоставимо со столь важными скачками в человеческой истории, как «неолитическая», «городская» и «индустриальная» революции, и данный процесс можно обозначить как *управленческую революцию*. Р. Карнейро не без оснований заметил, что появление вождеств стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин. Это был принципиальный шаг в эволюции социальной организации, и последующее возникновение государства и империи привело лишь к количественным изменениям (Carneiro 1981: 38).

Наиболее фундаментальные стороны теории вождеств были сформулированы в трудах Э. Сервиса (Service 1962/1971, 1963, 1975) и М. Салинза (Sahlins 1968, 1972; Салинз 1999). История открытия и последующего развития теории вождества была подробно освещена в зарубежной (Earle 1987) и по мотивам западных работ в отечественной (Васильев 1980, 1981; Крадин 1995) литературе. В настоящее время зарубежные исследования существенно обогатили фактологическую базу новыми археологическими и этнологическими материалами из Северной и Южной Америки, Африки, Европы, Океании, значительно расширили теоретические представления об экономическом базисе вождеств, их социальной иерархии, структуре управления, идеологии, типологических вариациях и этапах развития вождеств и пр. Опубликовано несколько обобщающих книг, систематизирующих данные из различных регионов мира (Drennan, Uribe 1987; Earle 1991, 2002; Redmond 1998; Mcintosh 1999).

У марксистских исследователей концепция вождества до рубежа 70–80-х годов XX в. не получила существенного отклика. Долгое время развитие позднелервоыбитных обществ в марксистской археологии и этнологии было принято рассматривать по Ф. Энгельсу в рамках концепции *военной демократии*. Постепенно под термином «военная демократия» исследователи стали понимать совершенно разные, подчас несопостави-

мые явления (Ковалевский 1986). В то же время было доказано, что военная демократия в классическом виде (т.е. по Моргану и Энгельсу) не была непосредственным предшественником государственности, а сменялась более структурированными предгосударственными формами, в которых большинство населения уже было отстранено от управления обществом, но еще отсутствовали признаки государства (Хазанов 1968). По существу это означало, что марксистские исследователи самостоятельно пришли к открытию феномена вождества. Вопрос был только в том, как его назвать. Одно время популярностью пользовался термин «дофеодальное общество» (Неусыхин 1968). В 1979 г. А.М. Хазанов предложил использовать дефиницию *вождество* — вариант перевода с английского *chiefdom*. Он же позднее первым применил данную концепцию к истории кочевников-скотоводов (Khazanov 1984: 164–169). Годом позже Хазанова Л.С. Васильев подробно познакомил отечественных специалистов с сутью концепции (1980, 1981), применив ее впоследствии в своих работах об истории возникновения древнекитайской государственности (1983) и теории Востока в целом (1993). Постепенно термин «вождество», или «чифдом», вошел в научный аппарат советских/постсоветских исследователей, эти понятия нашли отражение в учебной и справочной литературе.

Что такое вождество?

В качестве иллюстрации вождества можно привести пример одного из традиционных обществ Северо-Восточной Танзании второй половины XIX в. Вождества обычно состояли из общин численностью 500–1000 человек. Каждая из них возглавлялась помощниками вождя (*валоло*) и старейшинами (*уачили*), которые соединяли общины с центральным поселением. Общее количество этих лиц не превышало несколько десятков человек. Общинники подносили вождю подарки продуктами, скотом, пивом. За это вождь обеспечивал подданных магической защитой в отношениях с богами, защищал их от природных, хозяйственных и политических нападений, а также перераспределял между ними подарки. Термин «вождь» (*мфумва*) значил «тот, кто дает». Реальная власть вождя была ограничена советом старейшин. Совет при желании мог сместить неудачливого или неугодного вождя, а также выбирал из его родственников нового вождя (Hakansson 1998).

Вождества известны у многих этнографических народов мира: в Африке — у ашанти, банту, баганда, волоф, зулу, сва-

зи, тсвана, в Бенине, в Азии — у качинов Бирмы, у многих номадов Евразии (пуштунов Афганистана, бедуинов Северной Африки, казахов, киргизов, монголов), в Океании — на Фиджи, Таити, Тонга, Гавайях, у североамериканских индейцев Северо-Западного побережья, на Гаити, Пуэрто-Рико, у чибба в Андах, инков в Перу и т.д.

Возникновение института вождей, а затем и вожеств нередко сопровождалось возведением мегалитических сооружений: гробниц, святилищ, насыпей, статуй, гигантских ворот и т.д. Такие сооружения известны во многих регионах мира. Количество социальных рангов различалось в зависимости от степени сложности вожеств. Самые простые вожества делились на вождей и простых общинников. В более стратифицированных обществах имелись три группы и более: правящий линидж, региональная знать, общинники (Тонга, Павери Пойнт в США); вожди, общинники и «рабы» (Таити); аристократия, земледельцы, общинники, неполноправные категории, «рабы» (Гавайи).

В целом можно предположить, что в наиболее распространенном варианте вожеств социальная стратификация имела тройкий вид: вверху общественной пирамиды располагались наследственные вожди и другие категории элиты, в середине — свободные полноправные непосредственные производители, внизу — различные группы неполноправных и бесправных лиц.

Элман Сервис определил вожество как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата (Service 1975: 15).

Тимоти Ерл, один из авторитетнейших специалистов современности в области теории вожества, выделяет следующие, на его взгляд наиболее существенные, признаки данной формы социально-политической организации: полития с населением в несколько тысяч («простое» вожество) или в несколько десятков тысяч («сложное» вожество) человек; наличие региональной иерархии поселений; политическая

централизация и стратификация; зарождение политической экономики для институализации финансовой системы (Earle 1997: 121).

Если суммировать различные точки зрения, выдвигавшиеся в разные годы различными авторами, на сущность вожества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации (подробнее см.: Крадин 1995):

- вожество — это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации;

- в вожестве существуют иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;

- в вожестве существуют четкая социальная стратификация и ограниченный доступ к ключевым ресурсам, а также имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;

- важную роль в экономике играет редистрибуция — перераспределение прибавочного продукта по вертикали;

- чифдом как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами;

- правитель вожества имеет ограниченные полномочия, а чифдом в целом является структурой, неспособной противостоять распаду (концепция Р. Коэна);

- верховная власть в вожестве имеет сакрализованный, теократический характер (мнение, разделяемое не всеми).

Суммируя изложенное, можно определить вожество как форму социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется тенденцией к интеграции посредством политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, идеологическим единством и т.д., а с другой — тенденцией к внутренней дифференциации посредством специализации труда (в том числе и управленческого), неравным доступом к ресурсам, отстранением непосредственных производителей от управления обществом, статусной дифференциацией культуры.

Типология вожеств

Существует много разных попыток типологии вожеств. В зарубежной науке высказывались мнения о делении вожеств на военные, теократические и тропико-лесные; компактные, дисперсные и прибрежные; групповые (без выраженного неравенства) и индивидуализирующие (с ярко прослеживаемой стратификацией); с контролем над внутренней экономикой, внешней торговлей и военными силами.

Однако более популярны классификации по степени структурной сложности. Наиболее распространено деление вожеств на простые (*simple*) и сложные, или составные (*complex*).

Для *простых* вожеств характерен один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Карнейро полагает, что типичное простое вожество состояло примерно из 12 деревень, в которых проживало несколько тысяч человек (*Carneiro* 1981).

Сложные (или составные) вожества — это уже следующий этап сложности социально-политической организации. Они состояли из нескольких простых вожеств численностью уже в десятки тысяч человек. К характерным чертам составных вожеств можно также отнести вероятную этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности.

Многие сложные вожества не ограничивались двумя уровнями политической иерархии. Поэтому ряд исследователей выделяют еще третий уровень иерархии — «верховные», «максимальные», «суперсложные» и т.д.

Вожество и государство

Сервис и Салинз полагали, что в основе высокого статуса вождя лежали функции редистрибуции, выполняя которые правители получали некоторую власть над своими подданными. В гл. 3 было показано, что перераспределение было только одним из путей к власти. Но тем не менее роль редистрибуции нельзя недооценивать. В антропологической литературе часто цитируются слова одного из таитянских вождей, обращенные к европейским миссионерам:

«Я получаю от вас много *ragow* [разговоров] и много молитв, обращенных к Этора [Богу], и очень мало ножей, топоров, ножиц или одежды». Все дело в том, что все, получаемое им, он немедленно раздавал друзьям и подчиненным; таким образом, получив многочисленные подарки, он не мог похвастаться ничем, кроме глянцевого шляпы, пары штанов и старой черной куртки, которую он украсил оторочкой из красных перьев. И он придерживается такого расточительного поведения, мотивируя это тем, что в противном случае никогда бы не стал правителем и вообще не остался бы вождем того или иного ранга» (*Салинз* 1999: 128).

Внешне правители многих вожеств выглядели как единовластные самодержцы. Однако в реальности их власть была сильно ограничена. Это подтверждается многочисленными примерами. У некоторых бантуских групп существовали весьма развитые механизмы социального контроля. У готтентотов вождь мог штрафовать провинившихся, у гегеро даже выносить смертные приговоры, хотя опасался использовать данное наказание на практике. Сомнения вождей, несомненно, были вызваны отсутствием институтов принуждения. В том же источнике сообщается, что многие вожди банту были убиты за притеснения своих соплеменников (*Schapera* 1956: 78 ff., 151 ff.). Если вождь не прислушивался к советам старейшин, пытался изменить традиции, нарушал табу или совершал убийства, его могли заменить (ашанти, йоруба и эмба). Многие из гавайских вождей также были убиты за то, что притесняли простых общинников. Последние признавали права своих вождей на некоторую долю произведенного продукта, однако настаивали на соблюдении «справедливости» в подобных отношениях. Если же вожди и их люди злоупотребляли своим положением, это могло вызвать взрыв народного возмущения. Поскольку правители вожеств не имели специализированного аппарата принуждения, их положение в такой ситуации было незавидным (*Салинз* 2000: 137–141).

Данная особенность, по мнению многих антропологов, является самым важным отличием вожества от государства. Правитель вожества обладал лишь «консенсуальной властью», т.е. авторитетом. В государстве правительство может применять санкции с помощью легитимизированного насилия (*Service* 1975; *Claessen, Skalnik* 1978, 1981 и др.).

Альтернативы вождеству

Является ли вождество универсальной ступенью социальной эволюции? В схеме Сервиса ему альтернативы нет. Однако ряд исследователей полагают, что таких альтернатив было несколько.

Рассмотрим некоторые из них. Один из примеров — это народ ифугао горных Филиппин. В обществе ифугао процессы классогенеза заметно опережали политогенез. Общины делились на три основные страты: богатые землевладельцы (*кадангианги*), средний слой (*натумок*), арендаторы и издольщики (*наватват*). Однако надобщинная организация у ифугао отсутствовала. Неиерархические общества были обнаружены и у многих других народов гор: древних горцев Йемена, в средневековой Швейцарии и Северной Испании, в Албании, Черногории, у горских народов Атласа, Афганистана, Восточных Гималаев.

Правда, обращение к параллелям с другими подобными обществами показывает более широкие вариации политического устройства. В тибето-бирманских обществах выделяются подобные ифугао общины с развитой внутренней стратификацией (качины, чанг) и, условно говоря, «аристократические» общины с властью наследственных вождей (чины). Изучая особенности политогенеза у горских народов Кавказа, исследователи пришли к мнению о чрезвычайной пестроте форм политической организации в этом регионе. Наряду с монархиями (Грузия, Авария) здесь бытовали «аристократические» (с наследственной властью — адыги, карачаевцы), «демократические» (с выборной властью — часть адыгов) и так называемые вольные (прямая демократия) общества (Нагорный Дагестан). Такое многообразие привело ряд советских ученых к необходимости выделения особого варианта развития — «горского» феодализма.

Более приемлемый вариант объяснения специфики горских обществ был основан на политической теории Шарля Луи Монтескье (1689–1755). Согласно «закону Монтескье», размеры общества коррелируются с типом политического режима. Для маленьких обществ характерна республика, для средних — монархия, для больших — деспотия. В такой позиции есть своя логика, поскольку значительная территория действительно

предполагает большие административные усилия власти (единственное бросающееся в глаза исключение — США). Небольшая территория позволяет населению обеспечивать эффективный контроль за «управителями», препятствовать отдельным лицам монополизировать политическую власть, а в случае необходимости — ввести прямое демократическое правление. Придерживающийся этой идеи М.А. Агларов (1988) проводит прямые аналогии между общинными порядками Нагорного Дагестана и древнегреческими полисами. Агларов выделил два варианта дагестанских горских общин: дисперсные *джамааты* (общины), состоящие из нескольких небольших деревушек, и возникшие в результате синойклизма* урбанизированные *джамааты*. *Джамааты* объединялись в «вольные общества», последние составляли общий «союз» или «конфедерацию» вольных обществ Нагорного Дагестана.

Другие исследователи (Ю.Е. Березкин, А.В. Коротаев и др.) настаивают на еще большей распространенности «полисного» варианта развития. Березкин убедительно доказал, что альтернативная вождеству социально-политическая организация была характерна не только для горских народов. Он сопоставляет археологическую модель вождества с данными раскопок ряда доисторических обществ Передней Азии и Туркменистана. Просчитав возможную численность населения этих обществ, он приходит к выводу, что по численности их население соответствует типичным вождествам. Однако археологические критерии чифдомов в этих культурах отсутствовали: вместо иерархической системы поселений — дисперсное расселение общин; вместо резкой грани между элитой и простыми общинниками — слабое проявление имущественного и/или социального неравенства; вместо монументальной храмовой архитектуры — множество небольших (семейных?) мест для отправления ритуалов. Ю.Е. Березкин находит этноисторические аналогии в обществе апатани Восточных Гималаев (1994, 1995, 1995а).

А.В. Коротаев (1995) дополнительно привлек внимание к так называемым горским обществам в связи с проблемой «греческого чуда». Он показал, что децентрализованные полити-

* Синойклизмом в Древней Греции называлось объединение нескольких поселений в один полис.

ческие системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами. Коротаяев значительно расширил список подобных полисам обществ историческими и этнографическими примерами из Европы, Африки и Азии. Демократический характер политической организации горских обществ, полагает Коротаяев, следует считать закономерным. Это было обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Небольшие размеры обществ предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни (закон Монтескье). Пересеченный рельеф не способствовал объединению общин горцев в более крупные иерархические структуры (например, в вождества), а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Подобную защитную роль от соседей могли выполнять не только горы, но и болота (Белоруссия), моря, пустыни, безжизненные территории, а также сочетание тех или других (Карфаген, средневековая Исландия, Дубровник, Запорожская Сечь и подобные ей «вольные общества»). Разумеется, Коротаяев признает, что одна только эта причина не может объяснить феномен «греческого чуда», равно как и то, что далеко не все горские общества были демократическими (например, империя инков). Однако, вне всякого сомнения, особенности демократического устройства ряда древнегреческих полисов основываются именно на вышеперечисленных закономерностях.

Из всего этого вытекают еще два важных следствия. **Во-первых**, не только горские, но и другие небольшие политии, защищенные естественными барьерами, могут создавать неиерархические формы правления. Это позволяет сделать вывод, что параллельно с созданием иерархических обществ (вождеств и государств) существует другая линия социальной эволюции — неиерархические общества. Все это дает основание предположить, что социальная эволюция является *многолинейной* (Коротаяев 1995, 1996; Коротаяев 1997, 1998, 1998а, 1999; Бондаренко 1998; Бондаренко, Коротаяев 1999; Bondarenko, Korotayev 2000; Kradin, Korotayev, Bondarenko et al. 2000; Крадин, Коротаяев, Бондаренко, Лынша 2000). Суть данного явления хорошо выразил Эрнст Геллнер.

«Политические единицы в аграрную эпоху очень различаются по размерам и типу. Но их можно приблизительно

разделить на два вида или, скорее, полюса: локальные самоуправляющиеся сообщества и большие империи. С одной стороны, существуют города-государства, остатки родовых общин, крестьянские общины и так далее, ведущие свои собственные дела, с очень высоким коэффициентом политического участия (по удачному выражению С. Андрески) и с неярко выраженным неравенством; и с другой стороны — огромные территории, контролируемые сконцентрированной в одном месте силой» (1991: 47).

Большое число примеров в подтверждение мнения Геллнера приводится в полезной статье Ю.И. Семенова о различных путях политогенеза (1993). Правда, Семенов и в этой работе остается верным одной из марксистской схеме.

Попытки проверить данную модель на основании формальных кросскультурных методов демонстрируют устойчивые корреляции между такими показателями, как «размер семьи», «родовая организация», с одной стороны, и степень демократичности политической организации — с другой. В частности, для иерархических обществ характерны жесткие надобщинные структуры, родовая организация, большесемейная община, тогда как для неиерархических — территориальная организация, территориальная община, малые формы семьи (А.В. Коротаяев и Д.М. Бондаренко). Можно также допустить, что данная билинейность имеет какие-то более фундаментальные основания, поскольку она характерна не только для развитых цивилизаций — ее истоки можно проследить на самых ранних этапах истории человечества (О.Ю. Артемова) и даже у приматов (М.Л. Бутовская).

Во-вторых, для жителей небольших (в том числе горских обществ) характерна высокая степень политической активности («протестности» по Ш. Айзенштадту), тогда как для поданных равнинных аграрных государств (в первую очередь крестьян) — более пассивное политическое поведение. Последнее обстоятельство отмечалось многими исследователями крестьянских сообществ (Э. Вольф, Дж. Скотт, Э. Хобсбаум, Т. Шанин и др.).

Интересно, что у многих горских народов участие масс в политической деятельности приводило к блокированию развития антидемократических тенденций. В конце XVIII в. у

адыгов Кавказа произошли так называемые антиаристократические революции, в результате которых многие из местных князьков были убиты или изгнаны. У качинов Тибето-Бирманского нагорья в середине XIX в. власть наследственных вождей также была свергнута. Подобный демократический переворот произошел у нага Северо-Восточной Индии (*Покровский* 1958; *Маретина* 1980; *Шинкарев* 1984). Исходя из этого не кажется такой случайной победа афинского демоса над аристократией, римского плебса над патрициями, а античный путь развития столь уникальным.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Едва ли не самый дискуссионный вопрос политической антропологии — образование государственности. Существует множество различных точек зрения на этот счет. В эпоху Нового времени возникла так называемая теория «общественного договора» (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), согласно которой государство возникает как продукт *внутреннего* соглашения между людьми, которые передают часть своей свободы и власть государству, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. В XIX в. появилась «завоевательная» теория политогенеза (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер). Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате *внешнего* фактора — завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и установления победителями эксплуатации подчиненных.

В тот же период были созданы основы марксистского учения о классах и государстве, согласно которому государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс («*Манифест коммунистической партии*», 1848). В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели вызревания государства. В «*Экономических рукописях 1857–1861 гг.*» К. Маркса и в «*Анти-Дюринге*» (1978) Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превра-

щения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним». В «*Происхождении семьи, частной собственности и государства*» (1884) Энгельс нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное.

В XX в. продолжилось изучение проблемы происхождения государства. «Завоевательная» теория оказала определенное воздействие на немецких марксистов К. Каутского и Г. Кунова, ее влияние прослеживается в работах Р. Турнвальда, Д. Вестермана, Л. Крэдера и Р. Карнейро. Обстоятельная критика «завоевательной» теории принадлежит американскому этнологу Роберту Лоуи (1883–1957), который в своей книге «*Происхождение государства*» показал, что завоевание далеко не всегда ведет к государству. В истории есть примеры государств, которые были созданы без завоевания. Наконец, для того, чтобы завоевание привело к государственности, общества покорителей и побежденных должны были обладать некоторой стратификацией. Следовательно, не только война может быть причиной, ответственной за возникновение государства. Сам Лоуи как сторонник функциональной версии полагал, что организационная деятельность предводителей могла привести к складыванию государства, хотя и не продемонстрировал, как этот процесс должен был происходить в истории (*Lowie* 1927).

Известный востоковед и критик советского авторитаризма Карл Виттфогель (1896–1988) выдвинул *ирригационную* теорию политогенеза, согласно которой первоначальная государственность и развитие власти напрямую связаны с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (*Wittfogel* 1957).

Эстер Босерап высказала предположение, что предпосылкой государства является *демографический* рост. Когда осваивается вся территория обитания и население максимально возрастает, возникает необходимость в интенсификации сельского хозяйства. Это предполагает совершенствование организации управления, что сопровождается дифференциацией статусов, увеличением социокультурной сложности и генезисом государства (*Boserup* 1965).

Отчасти эти идеи перекликаются с «ограничительной» (circumscription) теорией Роберта Карнейро (род. 1927), который показал, что генезис государства связан главным образом с ростом населения и увеличением конкуренции за ресурсы, а это, в свою очередь, приводит к умножению конфликтов и войн. Естественный выход из такого положения — введение политической иерархии. Она, с одной стороны, закрепляет господство победивших в конфликтах групп, с другой — интенсифицирует производство для разрешения демографических и экономических проблем (Carneiro 1970).

Грегори Джонсон и Генри Райт (Johnson 1973; Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986), изучая механизмы реагирования социальных систем на различные стрессы, пришли к выводу, что увеличение размеров социальной системы возможно до определенного порога. При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, т.е. государство. Рассмотрев системы поселений в Месопотамии, они пришли к выводу, что переход от двухуровневой политической организации к трехуровневой сопровождался изменениями в архитектуре, специализацией поселений, масштабной урбанизацией. Все это, по их мнению, дает основание предположить, что для вождеств была характерна двухуровневая иерархия (локальные общины и центр), тогда как для ранних государств — трехуровневая (деревни, районные центры и столица).

Еще одна популярная модель — *торговая*. Ее основная посылка основана на том, что торговля на большие расстояния является важным компонентом усиления власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, иерарх контролировал редиистрибутивную сеть, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных (Webb 1975; Ekholm 1977).

Важную роль в закреплении государственного механизма играла *идеология*. Она узаконивала сложившееся статусное неравенство. По всей видимости, формирование идеологии существующей системы господства было столь же важным

моментом, что и экономическое или политическое принуждение (Скальник 1991; Skalnik 1996).

В целом, как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, не существует единой обязательной причины возникновения государства. На процессы политогенеза оказывали влияние самые разнообразные внутренние и внешние факторы: увеличение прибавочного продукта, совершенствование технологии, рост народонаселения, экология, война и завоевание, внешнее влияние и торговля, идеологический фактор и т.д. (Claessen, Skalnik 1978, 1981; Хазанов 1979; Haas 1982; Васильев 1983; Куббель 1988; Павленко 1989; Коротаев, Чубаров 1991; Крадин, Линша 1995; Claessen 2000 и др.).

Сущность государства В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно *интегративной* версии политогенеза (Service 1962/1971, 1975), архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождестская организация власти может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т.е. священной) идеологии. По мнению сторонников *конфликтной* версии политогенеза (Fried 1967), государственность — это средство стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства исходя из отношений эксплуатации, классово-войны и межэтнического доминирования.

С точки зрения интегративного подхода государство представляется как политическая система с более сложной экономической и социальной инфраструктурой. Обычно в число признаков, характеризующих становление государственности, включается высокоразвитое и специализированное ремесло и торговля, крупное монументальное строительство, урбанизация, появление письменности и права.

Сервис рассматривает создание государства с точки зрения «выгоды», которую оно несет своим гражданам. Он признает, что подданным приходится платить определенную

«цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывается видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивирует это тем, что ему не известны случаи восстаний в ранних государствах (*Service 1975*). Такие аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (*Claessen, Skalnik 1978; Claessen, Oosten 1996; Skalnik 1996* и др.).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи (сторонники «завоевательной» теории) привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем; другие (*Fried 1967; Haas 1982; Earle 1997* и др.) обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля; третьи (марксистские авторы) акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества.

Полемика Сервиса—Фрида мало кого оставила равнодушной. Однако немногие исследователи готовы безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это — взаимоисключающие позиции. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т.д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом.

В литературе много писалось об амбивалентности власти. Государство — орудие власти. Оно столь же двулико, что и сама власть. Оно одновременно и помогает, и наказывает. Даже в классической древности существовало амбивалентное отношение к государству, оно воспринималось как неизбежное, но все-таки зло (*Якобсон 1997*).

Признаки государства

Традиционно принято выделять три главных признака государственности: *территориальное деление, налоги* и формирование особого *аппарата* управления. Вне сомнения, это справедливо в отношении развитых современных государств. В то же время исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (*Куббель 1987*).

Современные исследователи выделяют различное число критериев, которые могут свидетельствовать об отличии государства от предшествующих форм, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. С точки зрения, например, сторонников интегративного подхода, самыми яркими признаками возникшего государства считаются строительство крупных монументальных сооружений (храмов, гробниц, дворцов и т.д.), появление городов и письменности. К этим компонентам иногда добавляют такой критерий, как численность и плотность населения. При этом подчеркивается, что население вождеств, как правило, насчитывало десятки тысяч этнически однородного населения, в то время как в ранних государствах счет шел уже на сотни тысяч и миллионы человек из разных этнических сообществ и групп. По мнению марксистских авторов, государство отличается от вождества присутствием классовой эксплуатации и специализированных органов принуждения.

Используя археологические источники, необходимо иметь в виду, что понятие «город» очень неопределенно, такие признаки цивилизации, как письменность, наличие высокоразвитой торговли и ремесла, монументальная и урбанистичес-

кая архитектура, могут встречаться еще в догосударственном обществе и, наоборот, их может не быть в раннегосударственных структурах. Многие ранние государства Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность (кельты, иберы). Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, характерна как для государств, так и для вождеств. По уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии едва ли можно точно определить, чем является данное общество — вождеством или государством. Монументальные сооружения не только характерны для цивилизаций, но и встречаются в вождествах (Стоунхендж).

Эксплуатация также не может быть критерием государства. Во-первых, разве можно рассчитать, эквивалентны или не эквивалентны управленческий труд и так называемые «расходы на представительство» в архаических обществах? Может ли быть равнозначным нематериальный ответ правителя, выраженный, например, в психологическом комфорте подданных, материальным дарам и дани подданных? Во-вторых, затраты вождя и подданных в принципе не могут быть эквивалентными. Лидер всегда и во всех обществах получает больше, чем дает. В лидерстве есть что-то такое, что оправдывает любые потери и траты и притягивает как магнит очень многих — от величайших альтруистов, проповедников и революционеров до самого последнего эгоиста и жестокого тирана. Кто из них и как распорядится своей силой и властью — это уже особый вопрос, выходящий за пределы настоящей темы. Наконец, в-третьих, доминирование и неравенство являются свойством, имманентно присущим социальной организации, и поэтому наличие эксплуатации не может свидетельствовать о генезисе государства.

Есть некоторые контраргументы и против использования монополии на законное применение силы в качестве обязательной характеристики раннего государства. Р. Карнейро не без основания полагает, что многим раннегосударственным образованиям как раз не хватало такой монополии, ссылаясь при этом на англосаксонские законы, в которых было записано, что любой может убить вора (не обращаясь в специальные органы правосудия) и даже получить за это определенное вознаграждение (Carneiro 1981: 68).

Таким образом, намеченная в общих чертах демаркационная линия между вождеством и государством при более близком рассмотрении становится расплывчатой, аморфной. Очевидно, что универсальных признаков государственности нет, нужна их система. Но сколько признаков составляют систему: два из трех, три из пяти или какое-то иное соотношение?

Раннее государство

Как уже говорилось, в эволюции доиндустриальных послепервобытных обществ можно выделить две большие стадии. Первая характеризуется отсутствием частной собственности на средства производства, централизованной организацией производства и редиистрибуции. Эти общества принято называть архаическими или ранними государствами. В советской науке их предпочитали именовать раннеклассовыми обществами. Вторая стадия характеризуется известным развитием частной собственности, формированием государственного аппарата. Некоторые зарубежные исследователи предложили называть ее, в частности, *зрелым* государством.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Хенри Дж.М. Класена (род. 1930). Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство» (Claessen, Skalnik 1978), а впоследствии углублены и расширены в целом ряде специальных тематических изданий (Claessen, Skalnik 1991; Claessen, van de Velde 1987, 1991; Claessen, Oosten 1996 и др.).

Класен и Скальник определили раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта или возникающих социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освещена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами» (Claessen, Skalnik 1978: 640).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя была фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Царь служил «посредни-

ком» между божествами и подданными, обеспечивал благодаря своим сакральным способностям стабильность и процветание общества, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти отпала необходимость в подобных функциях «священного царя» (Claessen 1986).

Х. Классен и П. Скальник разработали типологию ранних государств по степени зрелости, выделив соответственно зачаточное, типичное и переходное.

Для *зачаточного* (inchoate) раннего государства характерно: 1) доминируют клановые связи; 2) должностные лица существуют за счет доли собираемой ими редиистрибуции; 3) не существует узаконенной правовой кодификации; 4) нет специальных судебных органов; 5) редиистрибуция, дань и поборы строго не определены; 6) слабо развиты аппарат управления (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641).

Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохраняются кланово-линиджные связи, но при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) появился письменно зафиксированный свод законов; 4) существует специальный аппарат судей, которые уже разбирали большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имеет «точно установленный характер» и осуществлялось как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появляются специальные чиновники и лица, помогающие им (*там же*).

Для *переходного* раннего государства характерно: 1) преобладают назначения на должность в административном аппарате; родственные связи играют роль только на самых высших уровнях иерархии; 2) система выплаты жалования чиновникам доминирует над системой «кормлений»; 3) кодификация законов завершена; 4) все вопросы правотворчества решаются судебным аппаратом; 5) налогообложение превращено в хорошо отлаженную регулярную функционирующую систему; 6) вся эта деятельность контролируется многочисленными чиновниками (*там же*).

Первичные и вторичные государства

Важным представляется разделение государств на первичные (pristine) и вторичные (secondary) (Fried 1967). *Первичные* государства возникали в результате собственного спонтанного независимого развития в благоприятных для роста производства и численности населения природно-климатических зонах (Месопотамия, Египет, Китай, Индия, Перу и Мезоамерика). *Вторичные* государства образовывались по соседству, под влиянием уже сформировавшихся первичных центров цивилизации.

Влияние первичных государств могло быть как прямым, в виде непосредственного заимствования тех или иных институтов или структурных принципов, так и опосредованным, путем давления на варварскую периферию. Последнее катализировало процессы политогенеза у менее цивилизованных соседей. В результате рядом с центрами архаических цивилизаций возникали новые политии, которые могли быть завоеваны технологически более развитыми обществами центра. Но нередко бывало и обратное — воинственные варвары подчиняли центральную цивилизацию и создавали «суперстратификационное» общество, в котором на уже существовавшую общественную стратификацию завоеванных были наложены институты менее развитых завоевателей. Особенно много примеров подобного рода встречалось в процессе завоевания земледельческих цивилизаций кочевниками-скотоводами.

Пути становления государства

В отечественной литературе наряду с однолинейными представлениями о генезисе государственно-сти (постепенно отмирающая «пятичленная схема»; теории, объединяющие все доиндустриальные общества в одну стадию — концепции «большого» феодализма Ю.М. Кобишанова, «сословно-классового общества» В.П. Илюшечкина и др.) существует развитая многолинейная традиция, истоки которой находятся в идеях К. Маркса и Ф. Энгельса об азиатском способе производства. Первая идея была сформулирована Марксом в «*Экономических рукописях 1857–1861 гг.*», там, где он анализировал формы, предшествующие капитализму. Маркс выделил три формы *Gemeinwesen*: азиатскую, античную и германскую, которые можно интерпретировать как самостоя-

ятельные модели перехода к государственности (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I: 461—493). Вторая идея была сформулирована Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» (1878), где он, согласуясь с замечаниями Маркса, высказал предположение о двух путях становления государства — восточном и античном (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 20: 183—185). Позднее данную версию поддержал в своих работах Г.В. Плеханов, который рассматривал данные способы производства «как два сосуществующих типа».

Наиболее авторитетно билинейная теория была сформулирована в «Восточной деспотии» Карла Виттфогеля. Для западного пути развития характерно формирование общества с частной собственностью, политическим равноправием граждан, ограниченным законами правовым государством. Наиболее ярко данная модель эволюции была воплощена в античных полисах. Некоторые исследователи прослеживают ее определенные признаки в обществах горских народов. Для восточного общества частная собственность имеет подчиненное значение, положение человека определяет его власть, место в иерархии управления. В обществе нет граждан, есть только подданные (Wittfogel 1957). В 50—80-е годы XX в. многие другие сторонники азиатского способа производства также высказывались в поддержку билинейной теории (Э. Вельскопф, Ф. Тёкеи, М. Годелье, Л.А. Седов, М.А. Чешков и др.).

В последние два десятилетия XX в. эти идеи были развиты и скорректированы Л.С. Васильевым (1982, 1983, 1989, 1993 и др.) в соответствии с новейшими достижениями политической антропологии. Он полагает, что генеральной линией социальной эволюции является процесс постепенной трансформации автономных общинных образований в вождества, а из них — в ранние и затем в зрелые государства. Этот процесс происходил на основе монополизации доступа к управлению и контролю над производством и перераспределением. Так как власть и место в иерархии определяют статус индивида, частная собственность имеет подчиненный характер. В обществе нет граждан, есть подданные. В результате складывался государственный (Л.С. Васильев считает этот термин более удачным, чем *азиатский*, в силу его универсальности) способ производства. Европейская структура (*частнособственнический*

способ производства) представляет собой «мутацию», прообраз которой восходит к финикийской модели. Однако наиболее последовательно данный способ производства реализовался в античной Греции и Риме. Для этой модели общества характерны товарные отношения, частная собственность, политическое равноправие граждан полиса. Право было ориентировано на соблюдение законности и защиту интересов граждан. Это в конечном счете обусловило динамику развития Западной Европы и привело в Новое время к формированию правового государства и гражданского общества.

Взгляды Васильева были поддержаны и развиты другими исследователями (Киселев 1985, 1989; Павленко 1987, 1989, 1991 и др.). Ю.В. Павленко выделил две модели ранних государств. Условимся называть их точечными и территориальными.

Точечные ранние государства представляли собой нечто вроде городов-государств типа древнеегипетских или древнешумерских номов («номовое государство» — термин И.М. Дьяконова и В.А. Якобсона). Их отличали большая территория, сравнительно высокая плотность населения, сосредоточение всех сфер жизни в городе-столице. Прибавочный продукт либо создавался на особых государственных (или храмовых) участках, либо мог взиматься с общинников в форме ренты-налога (последний вариант, возможно, характерен для более крупных политий, когда государственные поля и поселения общинников находились на большом расстоянии друг от друга). Соответственно ведущее место в управлении обществом занимала традиционная знать, которая может быть охарактеризована как «администраторы». Однако, поскольку общества этого типа нередко возникали на основе ирригационного земледелия, в их управлении важную роль играл слой «жрецов», являвшихся хранителями общественно полезных знаний и опыта (Шумер, Египет, Майя).

Территориальные ранние государства в виде крупных политических общностей характеризовались большой территорией, экономической самостоятельностью и обособленностью отдельных провинций, сравнительно невысокой плотностью населения. Структурно они представляли собой центральную политию («великое княжество») с городом-столицей и зависимыми от него другими политиями («племенными княжествами», «удельными княжествами»). Прибавочный труд изымал-

ся на основе данническо-редистрибутивной эксплуатации, отчуждаемой от входящих в состав мультиполитии удельных политий. Со временем территориальные мультиполитии могли перерасти в более сложные структуры — «ранние империи» (держава Каролингов, Киевская Русь).

Контроль над зависимыми политиями мог осуществляться в виде периодических объездов подвластных территорий — *полюдья* (Кобишанов 1995). В некоторых случаях для лучшей организации редистрибуции власть могла «клонировать» свои контрольные функции — создавать несколько столичных городов (так было у дальневосточных народов с их системой «пяти столиц»: бохайцев, чжурчжэней и др.). Еще один вариант — постоянное перемещение власти по зависимым владениям. У Карла Великого долгое время не было столицы: он разъезжал со своим двором по принадлежащим ему поместьям и только в конце царствования избрал столицей город Ахен. Но во всех случаях был центр — «ядро» системы, в котором как бы концентрировались различные виды власти и принимались наиболее ответственные решения.

Какие функции лежали в основе деятельности правителей территориальных обществ? Если сравнивать их с администрацией обществ, образовавшихся на базе точечных политий, то нельзя не заметить одно отличие принципиального характера: в территориальных политиях органы власти чаще заняты не столько организационно-экономической и хозяйственно-редистрибутивной деятельностью, сколько военно-политической и данническо-редистрибутивной.

Л.Е. Куббель предложил еще одну интерпретацию политогенеза, выделив три варианта: *военный, аристократический и плутократический*. В первом случае захват политической власти осуществляется военными лидерами при поддержке военной организации — военной демократии, военной иерархии и дружины. Этот вариант был характерен для большинства народов мира, например для древних германцев, индейцев Северной Америки, банту Южной Африки. Во втором случае вожди сосредоточивали в своих руках руководство обществом и ограничивали доступ к управлению и ресурсам (Полинезия, Гавайи). В третьем варианте во главе общества находились отдельные богатые индивиды (бигмены), которые постепенно преобразовывали свой авторитет в политическую

власть (Меланезия) (Венгеров, Куббель, Першиц 1984; Куббель 1988: 134–138 и др.).

Альтернативы государству

В данной главе уже говорилось о существовании двух линий эволюции — *иерархических и неиерархических* обществ.

В число последних были включены демократические общины горцев, к которым относились и многие античные *полисы*. В этой связи правомерно сказать, что полисный путь — это альтернатива не только вождеству, но и государству. Во всяком случае, некоторые авторы не без оснований ставят резонный вопрос: является ли полис государством?

Израильский антрополог Моше Берент считает, что классический полис не может считаться государством. Полис был «безгосударственным обществом», в доказательство чего Берент приводит много разнообразных аргументов (Berent 2000, 2000a). В полисе не существовало готового государственного аппарата, а контроль над управлением обществом осуществлялся всеми его гражданами.

Управление в Афинах можно рассматривать двояко: с точки зрения институтов и должностных лиц и с точки зрения людей, формулирующих политику. В то время как политические учреждения комплектовались дилетантами, что указывает на отсутствие разделения труда, можно говорить о некотором разделении труда, принимая во внимание «профессиональных политиков» (*демагогов*) и тех, кто выступал в Народном собрании. И все же, в том смысле, в котором эти люди могли бы называться правительством, это было, несомненно, негосударственное правительство. Афинский лидер не занимал никаких формальных постов и не имел в своем распоряжении государственного аппарата принуждения. Он был просто харизматической личностью, оратором (*демагогом*), который мог убедить Народное собрание принять его политику, но рисковал потерять свое влияние (и жизнь!), а его политика могла быть отвергнута в любой момент (Berent 2000a: 229).

Концепция Берента определенно станет предметом обсуждения специалистами в области античной истории. Вместе с тем необходимо заметить, что в 1989–1991 гг. на страницах журнала «Вестник древней истории» уже прошла подобная дискуссия о характере римской государственности.

Зачинатель полемики Е.М. Штаерман изложила свои взгляды, перекликающиеся с позицией Берента, согласно которой классический римский полис периода республики не может

считаться государством. Аппарат исполнительной власти был ничтожно мал. Не было прокуратуры и полиции. Не было ни налогов, ни аппарата для их сбора. Подати с провинций и рента за общественные земли собирались откупщиками. Истец сам обеспечивал явку ответчика в суд и сам же должен был заботиться об исполнении приговора. Все это свидетельствует, по ее мнению, о том, что «в Риме того времени по существу не было органов, способных принудить исполнять законы, да и сами законы не имели санкции» (Штаерман 1989: 88). В качестве этапов на пути к государственности Штаерман рассматривает диктатуру Суллы, правление Помпея, первый триумvirат, триумф Цезаря. Но только при Августе был завершен процесс создания государства (административный аппарат, преторианская гвардия, когорты стражи, профессиональная армия).

Почти все участники той дискуссии высказались против данной концепции. Лишь два человека прямо выступили в поддержку мнения Е.М. Штаерман. Один из них предположил, что причина этого в приверженности отечественных антиковедов к «эмпирическим, антитеоретическим исследованиям» (любопытно, что другой принявший позицию Штаерман был иностранец). Однако, как мне кажется, дело не только в этом. С точки зрения марксистской теории истории античное общество было принято за некий эталон — классический образец древнего рабовладельческого государства. Это востоковедам было необходимо ломать голову, как и почему их общества отличались от эталона, какое место занимало рабство в их цивилизациях, почему не рабы, а крестьяне строили пирамиды фараонам, куда подевалась частная собственность на Востоке, почему между древностью и средневековьем в Азии не существовало столь же очевидного различия, как между античностью и феодализмом в Европе.

В антиковедении подобных проблем не существовало. Здесь все было на месте: классы, эксплуатация, собственность. Значение и роль рабства для Греции и Рима представлялись очевидными. В Риме даже были зафиксированы большие восстания рабов — почти революции. Существовала логически непротиворечивая теоретическая база. Еще классиками социализма, в особенности Энгельсом в «*Происхождении семьи*»,

был изложен марксистский взгляд на главные вопросы происхождения государства и классов в Греции и Риме. Эти положения были уточнены советскими академиками в 30-е годы XX в. и растиражированы в многомиллионных учебниках для средней и высшей школы. После всего этого на долю ученых осталось только в очередной раз подтверждать верность выводов марксистского учения либо уточнять многочисленные детали тех или иных частных вопросов. Скорее всего, именно комплекс этих обстоятельств сыграл злую шутку с отечественным антиковедением, обусловил стойкий иммунитет к теоретическим и компаративистским изысканиям, к пересмотру, казалось бы, общеизвестных аксиом.

Однако признание греческого и римского общества безгосударственным заставляет совершенно по-иному посмотреть на многие вопросы. Если принять точку зрения, что полис не является государством, то следует признать, что совсем не обязательно *безгосударственное* общество должно быть *первобытным*, а следовательно, *цивилизация* не обязательно предполагает существование *государственности*. Сторонники многолинейной теории исторического процесса обосновывают точку зрения, согласно которой отсутствие государственности не обязательно предполагает низкий уровень развития общества (Kradin, Korotayev, Bondarenko et al. 2000; Крадин, Коротаев, Бондаренко, Линша 2000; Бондаренко, Короталь, 2002). Уже цитировалась концепция А.В. Коротаева о том, что в Северо-Восточном Йемене процесс перехода от иерархической системы власти к горизонтальной племенной организации сопровождался появлением классических признаков стадии «цивилизации» — частной собственности, товарно-денежных отношений, письменного права.

Нечто подобное можно найти в истории цивилизации кельтов (галлов), которые заселяли большую часть Западной и Центральной Европы в I тыс. до н.э. В технологическом отношении кельты опережали многие народы Европы. Они строили глубокие шахты для получения соли и ртути, раньше других научились выплавлять железо и сталь, делать стальное оружие, создавать стеклянные украшения без швов, отмывать золото в Альпах. Эта многочисленная этнополитическая общность с единым языком, религией и деньгами характеризовалась развитой социальной дифференциацией и множеством рангов. Однако у кельтов не было ни письменности, ни единого государства. Всего существова-

ло около ста кельтских политий. Археологи предполагают, что они более всего подобны вождествам. В период перехода от гальштата к латену наследственная власть вождей исчезла, контроль перешел в руки знати и выборных магистратов. Кельтские укрепительные поселения (*oppida*) представляли собой настоящие города с длинными улицами, кварталами ремесленников, святилищами, мощными фортификационными сооружениями. Наиболее крупные из них имели площадь в пределах 600–1600 га. Если судить по отчетам Цезаря римскому сенату, легионеры уничтожили несколько сот *oppida*, истребили сотни тысяч кельтов.

Еще одним альтернативным государству вариантом является социальная эволюция сложных обществ кочевников-скотоводов. Этнографические исследования скотоводческих народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная пастушеская экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь институализированной иерархии. Следовательно, можно допустить, что потребность кочевников в государственности не была внутренне необходимой.

Сложная иерархическая организация власти в форме «кочевых империй» и подобных им политических образований развивалась у кочевников только в тех регионах, где они были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китая, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

Это предопределило двойственную природу «степных империй». Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но внутри империи кочевников оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества базировалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

В данной ситуации кочевники-скотоводы выступали как *класс-этнос* и специфическая *ксенократическая* (от греч. *ксено* — наружу и *кратос* — власть), или *экзополитарная* (от греч. *экзо* — вне и *полития* — общество, государство), политичес-

кая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом». С этой точки зрения создание кочевых империй — частный случай «завоевательной» теории политогенеза. При этом кочевая элита выполняла функции высших звеньев военной и гражданской администрации, а простые скотоводы составляли костяк аппарата насилия — армии (Крадин 1992; 2002 — здесь же историография вопроса).

Более подробно о данной концепции см.: Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995; он же. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; он же. Общественный строй кочевников: экскурсии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4; он же. Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что такая структура управления была примитивной. Как уже было показано, греческий и римский полисы также не могут считаться государством. Но как быть с кочевниками, каким термином описать существо их политической системы? Учитывая ее негосударственный характер и развитую иерархическую структуру, мной было предложено характеризовать кочевые империи как *суперсложные вождества* (Крадин 1992, 2001, 2002).

Суперсложное вождество в форме кочевых империй — это уже реальный прообраз раннегосударственного общества. Если численность сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек, то численность суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч и даже больше (применительно к кочевым империям Центральной Азии в пределах 1–1,5 млн человек). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами и соседними кочевыми империями. С точки зрения соседей, такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений.

Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали строить укрепленные городища, а «став-

ки» империй жужаней, тюрков и уйгуров представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты. В некоторых суперсложных вождествах кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в некоторых существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки), а некоторые из подобных кочевых империй (в первую очередь — Монгольскую державу первых десятилетий XIII в.) есть прямой соблазн назвать государством.

Вопросы для контроля

1. Характерна ли для первобытных обществ единая линия эволюции?
2. На чем базируется авторитет бигмена?
3. Что такое вождество и каковы его отличительные черты?
4. Какие существуют определения понятия «государство»?
5. Является ли государство универсальной ступенью социальной эволюции?

Ты еще не знаешь, как безнадежно само твое дело. Ты еще не знаешь, что враг не столько вне твоих солдат, сколько внутри их.

Глава 5 ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиционализм и модернизация

Политическая антропология имеет большое значение для понимания политических процессов в обществах, подвергшихся колониальному влиянию. Как правило, изучение трансформации политической культуры колониальных и постколониальных обществ осмысливалось либеральными западными мыслителями в рамках различных концепций модернизации. В научном смысле *модернизация* — это процесс социально-экономического, культурного и политического преобразования традиционного общества в индустриальное, формирования либерально-демократических институтов, правового государства и гражданского общества.

Экономическая модернизация предполагает существенную интенсификацию сельского хозяйства (при значительном сокращении доли занятых в этой сфере), масштабную индустриализацию, развитие транспортных средств, связи и коммуникаций. В несколько раз ускоряется рост ВВП на душу населения, формируется рыночная экономика, которая выходит за рамки отдельных стран и приводит к созданию капиталистической мир-системы.

Изменения в социальной сфере характеризуются развитием урбанизационных процессов (рост городского населения, формирование индустриальных форм культуры), появлением и последующей дифференциацией новых социальных групп и классов (пролетариата, мелкого и среднего бизнеса, буржуазии, занятых в сфере обслуживания и т.д.), сокращением разницы в доходах между элитой и массами и в то же время рос-

том горизонтальной и вертикальной мобильности, развитием системы массового среднего и высшего образования, медицинского и социального обеспечения. Как следствие, растет средняя продолжительность жизни (с 30–50 до 70–75 лет), увеличивается общая численность населения, изменяется демографическая модель поведения, уменьшается численность семьи.

Культурная модернизация предполагает создание человека иного типа, ориентированного не на традиционные ценности, а на рационализм. Человек с рациональным типом сознания полностью выделяет себя из окружающего мира. Его сознание способно к логическому аналитическому мышлению в рамках абстрактных категорий и понятий. Последнее приводит к созданию наук и новых технологий. Буржуазная экономика предполагает иное, бережливое отношение ко времени («время — деньги»), формируется новая модель поведения, ориентированная на рыночную экономику, динамические процессы, индивидуализм и персональные достижения. Усердие и трудолюбие становятся ценностями новой цивилизации.

Такая модель предполагает преобразование традиционной политической системы. В капиталистическом мире ослабевает зависимость индивидов и общественных групп от власти, государство начинает восприниматься не как «сила, стоящая над обществом», а как особый институт, выполняющий важные организационные функции в обществе и в силу этого существующий за счет доли налогов (теории «общественного договора»). Создается законодательная база, защищающая частную собственность и предпринимательство, закрепляющая демократические свободы, избирательное право и процедуры периодической смены власти. Общество приходит к необходимости разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, появляются различные независимые от власти организации и ассоциации граждан (профсоюзы и пр.), политические партии, органы местного самоуправления, механизмы неформального воздействия масс на институты власти.

Различным теориям модернизации посвящена обширная литература. Из изданий на русском языке прежде всего следует выделить: *Фурсов А. И.* Развитие азиатских обществ XVII — начала XX в.: современные западные теории. Вып. 1–3. М., 1990–1991; *Штомпка П.* Со-

циология социальных изменений. М., 1996. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Принято выделять несколько волн модернизации. *Первичная* модернизация затронула в основном общества Западной Европы XVI–XIX вв. К странам *второго* этапа модернизации обычно относят государства Восточной и Южной Европы, Россию, Японию и Турцию. *Третий* эшелон модернизации — современные страны Азии, Африки и Латинской Америки. Большинство из них так и находятся на периферии современной мир-системы. Некоторым удалось достигнуть определенных успехов на пути модернизации (Индия, крупные государства Латинской Америки). Наконец, часть стран («азиатские драконы») добилась серьезных достижений.

Было бы неправильно считать, что механизмы политической модернизации реализовывались автоматически. Большая часть стран, прошедших через модернизацию и входящих в ядро и «полупериферию» мир-системы, в той или иной степени была затронута авторитарными процессами (диктатура Кромвеля в Англии, бонапартизм во Франции, Япония эпохи Мэйдзи, кемализм в Турции, фашизм в Италии и Германии, авторитаризм в Южной Корее и т.д.). Одно из немногих исключений — США, которым удалось избежать авторитаризма на пути построения либерального общества.

Особое место занимает вопрос, считать ли специфической формой модернизации создание системы социализма. Важно отметить, что процессы бурного технологического роста в СССР сопровождались возвратом к дорыночной реди-трибутивной экономике, исчезновением эмбриональных институтов гражданского общества. Все эти факторы, равно как и нерасчлененность экономики и политики, тотальное огосударствление общества, «поголовное рабство», сближали общественный строй СССР — административную систему с моделью азиатского способа производства.

Не случайно многие исследователи, начиная с К. Виттфогеля (*Wittfogel* 1957), находили много общего между восточными деспотиями и социалистическим обществом (*Шафаревич* 1977; *Афанасьев* 1989, 1989а; *Васильев* 1989, 1993; *Березкин* 1991; *Иванов* 1993; *Фурсов* 1995). Кроме упомянутых работ, необходимо отметить еще несколько

публикаций: *Fogel J.A.* The Debates over the Asiatic Mode of Production in Soviet Russia, China and Japan // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 93, № 1; *Rapp J.A.* The Fate of Marxist democrats in Leninist parties states: China's debate on the Asiatic mode of production // *Theory and society*. 1987. Vol. 16, № 4; *Смирнов И.* История с историей // *Знание-сила*. 1989. № 7; *Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства и социализм // *Вопросы экономики*. 1990. № 3; Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. М., 1992; *Стариков Е.Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996; *Гринева А.В., Ирошников М.П.* Россия и политаризм // *Вопросы истории*. 1998. № 8; *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* О нынешней ситуации и проблемах изучения российской истории // *Русский исторический журнал*. 1998. Т. 1, № 1.

По всей видимости, сложившееся после 1917 г. общество следует рассматривать как особую «негативную форму синтеза» модернизирующегося традиционного общества с отрицанием капитала, обусловленного влиянием марксизма (М.Н. Афанасьев, Л.С. Васильев, А.И. Фурсов, М.А. Чешков). Данное направление трансформации, по-видимому, было предопределено особой ролью государства в России; слабостью институтов гражданского общества; широким распространением вульгарного марксизма (смесь народничества с «революционным авторитаризмом»). В результате было создано антикапиталистическое по форме общество («государственный способ производства», «индустрополитаризм», «кратократия», «этократия» и т.д.), в котором структурообразующим элементом выступала не собственность, а отношения власти-собственности, основной формой эксплуатации было отчуждение не стоимости, а воли.

Подводя итоги изложенному, необходимо иметь в виду, что в применении к доиндустриальным и неевропейским обществам познавательная ценность концепций модернизации имеет серьезные методологические ограничения, поскольку большинство из них основаны на абсолютизации экономических и политических принципов капитализма. Процессы модернизации не реализуются автоматически. Очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными (если речь идет, например, о воздействии на китайское или исламское общество) или архаическими и традиционными особенностями трансформирующегося общества. Осторожно также следует относиться к одному из основных постулатов модернизационных теорий (истоки данного предположения — в ли-

беральной идеологии XIX в.), согласно которому экономическая модернизация обязательно должна сопровождаться постепенной политической демократизацией. Здесь, скорее, следует разделять определенный скептицизм, которого придерживался П. Сорокин (1992: 336–345). Наконец, у теорий модернизации есть еще один серьезный методологический недостаток. Они рассматривают все изменения только в линейной плоскости, тогда как исторический процесс часто оказывается сложнее прогрессивистской модели и нередко подвержен определенным циклическим флуктуациям.

Опыт изучения антропологами процессов модернизации в неевропейских обществах выявил некоторые закономерности, которые нельзя не учитывать при анализе современных политических процессов. Оказалось, что модели традиционного и бюрократического господства в принципе несовместимы. Рационализм колонизаторов плохо согласуется с личностным характером власти колониальных обществ. В результате давление обезличенного рационального бюрократизма колонизаторов способствовало десакрализации и деформации, а кое-где даже и разрушению системы традиционной власти. Последнее выразилось в злоупотреблении традиционными лидерами служебным положением, росте коррупции, кризисе духовных ценностей. В ряде случаев сложилась своеобразная двойная политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти. Их сосуществование может принимать как мирный, так и антагонистический характер (в форме национально-освободительного и/или религиозного движения). Наконец, для колониального и постколониального общества характерно несовпадение границ его административно-территориального деления и территорий проживания традиционных племенных структур, что часто приводит к острым этнонациональным и межгосударственным спорам (*Balandier* 1967: 188–194; *Куббель* 1988: 190–222).

Мощные пласты достаточно архаичных социально-политических институтов продолжают функционировать. Вероятно, в течение длительного времени они будут существенно влиять на политические процессы в странах с сильными традиционными укладами. Веками сложившаяся политическая

культура будет обновляться и модернизироваться медленно и крайне болезненно. В этом плане, очевидно, не составят исключения многие постсоциалистические страны, где клановые, трайбалистские, кастовые, патронажно-клиентные и другие подобные отношения были не изжиты, а только законсервированы. В условиях, когда жесткая, сверхцентрализованная партийно-административная система оказалась практически разрушенной, в ряде новых стран СНГ и республик России эти факторы выступают на первый план, обуславливая многочисленные конфликты (Бочаров 1995; Khazanov 1995; Хорос 1996; Афанасьев 1997 и др.). Имеет смысл проиллюстрировать сказанное конкретными примерами того, как прямое перенесение современных политических институтов западной цивилизации в развивающиеся и переходные общества приводит к результатам, прямо противоположным ожидавшимся.

Традиционные правители

Одна из наиболее сложных задач любой колониальной и постколониальной администрации — комплектование низших звеньев аппарата управления. Практически в каждой стране колонизаторы столкнулись с дилеммой: ограничиться «косвенными» методами, оставив на местах традиционных местных вождей и старейшин, или перейти к более жесткому «прямому» управлению завоеванными территориями.

Политика отмены традиционных институтов власти (что было характерно в том числе для стран социалистической ориентации) и формирование мелких чиновников из местного населения, получившего европейское образование, чаще всего не приносили желаемого результата. Бывшие вожди сохраняли высокий статус, а «назначенцы» из непривилегированных групп и тем более из чужаков, как правило, не пользовались авторитетом. С точки зрения общинников, во-первых, носитель власти должен обладать ею «по праву»; во-вторых, законная власть должна действовать в соответствии с принятыми «испокон века» нормами и не нарушать привычного течения жизни; в-третьих, не учитывающий такие нормы поступок и тем более просчет представителя новой власти мог восприниматься общинниками как кара небес за нарушение заветов предков и даже как черная магия.

С подобным положением дел столкнулись, в частности, представители советской власти на территории Средней Азии и Кавказа. Коммунисты, как правило, не учитывали традиционные устои жизни местных жителей, расценивая их как пережитки так называемого патриархально-феодалного общественного уклада. По этой причине население часто отказывалось поддерживать власть большевиков. Вследствие конфликтной ситуации во главе местных органов власти ставились лица, лояльные режиму, но не пользовавшиеся авторитетом у односельчан и традиционно имевшие наиболее низкий статус в своей группе. Нередко они использовали полученную власть в личных целях. Это приводило к еще более сложной ситуации, для разрешения которой власть использовала карательные механизмы в форме репрессий, раскулачивания и т.д. (Бабич 1999: 145–146).

С точки зрения рационального поведения, ориентированного прежде всего на результат, для достижения значительного административного эффекта следовало бы привлечь к управлению местную молодежь, которая всегда и везде инициативна, наиболее активно стоит за преобразования. Однако реально результаты могут оказаться как раз противоположными. В условиях доминирования системы возрастных статусов (особенно в Африке) молодежь, даже и получив современное образование, не приобретала необходимого влияния в общине и, следовательно, без дополнительного насилия не могла успешно выполнять административные функции. Бывшие вожди сохраняли высокий статус, а «назначенцы» из непривилегированных групп и тем более из чужаков, как правило, не пользовались авторитетом (Бочаров 1992).

В целом, как показывают исследования антропологов, во многих постколониальных государствах административно-управленческая роль традиционной племенной аристократии остается весьма значимой. Даже если традиционные статусы и ранги отменялись декретами сверху и устраивались выборы, то в органах власти оказывались либо те же самые представители племенной верхушки, либо их ставленники.

В Нигерии даже в середине XX столетия более трети чиновников принадлежало к семьям вождей (Сокова 1986: 163). Подобный пример можно привести и из отечественной истории. Антропологи описали слу-

чаи, когда в процессе советизации горных районов Киргизии традиционная верхушка (*маналы*) не шла на конфликт с новой властью. Это дало возможность ее представителям занять те или иные должности в местной администрации. Данные лица пользовались авторитетом у односельчан и обеспечивали достаточно эффективное управление. Но под лозунгами новой коммунистической идеологии тщательно скрывалось прежнее содержание: сохранялись патронажно-клиентные отношения между богатыми и бедными сельчанами; прикрываясь призывами к обобществлению средств производства, зажиточные категории населения использовали право редистрибуции общественных ресурсов на свои собственные нужды (*Кушнер* 1924: 107–109). Немалое количество подобных фактов приводится в сборнике «*Этнические аспекты власти*» (*Бочаров* 1995).

В Абхазии, согласно традиции, представители наиболее уважаемых местных родов и семей вплоть до настоящего времени избираются на руководящие должности в сельской администрации (*Крылов* 1997). Нечто подобное можно наблюдать, например, и в Горном Алтае, где несколько лет назад на выборах руководителей ряда местных органов самоуправления прошли главы родовых структур — *зайсаны*. Количество подобных примеров нетрудно увеличить.

Статус политического деятеля, по обычаю, во многом опосредован его положением в системе традиционной иерархии данного сообщества. Прослеживается определенная взаимозависимость между положением индивида в партийно-государственном аппарате и его статусом в мужском союзе или в тайном обществе. При этом продвижение вверх по иерархии в одной системе, как правило, сопровождается повышением статуса в другой; лидеры традиционной системы иерархии, прямо не представленные в официальной политической власти, нередко оказывают сильное влияние на принятие важнейших политических решений. Более того, поскольку параллельные структуры часто обладают более сильным влиянием на своих сторонников, чем государство, они оказывают прямое воздействие на характер, формы и темп демократической эволюции. Поэтому перспективы стабильной демократизации зависят от того, смогут ли правительства посттрадиционных стран договориться с этими влиятельными социальными силами о приемлемом для обеих сторон механизме раздела сфер влияния и распределении

материальных ресурсов (*Бочаров* 1992: 218–219; *Owusu* 1997: 147–148).

Искажение изначальных целей модернизации демонстрируют и результаты прямого внедрения в традиционные общества западных либерально-демократических институтов. Многопартийная система, парламентаризм, разделение различных ветвей власти и т.п. — все это нередко вызывает обратные результаты, весьма нежелательные с точки зрения задач демократизации. Поскольку колониальные в недавнем прошлом общества сохраняют свою традиционную социальную ткань, партийные организации часто формируются на родоплеменной или конфессиональной основе (*Sandbrook* 1996). В таких условиях выборы в представительные органы власти основываются не на политических программах, а на их принадлежности к тем или иным традиционным структурам.

Для примера можно сослаться на процедуру выборов в парламент Папуа Новой Гвинеи в 1964 г. Количество кандидатов в каждом избирательном округе, как правило, соответствовало числу племенных или родовых групп, проживавших на этой территории. Предвыборные кампании организовывались в виде традиционных празднеств с обильными раздачами пищи и даров (*Бутинов* 1995). В Таиланде голоса отдаются не той или иной партии, а так называемому «большому человеку», который с помощью неформальных связей пользуется поддержкой своих клиентов и иных лиц. Да и сами партии созданы на основе личностных отношений вокруг того или иного авторитетного лидера (*Хорос* 1996: 94–106). Нетрудно заметить, что аналогичным образом организованы едва ли не все (за исключением, пожалуй, КПРФ) политические партии современной России.

Нередко в электоральную борьбу вовлекаются большие массы людей, не имеющих элементарного демократического опыта. Она выливается в крупномасштабные межплеменные, межэтнические или межрелигиозные столкновения. Все это ведет к внутренней политической нестабильности, кризисам и политическим переворотам.

Национализм В отличие от отечественной науки, где национализм понимается как шовинизм, в западной антропологии национализм принято разделять на гражданский (территориальный) и этнический (*Геллнер* 1991). Этнический национализм является следствием экономической

и политической модернизации в мультиэтнических обществах. Индустриализация, а в современности и глобализация ведут к унификации всех сторон образа жизни и культуры, что предполагает рост этнической напряженности и национализма. Примером этого может служить любая азиатская страна СНГ, где партии и движения, возникшие в годы перестройки и после распада СССР, организованы по этническому признаку.

Резюмируя изучение постсоветского национализма, А.М. Хазанов приходит к выводу, что схема межнациональных отношений в постсоветском пространстве в целом не изменилась (Khazanov 1995: 92–94):

1. Низвержение коммунизма в Советском Союзе и странах Восточной и Центральной Европы в большей степени было обусловлено влиянием внешней ситуации, чем факторами внутреннего развития.

2. Перспективы демократизации в определенной мере опосредованы прежним политическим опытом общества и степенью его сопротивления тоталитаризму.

3. Как на территории бывшего Советского Союза, так и во многих странах бывшего соцлагеря в Европе у власти остались в основном представители старой коммунистической элиты, вышедшие из прежнего режима. Место русской номенклатуры заняла национальная номенклатура.

4. Несмотря на то что некоторые атрибуты и процедуры либеральной демократии оказались внедренными в посткоммунистическое общество, бюрократический аппарат, силовые структуры и иные институты прошлого по-прежнему имеют важное значение.

5. В странах бывшего СССР государство продолжает осуществлять произвольный контроль над экономикой.

6. В посткоммунистических обществах национализм заменил коммунизм в качестве господствующей и государственной идеологии.

7. В целом социальное пространство для становления гражданского общества в большинстве посткоммунистических стран остается ограниченным.

Подводя итоги, Хазанов приходит к выводу, что схема межнациональных отношений в постсоветском пространстве не изменилась. Если большинство представителей нерусских наций

из «братских» республик Советского Союза экономическое процветание и национальное возрождение прямо связывали с политической независимостью, то вряд ли стоит удивляться тому, что национальное освобождение нерусских частей Советского Союза по сути превратилось «в этническое освобождение некоторых групп за счет других». В результате в новых независимых государствах этнические русские превратились в национальное меньшинство, со всеми «прелестями» подобного этносоциального статуса (Khazanov 1995: 56–57, 87–89).

Это подтверждается многочисленными эмпирическими данными. Проиллюстрируем вышесказанное на примере изучения опубликованных выводов социологических опросов. Необходимо иметь в виду, что социологические опросы часто не могут зафиксировать наличие этнического неравенства. Нередко прямая постановка подобного щекотливого вопроса (например — «Предпочитаете ли Вы, чтобы руководитель был Вашим родственником» или «Если бы Вы были руководителем, то собрали бы вокруг себя своих родственников») вызывает, как правило, однозначно отрицательный ответ (Смагамбетова 1998: 21). В деликатных случаях люди нередко неосознанно склонны оценивать свои поступки в более положительном контексте, чем это есть на самом деле (вот где простор для антропологов (!) и методов прямого и включенного наблюдения). Однако различные косвенные данные указывают на существование определенной этнической дискриминации.

Например, в Казахстане, согласно социологическим опросам, представители титульного этноса гораздо меньше, чем другие национальности, склонны отмечать наличие в своей стране межэтнических противоречий, нарушений прав человека, бюрократических злоупотреблений, дискриминации при выдвижении на руководящие должности. Казахи же чаще полагают, что титульная нация должна иметь определенные преимущества перед другими этносами Казахстана (в образовании, приватизации и т.д.), и что особенно симптоматично, более трети казахов считают, что эти преимущества должны учитываться при выборах в органы власти (Аренов, Калмыков 1998: 48–51, 53, рис. 2, 4, табл. 5). Интересно также, что в числе тех, кто считает, что они живут удовлетворительно или в достатке, больше казахов, чем представителей других национальностей (там же: 46).

Это, очевидно, обусловлено наличием мощного традиционного пласта в ментальности (в том числе в политической культуре) казахов. Практически все респонденты неказахских национальностей практически единодушно фиксируют среди характерных черт казахской этничности «гостеприимство», «приверженность традициям» и «уважение к родственникам» (там же: 56, табл. 8). А что лучше иллюстрирует «при-

верженность традициям», чем обычай родовой и племенной взаимопомощи и, как частный вариант этого, протекционизм по отношению к родственникам!

Более реально факт этнического неравноправия отражает число представителей той или иной национальности в различных органах власти. Рассмотрим его на примере того же Казахстана. Этнонациональный состав высшего законодательного органа власти страны на 1990–1993 гг. приблизительно соответствовал этнонациональному составу населения республики. Удельный вес представленности титульной нации (так называемый коэффициент Празаускаса — КПр)* составляет 1,2. Для русских КПр равен 0,9. В то же время доля русского населения в исполнительных органах власти существенно меньше. К 1993–1994 гг. КПр на местном уровне для русских уменьшился с 1 до 0,7, тогда как для казахов вырос с 1,2 до 1,3. В аппарате кабинета министров число казахов еще больше (для русских 0,6, для казахов — 1,5). Но еще значительнее диспропорция в аппарате президента Н. Назарбаева (для русских 0,5, для казахов 1,7) (Галиев др. 1994: 43–44, 47–51, 53–55).

Подобное положение дел характерно не только для ныне независимых государств, но и для многоэтничных субъектов Российской Федерации. Почти во всех национальных республиках политическая власть контролируется титульными этносами, даже если они и не составляют большинства численности населения. Так, в законодательном органе власти Якутии КПр составил 1,8 для якутов и 0,6 для русских (Khazanov 1995: 177–179). В Татарстане титульная нация преобладает как в административном аппарате, так и в парламенте (КПр соответственно равен 1,6 и 1,5). В законодательном органе власти Башкортостана КПр составляет 1,9–2,5 для башкиров, 0,5–1 для татар и 0,5 для русских; в исполнительном органе — соот-

* Коэффициент Празаускаса рассчитывается путем деления доли того или иного этноса в соответствующем органе власти на долю этого этноса в удельном весе всего населения страны. Соответственно единица свидетельствует об адекватной представленности данного этноса в соответствующих органах власти. Если КПр больше единицы, можно говорить о привилегированном положении этноса, если меньше — о дискриминационном положении.

ветственно 2,7–3, 0,5–0,7, 0,4–0,5 (Галлямов 1999: 166–167). Схожая ситуация в Адыгее, где адыгейцев еще меньше, но они практически полностью контролируют структуры власти (Тишков 1997: 120). Подобных примеров можно привести еще достаточно много.

Однако между поведением власти в независимых государствах СНГ и многонациональных субъектах Российской Федерации есть принципиально иная, отчасти зеркальная разница. Титульные элиты бывших республик СССР озабочены укреплением своей власти и полагают, что это можно обеспечить вытеснением представителей других наций из государственных институтов, навязыванием своего языка и культурных ценностей нетитульным этносам. Но при этом разрешение межэтнических противоречий окажется возможным только после создания новых наций с синкретичной культурой (вопрос в том — насколько это реально) либо после максимального вытеснения (вплоть до иммиграции) русскоязычных меньшинств.

Национальная элита полиэтничных республик России нередко ведет себя аналогичным образом, что позволяет видеть в происходящих процессах определенную закономерность. В то же время ситуация здесь сложнее. Эти республики не являются самостоятельными государствами, и федеральный центр озабочен развитием националистических тенденций в отдельных регионах страны. Однако политика «выплавления» единой нации здесь едва ли применима. С одной стороны, центр должен учитывать этнокультурные особенности различных субъектов Федерации, с другой — он не должен забывать о задачах государственной безопасности и бороться против сепаратистских устремлений. Удастся ли правительству и президенту найти общенациональный консенсус, который поддерживался бы всеми гражданами независимо от их этнической принадлежности, — это ключевой вопрос, от которого зависит будущее страны.

Сакрализация власти

Для традиционных обществ в принципе не характерна идея дробности власти. Правитель является единственным носителем сакрального статуса, любые иные институты власти автоматически воспринимаются как подчиненные ему агенты. В слу-

чае попыток копировать западную модель разделения властей, как правило, не только сам правитель, но и большинство населения воспринимает законодательную власть как нежелательного, дестабилизирующего и ненужного конкурента. Поэтому нередко во главе нового посттрадиционного государства становится лидер харизматического толка, облеченный почти неограниченными полномочиями, а руководимая им партия превращается в государственную, монопольную.

Данную ситуацию хорошо иллюстрируют, например, практикуемые в ряде африканских государств обновленные формы традиционной клятвы верности. Преданность обещают уже не вождю или королю, а партийному лидеру (не народу, не стране!). Так, в Габоне члены политбюро перед вступлением в должность произносят клятву: «Я клянусь и обязуюсь... быть лояльным и верным генеральному секретарю партии» (*Бочаров* 1992: 227). В Заире после переворота 1965 г. главой государства стал Мобуту Сесе Секо, который возглавлял и единственную в стране партию (НДР), объединяющую практически все взрослое население страны. В стране возник культ личности Мобуту («мобутизм») — вождя и отца нации, который выступает в качестве оплота мира и стабильности в стране. «Мобутизм» трансформировался в светскую религию, в число базисных постулатов которой входит обоснование исконности власти Мобуту, соответствие ее традиционным ценностям заирского народа, внешнее подобие президентской власти власти традиционного вождя. Каждый день перед телевизионными новостями шла заставка с портретом Мобуту, сопровождаемая и со словами: «Заир — одна страна, у Заира — одна партия, а у партии — один вождь» (*Хорос* 1996: 32–34).

В известной степени схожие тенденции можно было наблюдать и в союзных республиках Средней Азии. В газете «Правда» от 25 января 1986 г. приводится информация о первом секретаре одного из райкомов КПСС в Дагестане Османове, который «дошел до того, что ему не нравилось, когда его называли по имени-отчеству, и требовал, чтобы к нему обращались “ахюр”, что в переводе означает “ваше величество”». В.В. Бочаров цитирует аналогичный пример из «*Казахстанской правды*» за 1987 г., в котором подобный факт сообщался в отношении первого секретаря Чимкентского райкома партии (1997: 139).

В ныне независимых государствах СНГ данные явления приняли не менее масштабный характер. Ярким примером этого является кампания по возвеличиванию президента Тур-

кмени С. Ниязова. День его рождения (19 февраля) объявлен национальным праздником. Его именем названы более ста различных объектов, в том числе бывший Красноводский залив Каспийского моря, Академия сельскохозяйственных наук, корабли, многие улицы, колхозы и совхозы и, что весьма символично, бывшие проспект Ленина и Ленинский административный район в Ашхабаде. Портреты и бюсты Туркменбаши красуются во всех официальных и публичных местах. Газеты республики пестрят лозунгами «Туркменбаши — наша сила», «Туркменбаши — наша мудрость», «Туркменбаши — наша надежда».

Про Туркменбаши слагают легенды. Согласно одной из них, он, подобно архаическим вождям, смог во время официальной встречи с президентом США, которая проходила на свежем воздухе, разогнать тучи и предотвратить дождь. Еще более впечатляет текст ежедневного утреннего обращения дикторов государственных туркменских телерадиостанций к народу:

«Аллах, благослови нашего вождя. Сохрани ему жизнь на долгие годы и окажи ему содействие во всех начинаниях... Туркменистан — моя родина, и если я нанесу ущерб своему отечеству, пусть отсохнут мои руки, если я скажу что-то плохое о своем президенте, пусть отсохнет мой язык, а если же я изменю своей родине, то пусть прекратится мое существование» (цит. по: *Васильев А. М.* 1998: 173).

Семантика данного обращения очевидна и не требует комментариев. Если в рациональном государстве применение санкций основывается на узаконенном насилии, то в традиционном обществе власть носит священный характер, нарушение сложившихся норм ведет к нарушению равновесия между миром людей и миром сверхъестественных сил, к вмешательству богов и злых духов в дела людей.

Взятка и подарок

Многие механизмы и нормы политического поведения, свойственные традиционным обществам, продолжают функционировать и сегодня. Широко известны описания взяточничества, коррупции, протекционизма, кумовства в постколониальных и посттрадиционных обществах. Имеет смысл привести один из показательных примеров, зафиксированный отечественными этнографами в Горной Киргизии середины 20-х годов XX в.

«Весь уклад жизни облегчает и, в некоторой части, провозирует взяточничество. Начать с того, что “подарки” даются всем, кто приезжает на кочевье или зимовку... Почетного гостя (а начальник всегда почетный гость) всячески угощают, дают лошадей для проезда, провизию на дорогу и все бесплатно в силу гостеприимства. Взять деньги с гостя считается побором, разъезжая по горной стране, “начальник” ничего не платит: бесплатно ест, пьет, берет с собой в дорогу провизию в живом виде, т.е. баранов... Начальников в Горной Киргизии много. Не только милиционер — начальство. И секретарь комсомольской ячейки — начальство, и секретарь партийной ячейки — начальство, и любой инструктор — начальство, и следователь, и судья, и лесообъездчик. Все надо делать “соиш”, всех надо угощать и одаривать. В конце концов самый “соиш” превратился в особый вид налога, который население платит хаотично, в силу различных случайностей» (Кушнер 1929: 102–103).

Интерпретируя эту яркую зарисовку из жизни горных киргизов, необходимо понимать, что описываемые явления имеют несколько иное, по сравнению с современными, содержание. Так называемая «взятка» восходит к институтам перераспределения и дарообмена в доиндустриальных обществах. Она выступает не только и не столько как «вознаграждение за совершение определенных действий в интересах взяткодателя» в современной юридической трактовке, но и как определенный обязательный (обусловленный обычаем, традицией) символически-коммуникативный акт поведения. Без него последующее установление и поддержание отношений сторон не представляется возможным. Известны случаи, когда чиновники местного уровня в государствах третьего мира, пытаясь следовать либеральным нормам западной цивилизации, отказывались брать подношения просителей, не отдавали предпочтение родственникам в перераспределении статусов, ресурсов или каких-либо иных услуг. Это вызывало осуждение не только у их сородичей, но и у других лиц, так как нарушало обычные нормы.

Из этнографических описаний известно, что во многих традиционных обществах Африки, Азии и Океании существовали обычаи одаривать вождей и старейшин за посреднические функции в улаживании конфликтов. Согласно одному из них, в Нигерии

«как вождь при определенных обстоятельствах приносит жертву предкам, а его свита или члены большой семьи делают подарки вождю, так и внутри правительственной бюрократии клиент должен преподносить “напитки”, “орех кола”, “чаевые” и т.д. гражданскому служащему... Клиент демонстрирует в данном случае признание им высшего статуса бюрократии» (цит по: Сокова 1986: 164).

Высшая власть в новых независимых государствах Африки нередко пыталась отменить данную практику, полагая, что чиновники «служат народу» и не должны преследовать личной выгоды. Однако простые общинники настаивали на сохранении прежних обычаев (вплоть до обращения в высшие органы власти), мотивируя это тем, что успех миротворческой акции прямо зависел от принятия дара посредником. В такой ситуации танзанийские политические лидеры пошли, например, на своеобразный компромисс. Они разрешили посредникам делать символические подношения: канцтовары, национальные флаги и т.д. (Бочаров 1992).

Подобные архаичные принципы престижной экономики стали благодатной почвой для расцвета взяточничества в республиках Средней Азии и Закавказья в советское время. Здесь процветал так называемый *бакшиш*. Согласно данным, приведенным в закрытом докладе Г. Алиева на пленуме ЦК КП Азербайджана в 1970 г., пост районного прокурора в этой союзной республике стоил 30 тыс. руб. Чтобы стать начальником райотдела милиции, надо было заплатить несколько больше — 50 тыс. руб. Для сравнения необходимо указать, что официальный месячный оклад первого был 150–180 руб., второго — 200–250 руб. Гораздо дороже стоили партийные кресла: должность первого секретаря райкома стоила 200 тыс. руб., второго — «всего» 100 тыс. руб. Прибыльное место ректора вуза могло быть куплено также за 200 тыс. руб., пост министра торговли — на 50 тыс. руб. больше (Восленский 1991: 280–284).

Азербайджан не был исключением. В Грузии министерские посты стоили от 100 до 300 тыс. руб. Однако конкуренция была больше и, по словам Восленского, превращалась в «своего рода аукцион» (1991: 284–285).

Все сказанное в полной мере применимо как к прошлому (Орлова 1999), так и к современному состоянию России (если не в больших масштабах), где взяточничество и коррупция

чиновников достигли гигантских масштабов, что подтверждается как интуитивными ощущениями, так и социологическими опросами лиц, сталкивавшихся с данными явлениями в своей деятельности. По некоторым оценкам, до 70% российских чиновников берут взятки (Глинкина 2000).

Подарки-взятки в традиционных и современных обществах тесно связаны с массовыми праздниками. Наиболее масштабные из обрядовых праздников опосредованы различными важными событиями в жизни человека или общины (свадьба, похороны и т.д.). Чем выше статус человека и его имущественный достаток, тем более пышным должно быть соответствующее празднество. В обществах с сильным традиционным укладом данное явление принимает особенно масштабный характер. Бедные стараются не ударить в грязь лицом, чтобы было «не хуже, чем у других». Богатые стремятся затмить пышностью не столько соседей, сколько лиц равного им статуса. Это дополнительно повышает их престиж в глазах родственников и земляков. Несколько лет назад в Узбекистане некоторые чиновники высшего ранга лишились своих кресел «за проявленную нескромность и тщеславие, помпезность и расточительство при проведении семейного свадебного торжества» («Правда Востока», 22 октября 1998 г.). Через неделю в том же издании был напечатан другой президентский указ, в котором выражалась озабоченность активизацией дарообменных ритуалов.

«В последнее время во многих местах нашей страны в проведении свадеб, семейных торжеств, поминальных обрядов, мероприятий, посвященных памяти усопших, допускаются такие пережитки прошлого, как тщеславие, помпезность, чрезмерная расточительность, пренебрежение народными традициями, шегольство, пренебрежение к нуждам живущих вокруг людей».

Описанная ситуация едва ли сильно отличается от положения дел в других среднеазиатских странах СНГ. Можно также считать, что данные явления широко распространены во многих посттрадиционных государствах Азии и Африки.

Клановая структура

Еще один институт, рассматриваемый как пережиток племенного строя, — так называемое кумовство и местничество. В самом широком смысле это — практика протекционистского привлечения к управлению ближних и дальних родственников, зем-

ляков, которая сопровождается вытеснением с ключевых постов лиц, не состоящих с иерархом в родственных отношениях. Было бы наивно отрицать, что такие факты изжиты в индустриальных обществах. Это широко распространенное в истории явление основано на глубоких биологических корнях — противопоставлении «свой-чужой», реальном предпочтении общения с родственниками (Лоренц 1994; более подробно об этом см. гл. 2). Для традиционных неевропейских обществ лояльность человека по отношению к коллективу была базисом отношений власти. Каждый индивид не представлял собой самостоятельную личность, а выступал только как представитель той или иной группы. Даже в современной незападной политической культуре политик может быть признан авторитетной фигурой только тогда, когда за ним стоит коллектив — партия, община, ассоциация или этнос (Рубе 1985). Однако в обществе с сильными клановыми (родовыми) и племенными связями данное явление принимает поистине масштабный характер.

Типичным примером этого может служить Бенин, где после смены авторитарного режима М. Кереку к власти пришел Н. Согло, который на волне борьбы с автократией очень быстро окружил себя родственниками, занявшими практически все высшие административные посты, что послужило одной из причин возвращения к власти через несколько лет прежних сил. Схожая ситуация существует и в Заире, где родственники «отца нации» Мобуту и выходцы из близких этнических групп монополизировали практически все основные должности в органах государственной власти.

Практика кумовства и местничество имеет важное идеологическое обоснование. В традиционном обществе носитель власти всегда выступает только как представитель, лидер определенной группы. Он воспринимается как ее центр, фокус священной силы и обязательно должен разделить с ней свои властные функции и привилегии. Не случайно обладателем «мандата Неба» на правление той или иной территорией или народом считался не конкретный правитель, а весь его род или род. Поэтому нет ничего удивительного в том, что властвующие группировки в странах третьего мира и новых независимых государствах стремятся к тому, чтобы вытеснить с ответственных постов всех тех, кто не связан с членами этих группировок кровными, семейными, земляческими узами.

Такому вытеснению особенно благоприятствует авторитарная закрытость кадровой политики. Так, занятие поста Первого секретаря КП Азербайджанской ССР Г. Алиевым привело к проникновению в руководящие органы власти республики его земляков из Нахичевани и постепенному вытеснению ставленников Ахундова. После переезда Алиева в Москву на повышение при Багирове в Азербайджане началась новая ротация кадров. Схожим образом «совершенствовались» партийно-государственная номенклатура, например, в Узбекской ССР при Ш. Рашидове.

Иногда информация о клановом характере органов власти республик Средней Азии и Закавказья просачивалась в прессу. Так, в газете «Заря Востока» от 28 февраля 1973 г., после пленума ЦК КП Грузии, на котором произошла замена высшей местной номенклатуры, была опубликована официальная статья:

«Протекционизм, местничество, землячество, карьеризм процветают на почве родственных связей и коррупции... жены и члены семьи начинают подменять на должности своих высокопоставленных мужей, в узком родственном, семейном, приятельском кругу начинают решаться государственные проблемы... На руководящие должности назначались работники не по их деловым и моральным качествам, а по протекции, знакомству, родственным связям, по принципу личной преданности... На руководящие посты иногда назначались недостойные люди по рекомендации случайных лиц. Все чаще раздавались в кадровых аппаратах слова “хозяин так сказал”, “хозяин так желает!”. В ряде случаев комбинаторы, взяточники, вымогатели сумели нечестным путем занять даже руководящие должности... Среди многих руководящих работников культивировалось весьма вредное мнение о нежелательности вынесения “сора из избы”. Замалчивались факты взяточничества, хищений».

Нетрудно представить, что на самом деле скрывалось за казенным языком выверенных референтами и цензорами стандартных газетных формулировок того времени.

В настоящее время в бывших республиках Средней Азии и Казахстане — ныне независимых государствах — согласно местной традиции сохраняется влияние местных клановых и родоплеменных групп. В Узбекистане они концентрируются по географическому признаку (Ташкент, Бухара, Самарканд).

Численно преобладает и доминирует столичный клан. Занятие административной должности возможно только в случае принадлежности к тому или иному клану. Резко закрыт доступ в престижные вузы национальным меньшинствам (особенно русским).

В Киргизии насчитывается несколько уровней традиционной структуры элиты, которая так и не была разрушена технологической и культурной модернизацией, проведенной в советский период. Она «лишь ослабила, но отнюдь не ликвидировала веками сложившуюся иерархию подчинения и соподчинения племен и кланов, их борьбу за влияние и власть» (Васильев А. М. 1998: 296).

На самом высшем уровне иерархии элита подразделяется на две противостоящие друг другу группировки выходцев из южных и северных районов Киргизии при общем доминировании выходцев с севера. Истоки данного противостояния уходят в двухкрыльевую систему традиционной генеалогической организации кочевников. Дуальное деление политической элиты усложнено наличием ряда авторитетных кланово-родовых групп. Среди северян это, например, роды *тугу* (Иссык-Куль), *салто* (Чуйская долина), но особенно клан *сары-багы* (Чуйская долина и Наранская область), из которого, кстати, происходит президент Киргизии А. Акаев.

Помимо этого, в последние годы прослеживается тенденция активизации представителей бывших аристократических (*манапских*) кланов, оттесненных от механизмов власти и контроля в годы советской власти (Кушнер 1924). Последние интенсивно участвуют в борьбе за влияние на местном уровне, пытаются продвинуть своих ставленников на те или иные ключевые должности в различных ветвях аппарата власти, стараются вытеснить «неродовитую» партийно-государственную номенклатуру, сделавшую карьеру в годы советской власти (Васильев А. М. 1998: 296–297).

В Таджикистане клановое разделение может быть прослежено в нескольких аспектах (*там же*: 217–219, 242–243): прежде всего оно прослеживается по линии «север (условно Ленинадский район с большей численностью городского населения) — сельскохозяйственный юг». *Ленинадская* группа (*худжандский* клан) традиционно является одним из наиболее авторитетных формирований. В советское время

ее представители занимали ключевые партийно-государственные должности в республике. Эта традиция отчасти продолжает сохраняться и в постсоветское время. В частности, бывший президент Таджикистана Р. Набиев — выходец из худжандского клана. *Кулябская* группировка, в противопоставление «элитному» северу, отражает интересы жителей сельскохозяйственных районов. После прихода к власти представителя этого клана Э. Рахмонова началось постепенное вытеснение ленинабадцев с ключевых постов в правительстве, силовых ведомствах и правоохранительных органах, идеологических институтах. *Гиссарская* правящая группировка, и географически, и политически занимает промежуточное положение между Ленинабадом и Кулябом. *Гамарская (каратегинская)* группировка сосредоточила свои интересы вокруг торговли и потребительской кооперации. На ее базе создана Исламская партия возрождения, экстремистские группы боевиков — ваххабитов. Особое положение занимают *памирцы (бадахшанская)* группировка, говорящие на восточно-иранских языках и являющиеся в отличие от большинства таджиков-суннитов шиитами-исмаилитами. По мнению специалистов, Памир — это маленькая таджикская «Сицилия» (особенно если вспомнить теорию о специфике политической системы горских народов).

Более изученными представляются вопросы клановой политической структуры Казахстана. В этническом самосознании казахов выделяются четыре уровня: общеэтнический, локальный (жуз), родоплеменной, территориальный, вне зависимости от этнической принадлежности. Локальная (клановая) структура основана на генеалогии жузов (Большой, Средней и Малой орды). Большой жуз традиционно кочевал в районе Семиречья, Средний занимал территорию Восточного Казахстана, а Младший располагался в Западном Казахстане. Однако генеалогически выше любого из жузов стояли привилегированные кланы — потомки Чингис-хана *торе* и потомки святых *тожа* (Наумова 1991; Масанов 1996; Смагамбетова 1998; Савин 2000).

Северные казахи, как правило, знают название своего жуза и племенной группы более низкого таксономического уровня. На юге данная информация имеет большее значение, поскольку от этого зависит статус и материальное состояние человека. Старшее поколение даже старается придерживаться экзогамии. Родовое деление может быть прослежено в похоронной обрядности, поскольку при проведении похорон семья умершего должна одарить подарками старейшин всех ро-

довых (клановых) групп, проживающих в данном населенном пункте (Наумова 1991).

Казахский антрополог Н.Э. Масанов (1996) подробно рассмотрел историю борьбы между клановыми группировками Казахстана в XX в. В советское время, несмотря на жестокие сталинские репрессии, представители Среднего жуза длительное время преобладали в казахской интеллектуальной элите: в искусстве (например, О. Сулейменов, М. Тулебаев, Ш. Айманов), в науке (многие академики и даже президенты АН КазССР), отчасти в партийно-государственном аппарате (самый первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. Шаяхматов, Предсовмина Н. Ундасытов и др.). С 60-х годов лидирующие позиции перехватывает Старший жуз. Первым его знаменитым выдвиженцем стал «главный» казахский поэт Джамбул. Выходцем из Старшего жуза был Д. Кунаев, занимавший главный партийный пост в республике с 1962 по 1986 г. Пользуясь личными связями и покровительством Л.И. Брежнева, Кунаев постепенно расставил на многие ключевые должности своих соплеменников и родственников. Его младший брат А. Кунаев стал президентом АН КазССР. При нем начали карьеру А. Аскараров, А. Аухадиев, Н. Назарбаев. В годы правления Кунаева казахи в целом активно рекрутировались в партийно-государственный аппарат всех уровней. К 1989 г. они составляли 51% административного персонала республики, но зато среди квалифицированных и неквалифицированных рабочих было соответственно только 3 и 11,3% казахов (Khazanov 1995: 159–160). А к 1994 г. диспропорция достигла еще больших размеров: в аппарате президента и кабинете министров доля казахов составила 74%. Диспропорция в пользу казахов налицо даже в местных администрациях северных областей, где традиционно доля русско-этничного населения выше. Эта тенденция продолжает усиливаться. Только выборы в Верховный Совет примерно отражали реальное соотношение численности между этносами (Галиев и др. 1994: 43–44, 47–51).

Младший жуз традиционно находился на второстепенных ролях и в силу этого отличался большей корпоративной сплоченностью. Выдвиженцы жуза в период правления Ю.В. Андропова, возможно, рассматриваясь последним как конкуренты брежневской партийной элиты, были поставлены на ряд

ключевых постов (в частности, З. Камалиденов, прошедший путь от секретаря ВЛКСМ Казахстана до руководителя местного КГБ и секретаря ЦК Компартии Казахстана по идеологии). Однако быстрая смерть Андропова и реставрация брежневских порядков затормозили этот процесс.

В годы перестройки соперничество жузов возобновилось. Оказавшись в сложной ситуации, М.С. Горбачев решает направить в Казахстан человека со стороны — тогдашнего первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Г.В. Колбина. Однако это вызвало стихийные беспорядки в декабре 1986 г. Поскольку Колбин, по мнению Н.Э. Масанова (1996), рассматривал свое кресло как трамплин для последующей карьеры в столице, приход к власти кунаевского протеже Н. Назарбаева был «делом техники».

В 1989 г. Назарбаев, став первым секретарем ЦК КП Казахстана, отправил на пенсию всех своих бывших или потенциальных конкурентов, утвердил монополию на власть Старшего жуза, а после распада Советского Союза еще больше укрепил свои клановые позиции, поставив на различные государственные посты своих ближайших родственников. Это явление достигло такого размаха, что в прессе появился новый термин — «чемолганизация» властных структур (село Чемолган — родина Назарбаева). Не случайно также, что именно в Акмоле и Караганде, с которыми связано детство и молодые годы Н. Назарбаева, электорат доверяет ему больше, чем в других регионах Казахстана.

Тем не менее невидимая для посторонних наблюдателей клановая борьба продолжается по сей день. Экспертный опрос, проведенный Институтом развития Казахстана, показал, что 29% респондентов полагают существенной роль жузовской и клановой принадлежности в распределении привилегий, постов и должностей (Смагамбетова 1998:23). В начале 90-х годов XX в. академики (как уже отмечалось, эта ниша традиционно занята представителями Среднего жуза) провалили на выборах назарбаевского ставленника У. Джолдасбекова, отдав предпочтение кандидату от своего клана экономисту К. Сагадиеву. По всей видимости, это и предопределило судьбу национальной Академии наук.

Иллюстрацией взаимосвязи клановости и политики в этом государстве являются выборы спикера парламента в 1994 г. Все три казахских жуза выдвинули своих кандидатов. В ходе обсуждения кандидат от Среднего жуза (О. Сулейменов) снял свою кандидатуру. В этой ситуации стало ясно, что претенденту от Старшего жуза (представителем которого является президент Назарбаев) трудно рассчитывать на победу. Оппозиционные жузы явно будут голосовать против него. В результате пост получил представитель от Младшего жуза А. Кекильбаев. Однако его заместителями (для противовеса) были избраны представители других сил (в том числе и «четвертого жуза» — русских).

По мнению Н.Э. Масанова (1996), именно противостояние жузов и подковерные интриги, а точнее, боязнь объединения в оппозиции Среднего и Младшего жузов предопределили отмену президентских выборов, продление полномочий Н. Назарбаева до 2000 г., а также перенос столицы в Акмолу. Поскольку «этнический мир в Казахстане очень хрупок и существует в основном по причине сравнительного равновесия двух главных этнических групп» (Khazanov 1995: 168), перенос столицы на север по замыслу правящей элиты должен способствовать росту миграции с юга и увеличению доли казахского населения внутри северных областей, а тем самым укреплению национальной государственности. С другой стороны, перемещение всех ключевых механизмов власти на территорию традиционного проживания Среднего жуза должно дополнительно ослабить оппозицию нынешней президентской власти.

Но такая ситуация существует не только в ныне независимых странах СНГ. В настоящее время в многонациональных республиках России можно проследить влияние местных клановых и родоплеменных групп. Этот феномен, называемый в отечественной антрополого-этнографической литературе различными терминами — местничеством, улусизмом или кумовством, рассматривался как пережиток родоплеменного или патриархально-феодального строя. С ним, например, всерьез столкнулись советские партчиновники после установления советской власти на всей территории страны. П.И. Кушнер, побывавший с этносоциологической экспедицией в горных районах Киргизии, с сожалением констатировал, что для местной бедноты родственные связи более важны, чем классовая солидарность (1929: 107). Примерно в эти же годы подобные

мысли высказывал один из аппаратчиков парторганизации калмыцкой области:

«Улусизм проявляется в том, что каждый партиец, защищающий свой улус по всем, как партийным, так и советским вопросам, доходит в своей защите порой до того, что забывает всякую партийную дисциплину, провозглашая принцип: права или не права моя сторона, но она моя сторона, и я обязан ее защищать. Это болезнь самая серьезная, мешающая в работе не только в низовых парторганизациях, но даже в самом руководящем органе власти» (Глухов 1926: 180).

После политически чисток 30-х годов XX в. в связи с так называемым буржуазным национализмом данная проблема была временно забыта, однако в годы перестройки в местной прессе национальных республик вновь появились публикации на эту тему. Выяснилось, что вопрос об «улусизме» применительно к проблеме власти остается столь же актуальным, что и почти семьдесят лет назад. В Калмыкии, например, около 85% горожан и более 90% жителей села идентифицируют себя с той или иной племенной группой. Борьба за власть ведется между тремя главными племенными группировками: торгутской и дербентской (истоки противостояния которых уходят в двои́чно-троичную крыльевую систему), а также этнически более молодой бузавской, состоящей из потомков донских калмыков (Гоголданова, Гузенкова 1993: 166). Схожие процессы прослеживаются и в Туве, а также во многих других многонациональных субъектах Российской Федерации.

Несколько иная ситуация существует ныне в Чечне. Исследования этнологов-антропологов показывают, что в отличие от генеалогически иерархизированных структур вчерашних кочевников Казахстана и Киргизии горские общества всегда отличались известной тягой к формированию неиерархических моделей политической организации (см. гл. 4). У чеченцев всегда отсутствовало благородное сословие или какая-либо другая привилегированная наследственная группа. Они разделены по клановым, территориальным и до некоторой степени даже конфессиональным линиям. Чеченские *тейпы*, или кланы, пережили советский период и сейчас становятся все более и более влиятельными в политической жизни общества. Преданность какому-либо клану остается высшей ценностью в чеченском менталитете, а кровная вражда длится поколениями. Чеченцы разделены на три главных территориальных группы: тех, кто живет в долине Терека (они испытали более сильное влияние русских, чем другие группы); тех, кто живет в предгорьях,

и собственно горцев (самая бедная экономически и в то же время самая традиционная часть чеченского этноса). В советский период политическая власть в Чечне удерживалась выходцами с низин. В период правления Дудаева горцы стали вернейшими его сторонниками. Хотя все чеченцы считаются мусульманами-суннитами, они приверженцы двух различных суфийских орденов, или братств: Накшбандийя и Кадырия, которые оспаривают влияние в чеченском обществе. Даже в прошлом чеченцы не смогли объединиться и избрать общенационального лидера из своей среды, поскольку не желали дать одному клану или территориальной группе преимущество перед другими. Их единственными национальными лидерами были шейх Мансур, который жил в XVIII в. и первым возглавил чеченцев в войне против Российской империи, а также Джахар Дудаев, тоже направивший внутренние разногласия на борьбу с внешним врагом — той же Россией (Khazanov 1995: 215–216).

Подробнее о современной ситуации в Чечне см.: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2002. О традиционном чеченском обществе можно прочитать в работах: *Вартапетов А.С.* Проблемы родового строя чеченцев и ингушей // Советская этнография. 1932. № 4; *Гантемирова Ф.А.* Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (вторая половина 19 — начало 20 в.). М., 1972; *Боргайвили Э.А.* Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в 18–19 вв. Тбилиси, 1988; *Кокурхаев К.А.* Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина 19 и начало 20 в.). Грозный, 1989; *Панеях Э.Х.* Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Разделение властей

Таким образом, результаты прямого внедрения западных либерально-демократических институтов в неевропейские общества нередко приводят к незапланированным последствиям. Многопартийная система, парламентаризм, разделение различных ветвей власти и т.п. — все это нередко вызывает обратные результаты, весьма нежелательные с точки зрения задач демократизации. Опыт политантропологических исследований показывает, что в посттрадиционных обществах партийные структуры нередко формируются на родоплеменной или конфессиональной основе или как инструмент персоналистского влияния того или иного лидера. В таких условиях выборы в представительные органы власти, как правило, базируются не на политических программах, а на племенных или религиозных принципах. В результате большие массы людей втягива-

ются в племенные, межэтнические и межконфессиональные конфликты, что создает неустойчивость правящих коалиций, политическую нестабильность. Все это приводит к кризисам, политическим переворотам, войнам. Иллюстрацией этого являются события в той же Чечне в последние десять лет. В такой ситуации власть нередко видит единственный способ сохранить стабильность путем создания авторитарных — однопартийных, военных режимов.

Не случайно практически все государства, возникшие на территории азиатской части СНГ, имеют автократическую природу власти. Правда, здесь необходимо иметь в виду еще одно свойство традиционной власти. Разделение властей — институт, прошедший длительную эволюцию и, можно сказать, «выстраданный» Европой в ходе многих восстаний и революций. Для архаических и традиционных обществ подобное явление в принципе не характерно. Правитель традиционного общества считается единственным носителем сакрального статуса, и все иные самостоятельные ветви власти автоматически воспринимаются как нежелательные конкуренты не только самим правителем, но и большинством населения. Поэтому в посттрадиционных обществах руководящим органом и страны, и партии нередко оказывается политический лидер харизматического толка, часто облеченный почти неограниченными полномочиями. Исходя из всего изложенного, ясно, почему большинство стран СНГ прошли схожий путь политической трансформации. События в них развивались по однотипному сценарию: роспуск законодательных органов, принятие новых конституций, расширяющих полномочия президента, «мягкий» террор в отношении оппозиции и независимых средств массовой информации.

Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами. В 1993 г. в Казахстане возникло определенное противостояние законодательной и исполнительной властей. Однако в отличие от России, где аналогичное противостояние вылилось в вооруженный конфликт, здесь основные нити политической игры всегда находились в руках президента. Несмотря на нежелание Верховного Совета самоликвидироваться, из «проверенных» депутатов была создана инициативная группа, которая начала агитацию за самороспуск внутри парламента. В

декабре парламент уже перестал существовать. Согласно новой Конституции Казахстана от 1995 г. (статьи 44–47, 50–55, 71, 73 и др.), законодательная и судебная власти подчинены исполнительной (президент назначает судей, Конституционный суд ликвидирован и т.д.), в 1995 г. референдум в Казахстане продлил президентские полномочия Н. Назарбаева до конца XX в. (по имени Туркменбаши С. Ниязова, первым начавшего кампанию по продлению полномочий лидеров среднеазиатских государств СНГ до конца XX в., этот феномен получил название «башизм»).

В Узбекистане И. Каримов совмещает посты президента страны и главы кабинета министров. Верховный Совет Узбекистана находится под контролем президента. Осенью 1991 г. часть депутатов оппозиции выступила с критикой президента. В ответ на это в Верховный Совет была внесена поправка к закону о статусе депутата, которая была принята уже летом 1992 г. Согласно внесенным уточнениям, любой депутат по решению высшего законодательного органа страны мог быть лишен своего мандата за

«поведение, порочащее звание народного депутата, совершение антиконституционных действий, направленных на подрыв государственного устройства, дестабилизацию общественно-политической обстановки, а также за призыв к таким действиям» (Васильев А.М. 1998: 95).

Не нужно обладать большим воображением, чтобы допустить возможность весьма широкого толкования данного законопроекта соответствующими органами исполнительной власти.

Конституция, как совершенно справедливо отмечает С.А. Панарин (2000: 103–104), носит больше показной характер и ориентирована главным образом на мировое общественное мнение с целью продемонстрировать демократическое устройство молодого государства. При этом в ней не разъяснены механизмы выборов президента, организации и деятельности кабинета министров, регистрации общественных объединений (статьи 56, 90, 98). В 1995 г. президентские полномочия были продлены до 2000 г. В стиле советских времен в стране развернута масштабная компания по возвеличиванию культа Каримова. Действует внутренняя и внешняя цензура средств массовой информации. Существующие в стране партии по сути

являются пропрезидентскими. Как светская, так и религиозная оппозиция подвергается преследованиям.

Самая унитарная форма государственного устройства существует в Туркмении. Здесь в 1992 г. был объявлен шестилетний мораторий на многопартийность. Президент Ниязов — высшее должностное лицо в государстве — не подчиняется законодательной власти. В его руках концентрируются все рычаги исполнительной власти, он назначает и снимает генерального прокурора, председателей Верховного и Высшего хозяйственного судов. Президент имеет право распустить Народное собрание (парламент страны), если последнее выразит свое недоверие назначенному президентом правительству.

«Формально страна является президентской республикой. Но ее глава обладает поистине неограниченными полномочиями. Режим Туркменбаши причудливо сочетает черты и жестокого, и патриархального правления, все более напоминая правление традиционного восточного монарха, пользующегося, однако, некоторыми современными технологиями власти. Так, с одной стороны, установлен всеобъемлющий и всепроникающий полицейский контроль над населением, с другой — делаются разного рода популистские жесты в области его социальной защиты. Партийная структура совершенно неразвита, пресса — официозная и откровенно рептильная. Какая-либо критика власти исключена, оппозиция разгромлена и изгнана, немногие уцелевшие правозащитники подвергаются систематическому запугиванию и периодическим судебным преследованиям» (Панарин 2000: 105).

Возможно, наименее авторитарная система правления в Средней Азии существует в Таджикистане. Несмотря на то что и здесь президент согласно конституции 1994 г. имеет весьма широкий круг прерогатив, его власть несколько ограничена высшим законодательным органом. В частности, Верховное собрание помимо права утверждать всех членов кабинета министров имеет еще ряд важных контрольных функций. Однако, как считают компетентные исследователи, этот «демократизм», скорее всего, связан с борьбой между различными влиятельными кланами в стране, отсутствием у группировок достаточных сил для разгрома оппозиции (Васильев А. М. 1998: 245).

К сожалению, события, происходящие в России в последние годы (чудовищное разбухание госаппарата, разгон парла-

мента в октябре 1993 г., создание специальных «гвардейских» подразделений, подчиненных исключительно президенту, ряд положений Конституции, дающих почти неограниченные права исполнительной власти), дают основание заключить, что и здесь процесс развивается по схожему сценарию. Аналогичные процессы в той или иной степени происходят и на внутривнутриполитической сцене — в многонациональных субъектах Российской Федерации (например, в Калмыкии). Главные составляющие этих процессов — всеобъемлющая роль традиционного социума (или государства, как в российском варианте), неэмансипированность индивида, невычлененность в обществе того, что классики марксизма называли «базисом» и «надстройкой».

Личностный характер власти

Все изложенное свидетельствует против того, что на большей части бывшего Советского Союза сформировалась рациональная бюрократическая система власти. Социализм можно рассматривать как весьма специфический, антикапиталистический вариант вторичной модернизации (Афанасьев 1989а; Фурсов 1995), которая, однако, проходила в весьма специфических условиях. Она завершилась созданием в СССР, а затем и в других странах социалистического лагеря весьма своеобразной системы власти, в которой существовали и рациональные (разветвленный партийный и прочий аппарат), и личностные (преобладание власти над законом), и харизматические (культы личностей) компоненты. В ходе распада социалистического общества на этнонациональной периферии традиционные связи вырвались из-под оболочки рационально-бюрократических отношений. Однако и в самой России из-за традиционного пренебрежения к институту права сформировалась устойчивая модель личностной системы власти.

Одно из важнейших мест в совокупности подобных отношений занимают патронажно-клиентные связи. Как достаточно убедительно продемонстрировал в ряде своих работ М. Н. Афанасьев (1994, 1995, 1996/1997, 1997, 1997а), они никогда окончательно не исчезают в процессе модернизации и могут существовать не только в посттрадиционных, но и в развитых современных и даже постсовременных обществах (самый яркий пример — мафия). Патронажно-клиентные отношения основываются на необходимости в кооперации между

лищами разного статуса в условиях определенной экономической, социальной или политической нестабильности. Лица с низким статусом обеспечиваются ресурсами, источниками существования, а также пользуются защитой своего патрона. За это они выполняют определенные обязанности либо компенсируют его покровительство материальными подношениями или иными выплатами. Данные отношения устраивают обе стороны и, что самое важное, в развитом индивидуализированном обществе удовлетворяют потребность людей в доверии и взаимной поддержке. Для обществ, в которых традиционные ценности по-прежнему играют существенную роль, подобное обстоятельство имеет очень важное значение.

Данные отношения имеют личностный и неформальный характер, основаны на неравенстве статуса, богатства и доступа к ресурсам патрона и его клиентов, представляют собой комбинацию эксплуатации и принуждения с добровольными подношениями и услугами, внешне облачены в форму связей взаимного обязательства, сотрудничества и взаимозаинтересованности (Афанасьев 1997).

Яркий пример формирования подобных отношений приводится в знаменитом романе Марио Пьюзо «Крестный отец». Роман начинается с описания судебного заседания, на котором двое молодых людей, обвиненных в попытке изнасилования девушки, оказываются оправданными. Отец девушки, похоронщик Америго Бонасера, обращается за помощью к криминальному авторитету дону Карлеоне. Сначала Карлеоне отказывается помочь похоронщику и упрекает его за излишнюю самостоятельность. Он напоминает ему, что, хотя пострадавшая является крестницей его жены, похоронщик пренебрегал дружбой дона, поэтому молодчики и посмели посягнуть на его дочь. Это ставит Бонасера в положение просящего покровительства у авторитета: он готов на все ради отмщения. Через некоторое время Карлеоне смягчается. «Хорошо. Пусть свершится правосудие. Быть может, настанет день — хотя и не говорю, что такой день непременно настанет, — когда я призову вас сослужить мне за это службу. А пока примите этот акт правосудия как дар от моей жены, крестной матери вашей дочки». Все, механизм включился. Отныне Америго Бонасера становится обязанным дону Карлеоне, и пройдет некоторое время, и дон призовет его платить по счетам.

Это только один из возможных способов формирования клиентных, или, иначе, клиентарных, отношений. Но везде

сообразно механизмам функционирования престижной экономики любая услуга предполагает ответную услугу в будущем.

Характер власти в посттрадиционных государствах не очень сильно отличается от системы традиционного господства. В этих обществах влияние политического лидера во многом сохраняет патримониальные черты. Оно в большей степени основано на отношениях патронажной зависимости, чем на рациональной легитимности и законе. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что *личностный* характер власти в посттрадиционных обществах составляет базис политических институтов, а отношения между покровителем и его клиентами определяют политическую жизнь на всех уровнях — от президентского дворца до самой захолустной деревни (Eisenstadt 1973; Bratton, van de Walle 1994 и др.).

В немалой степени это обусловлено традиционно важной ролью государства в экономическом секторе и, следовательно, большой ролью власти-собственности. По этой причине административные должности являются не столько средством повышения собственного статуса внутри бюрократической иерархии, сколько источником личных внебюджетных доходов (выдача лицензий, оплата за лоббирование чьих-то интересов, взятки и пр.).

В посттрадиционных восточных обществах патронажно-клиентные отношения выполняют важную стабилизирующую роль. Еще со времен Монтескле стало принятым характеризовать восточные общества, в отличие от Европы, исключительно как деспотические. Такая точка зрения не лишена определенных оснований. Действительно, немалое количество древних, средневековых и современных обществ Азии, Африки и Америки можно классифицировать как режимы с авторитарно-традиционной системой властвования. Однако деспотизм высшей власти на Востоке сильно преувеличен. С одной стороны, стремление к неконтролируемому господству здесь всегда гасилось существованием на низовом уровне общинных, племенных, профессиональных и иных организаций, несколько смягчавших пресс власти на отдельного человека. С другой стороны, для традиционной (в том числе и восточной) культуры характерно патерналистское восприятие государства подданными. Поэтому массы никогда не стремились

изменить существующий порядок, а лишь требовали от верхов соблюдения справедливости. Наконец, на Востоке всегда существовали разнообразные категории лиц (вожди, землевладельцы, патроны, богатые крестьяне, «большие люди» и т.д.), группы и ассоциации (бюрократический аппарат, касты, кланы и пр.), которые претендовали на определенный процент власти, гарантии сохранения собственного статуса и имущества и в силу этого могли быть как проводниками тех или иных намерений высшей власти, так и тормозом на пути тех или иных изменений. Один из исследователей индийского общества отмечает, что именно невозможность осуществления эволюционных институциональных преобразований в Индии подтолкнула Индиру Ганди к отчаянным попыткам решить эту проблему с помощью жестких непопулярных методов.

«Наследственные кастовые группы, каждая из которых ритуально занимала выше- или нижестоящее положение по отношению к другим (а все вместе они руководствовались в своих взаимоотношениях нормами несимметричных прав и обязанностей), составляли блоки социальной организации в сотнях тысяч индийских деревень» (цит. по: Хорос 1996: 266).

В современной России клиентные отношения хотя и имеют определенное распространение (отчасти в бизнесе и политике, больше в криминальном мире, особенно сильно среди среднеазиатских и кавказских национальностей), однако не играют такой роли, как на посттрадиционном Востоке. Гораздо более развиты личностные отношения. В административно-управленческой системе Российской Федерации они наиболее ярко проявляются в личностном характере президентской власти. Президент — надпартийная фигура, не связанная ни с одним политическим объединением. Согласно Конституции, он имеет право, ни с кем не советуясь, распускать Думу, менять председателей правительства и ключевых министров. Особенно наглядно это проявилось в последние годы правления Б.Н. Ельцина, когда он, руководствуясь исключительно личностными пристрастиями, поменял за год несколько премьер-министров. Правительство представляет собой неполитический орган, занимающийся только экономическими и социальными вопросами. Руководители силовых структур (Минобороны, ФСБ, МВД, ФАПСИ, пограничная служба и др.) подчиняются непосредственно Президенту. Все наиболее

ключевые решения вырабатываются в администрации Президента — органе, сопоставимом по своим функциям и статусу с прежним ЦК. В каждом субъекте Российской Федерации имеются «глаза и уши» Президента — его инспекторы на местах. Помимо них существуют региональные представители — так называемые генерал-губернаторы — со своим многочисленным аппаратом, которые по замыслу создателей этого нового бюрократического органа дополнительно должны усилить вертикаль исполнительной власти.

Однако личностный характер власти российских президентов — это только вершина невидимого айсберга. Подобные отношения глубоко пронизывают всю пирамиду власти в России. Один из наиболее компетентных в этом вопросе специалистов пишет:

«Важнейшей составляющей сегодняшнего административного процесса в России являются клиентарные связи (отношения личной преданности и покровительства), которые 1) пронизывают практически весь аппарат, 2) оказывают решающее влияние на карьеру чиновника, 3) определяют пути разрешения конфликтов, 4) воспринимаются большинством управленцев как нормальные, естественные условия аппаратной деятельности» (Афанасьев 1997: 233).

Социологический опрос более 100 чиновников федеральных и региональных структур власти, проведенный в 1995 г. в Российской академии государственной службы, показал, что сами представители управленческой элиты признают значительное распространение в своей среде личностных отношений:

Личностные отношения	Семейно-родственные связи, %	Земляческие связи, %	Связи однокашников, %	Личная преданность, %
Не распространены	30	15	15	5
Имеют место	55	60	60	35
Сильно распространены	15	25	25	60

Источник информации: Афанасьев 1995: 71, 1997: 227, рис. 1.

Данная таблица очень показательна: она демонстрирует, насколько глубоко порочна современная российская управленческая элита. Лишь треть (!) респондентов отмечают, что семейно-родственные связи не распространены среди чиновничества. Доля же других форм личностных отношений (землячество, возрастные связи, патронаж и пр.) гораздо больше. В то же время доминирует личная преданность и покровительство. Только 5% опрошенных считают, что подобные отношения не распространены в среде управленцев. Наконец, еще один интересный момент. Согласно мнению респондентов, степень распространения семейно-родственных и земляческих связей уступает персоналистским личностным отношениям. Это указывает на важные структурные отличия сформировавшейся системы власти в России от систем власти других (в первую очередь — среднеазиатских) стран СНГ.

Согласно данным того же опроса, главным фактором чиновничьей карьеры в России являются личные преданность и покровительство (такое мнение разделяют, в той или иной степени, 96% респондентов). Наблюдая за некоторыми политиками, можно заметить, что если современный российский чиновник не придерживается личностной модели поведения и пытается организовать свою деятельность в рамках рационального типа управления, то это, скорее всего, означает, что его пребывание в кабинетах власти будет недолгим. Такие факторы, как семейно-родственные и земляческие связи, также присутствуют, но роль их на порядок ниже, хотя примерно сопоставима с таким немаловажным критерием чиновника любого уровня, как исполнительность. Определенную роль в служебном росте играют поддержка какой-либо экономической структуры, этнонациональная принадлежность и идеологические убеждения. Показательно, что, по мнению опрошенных, образование и служебная квалификация не влияют на карьеру российского управленца конца XX в. (Афанасьев 1997: 168–169, 176, 227–229).

В постсоветское время резко возросла численность чиновников всех уровней и мастей. В современной российской армии одних только генералов в несколько раз больше, чем их было в Советской армии в годы Великой Отечественной войны. Согласно подсчетам М. Восленского (1991: 150–153), в

СССР к началу перестройки в номенклатуру входило примерно 3 млн человек (с учетом членов семей). Численность чиновников и их ближайших родственников составляла около 1 млн (0,5% общей численности населения). По расчетам специалистов, на рубеже XX и XXI столетий число российских чиновников с их домочадцами увеличилось в несколько раз и максимально оценивается в 7,2 (1,8 × 4) млн человек. Это составляет почти 5% населения Российской Федерации. Новые идеи по усилению вертикали власти в стране должны привести к еще одному качественному скачку числа чиновников. И все это происходит на фоне затянувшегося экономического и политического кризиса, сокращения почти на четверть площади страны и уменьшения численности населения едва ли не вдвое.

Каждый российский среднестатистический чиновник высшего управленческого звена обходится казне приблизительно в 30 тыс. долл. в год (для сравнения годовая зарплата профессора не достигает и тысячи долларов). По оценкам различных аналитиков, примерно до трети бюджета страны уходит на содержание бюрократии. Как тут не вспомнить пессимистическое предостережение П. Сорокина, согласно которому перепроизводство элиты губительно для общества. Оно вызывает значительное усиление эксплуатации масс, рост конкуренции и числа конфликтов внутри правящих групп, что неизбежно ведет к политической нестабильности, беспорядкам и революциям (1992: 416–419).

Показательно, что в новой «демократической» России большинство реальных рычагов власти по-прежнему контролируется выходцами из советской элиты. Существенно обновилась только депутатский корпус и бизнес-элита, где немногим более половины контингента в прошлом были связаны с коммунистической номенклатурой, тогда как в правительстве и в высших органах власти их число составляет около 75%. В региональных элитах доля новичков и того меньше — 17%. Анализ возраста советской и российской элиты последних нескольких десятилетий позволяет охарактеризовать изменения в составе управленческой элиты как «революцию заместителей», когда ключевые должности оказались в руках более молодого поколения выходцев из советской номенклатуры (Афанасьев 1997: 245–247).

Атрибутика власти

В гл. 3 уже говорилось, что власть стремится отгородить себя от простых масс специальными символами, которые подчеркивают ее статус и дистанцию от остального мира.

В советское время была разработана целая система благ и символов, обладание которыми указывало на ранг того или иного чиновника в номенклатурной иерархии. Знаками причастности к власти стали спецраспределители, спецбольницы и санатории, персональные автомобили, номенклатурные столовые и буфеты, «комнаты депутатов» на вокзалах, спецаэропорт «Внуково-2» в Москве, правительственная связь, знаменитые госдачи. На всю страну известны места проживания советской и нынешней российской административно-политической элиты, начиная от Ленинских Горок и заканчивая резиденцией первого Президента России Барвихе: Ильинское, Николина Гора, Рублевка, Успенское и пр.

Подробно обо всем этом рассказывается в пятой главе книги М. Восленского «*Номенклатура*» (1991). Так, размер дачи одного из генералов, занимавшего должность главного инспектора Министерства обороны СССР, составлял 341 кв. м, участок, включая пруд, — 2 га. У маршалов особняки были покрупнее — свыше 1000 кв. м, а участки с садом и хозяйственными пристройками занимали до 5 га. Приусадебный участок министра обороны СССР маршала Язова, одного из членов ГКЧП, составлял более 16 га. С. Алилуева описывает в своих воспоминаниях образ жизни тогдашних вождей:

«Ворошилов любил шик. Его дача под Москвой была едва ли не одной из самых роскошных и обширных... Дома и дачи Ворошилова, Микояна, Молотова были полны ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора... Вазы из яшмы, резьба по слоновой кости, индийские шелка, персидские ковры, кустарные изделия из Югославии, Чехословакии, Болгарии — что только не украшало собой жилища «ветеранов Революции»... Ожил средневековый обычай вассальной дани сеньору. Ворошилову как старому кавалеристу дарили лошадей: он не прекращал верховых прогулок у себя на даче — как и Микоян. Их дачи превратились в богатые поместья с садом, теплицами, конюшнями; конечно, содержали и обрабатывали все это за государственный счет» (Восленский 1991: 306, 344—345).

Однако в сравнении с современными особняками и виллами из камня и бетона деревянные домики советской партноменклатуры кажутся верхом скромности. Но есть одно существенное отличие. Если право пользования дачей партаппаратчика было следствием его причастности к власти, то нынешние слуги народа стремятся всеми правдами-неправдами превратить свою «власть» в приватизированную «собственность». По оценкам «*Московского комсомольца*» от 16 декабря 1999 г., государственные дачи стоимостью до 100 тыс. долл. и более продавались в среднем всего за 3—5 тыс. условных единиц. На такие деньги в Москве или Санкт-Петербурге трудно приобрести даже квартиру гостиничного типа. Несомненно, квартиры современных российских чиновников гораздо дороже: согласно той же публикации, они приобретаются за сумму, эквивалентную 300—500 тыс. долл., и, как правило, остаются за их обитателями.

Без преувеличения можно сказать, что в советский период нашей истории отличительным цветом власти являлся черный. Не случайно в брежневское время был распространен циничный анекдот, согласно которому черные люди одевались в черные костюмы, ездили на черных автомобилях, ели черную икру. Чиновники среднего ранга ездили на персональных черных «Волгах». Аппаратчикам высшего ранга полагались правительственные «Чайки». Самые высшие чины партийной иерархии пользовались «ЗИЛами». Современная элита предпочитает ездить на дорогих престижных иномарках.

Своеобразной визитной карточкой является номер владельца автомобиля. В советское время наиболее существенным критерием было число нулей (буквы на номере меньше бросались в глаза). Сейчас число машин резко возросло, и это привело к некоторым изменениям в шкале оценок. Статус хозяина авто можно почти безошибочно определить по серии и числу нулей. В Москве, например, таких серий больше десяти. Самыми вождельными из них являются номера серии А001—А999АА (лица, охраняемые Федеральной службой охраны) и серии В001—В999АА (Администрация Президента). Близость к «номеру один» (001) отражает внутриранговый статус владельца автомашины. В провинции нередко местная властвующая элита отделяет себя от остальных серией «Ольга» (О001—О999О0). Те, кто не допущен к власти, но имеет деньги и/или связи, также стремится выделить себя. Это можно сделать, купив номер с запоминающейся комбинацией цифр или номер

какой-нибудь резервной серии. В Москве, например, таковыми сериями являются уже упомянутая «Ольга» или серия К001—К001РР. Среди криминальных авторитетов нередко популярны номера с точными цифрами (100, 200 и т.д.) либо с набором одинаковых цифр (111, 222, особенно 777).

Предметом особой гордости номенклатурщика считается телефон спецсвязи — так называемая вертушка, придуманная еще Лениным, который во избежание подслушивания приказал создать отдельную телефонную станцию для руководящих работников. Впоследствии стремление иметь особый, отличный от обычного, канал связи распространилось на всю страну. В каждом краевом и областном центре имеются свои спецАТС. В последние несколько десятилетий к обычной «вертушке» добавились сначала специальные радиотелефоны в правительственных автомобилях, позднее сотовая телефонная связь.

Все номера московских «вертушек» четырехзначные. Каждый обладатель «вертушки» ежегодно получал небольшой справочник красного цвета с указателем фамилий, имен и отчеств абонентов, перечисленных в алфавитном порядке, но без указаний должности, ведомства и адреса. Согласно неписаным нормам поведения, абоненты правительственной связи между собой переговариваются только по «вертушке». Звонить по чужой «вертушке», особенно если у звонящего не было своего спецномера, считалось плохим тоном. Согласно этому же правилу, на телефонный звонок должен был отвечать только сам абонент, называя свою фамилию. В очень редких случаях отвечать мог референт, при этом он должен был говорить: «Аппарат товарища такого-то» (*Восленский* 1991: 309—314).

Согласно неписаным нормам поведения, абоненты «вертушки» должны были переговариваться между собой только по правительственной связи. Это неосознанное стремление дистанцироваться от масс, для которых подобный способ связи недоступен.

Разницу между лидером и подданными также подчеркивает масса сопровождающих его лиц — свита придворных и слуг, при передвижении на длительные расстояния в традиционном обществе верхом — кавалькада всадников и карет, в современности — эскорт из мотоциклистов и черных машин с мигалками, многочисленные телохранители, помощники, сек-

ретари. Во все времена подобное зрелище выглядело весьма впечатляюще для рядового обывателя и было предназначено для того, чтобы продемонстрировать отличие между носителем власти, его окружением и всеми остальными.

В постсоветскую эпоху еще одним ключевым символом причастности к власти стала мигалка. Обладание ею — предмет вождения многих чиновников самых различных ведомств и иных важных персон. Если в брежневскую эпоху чуть более 100 машин были оснащены спецсигналами, то к концу первого посткоммунистического десятилетия в столице России насчитывалось более 3000 машин, оснащенных подобными приспособлениями.

Выводы Все изложенное свидетельствует о том, что развитая демократическая политическая система как в современной России, так и на большей части бывшей территории СССР не сложилась. Такие ключевые компоненты ее, как эмансипация индивидуализированного политического индивида, организация устойчивой многопартийной системы, создание по-настоящему независимых средств массовой информации и пр., не удалось развить. Власть, как правило, очень подозрительно относится к независимым СМИ, предпочитает действовать в атмосфере закрытости. Она оказывает различными методами давление на прессу, стремится добиться государственной монополии на теле- и радиовещание, пытается контролировать даже Интернет.

Большое число мелких партий и объединений создается под решение какой-либо ситуационной задачи. Подавляющее большинство уже существующих партий (едва ли не все, кроме коммунистических) представляют собой инструмент персоналистского влияния того или иного лидера, в многонациональных регионах партии и движения формируются по этническому признаку. Нередко именно этим заканчиваются все отличия между партиями (даже названия и программы могут быть очень похожими). В политике и структурах власти преобладают патронажно-клиентные отношения.

Большинство политических сил не хотят соблюдать принятые на Западе демократические «правила игры». Избранные президенты (впрочем, не только они, но и руководители всех рангов), как и подчиненные им чиновники, стремятся изба-

виться от каких-либо ограничений личной власти, жестко расправляются с легальной оппозицией. Впрочем, последняя, приходя к власти, действует точно так же. Слишком уж многое в политической культуре стран СНГ принадлежит прошлому, относится к традиционной системе власти и господства.

Способны ли мы преодолеть этот разрыв с настоящим и проложить курс в будущее? На этот вопрос политическая антропология не может дать однозначного ответа. Впрочем, готового ответа на подобный вопрос нет ни у одной из социальных наук. Однако политическая антропология может несколько облегчить наше понимание происходящего, что само по себе уже немало. Знание причин социальных недугов далеко не всегда служит лекарством для исцеления общественного организма, но, по крайней мере, может дать надежду на преодоление болезни в будущем.

Вопросы для контроля

1. Что такое модернизация?
2. В чем особенности национализма в посттрадиционных обществах?
3. Характерно ли разделение властей для посттрадиционных обществ?
4. В чем роль клановой структуры в посттрадиционных обществах?
5. Покажите основные варианты политической трансформации постсоциалистических обществ.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашин С.Н. 1999. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. № 1–2: 92–112.
- Абелес М. 1998. Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. Т. VI. № 20: 27–44.
- Абрамян Л.А. 1993. Тайная полиция как тайное общество: страх и вера в СССР // Советская этнография. № 5: 35–42.
- Аверкиева Ю.П. 1974. Индейцы Северной Америки. М.: Наука.
- Агларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука.
- Азаров А.И. 1985. Традиционные мужские союзы Меланезии. Конеч XIX – начало XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Аласв Л.Б. 1982. Опыт типологии средневековых обществ Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. Отв. ред. Л.Б. Аласв. М.: 6–59.
- Аласв Л.Б., Коротаяев А.В. 1996. Историко-социологическая анкета. М. Алексеев В.П., Першиц А.И. 1990. История первобытного общества. М.: Высшая школа.
- Амброзино Дж.Н. 1995. Внешние контакты между обществами и возникновение государства // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: 69–76.
- Аргенов М.М., Калмыков С.К. 1998. Этносоциальная действительность Казахстана // Социологические исследования. № 3: 45–58.
- Аргемова О.Ю. 1987. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.: Наука.
- Артемова О.Ю. 1991. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Отв. ред. А.В. Коротаяев и В.В. Чубаров. Вып.1. М.: 44–91.
- Артемова О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 40–70.
- Афанасьев М.Н. 1989. Бюрократия как социально-политический феномен // Вестник АН СССР. № 7: 62–70.
- Афанасьев М.Н. 1989а. Генезис и социальная сущность бюрократии в СССР: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М.
- Афанасьев М.Н. 1994. Клиентелла в России вчера и сегодня // Политические исследования. № 1: 121–126.

- Афанасьев М.Н.* 1995. Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // Политические исследования. № 6: 67–95.
- Афанасьев М.Н.* 1996/1997. Клиентизм: историко-социологический очерк // Полис. № 6: 97–108; № 7: 157–166.
- Афанасьев М.Н.* 1997. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд.
- Афанасьев М.Н.* 1997а. Клиентарные отношения в динамике российской государственности: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М.
- Бабич И.Л.* 1999. Эволюция правовой культуры адыгов. М.
- Баландье Ж.* 2001. Политическая антропология. М.: Научный мир.
- Балезин А.С.* 1986. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма. 1862–1962). М.: Наука.
- Балезин А.С.* 1987. Традиционные власти и колониальные вожди в Восточной Африке // Советская этнография. № 3: 35–43.
- Банников К.Л.* 2001. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы российской армии // Этнографическое обозрение. № 1: 112–141.
- Банников К.Л.* 2002. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. М.
- Белков П.Л.* 1991. Племя и вождество: к определению понятий // Племя и государство в Африке. М.: 36–50.
- Белков П.Л.* 1993. Проблема генезиса государства: перерастает ли вождество в государство? // Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки. Отв. ред. И.В. Следзевский. М.: 29–40.
- Белков П.Л.* 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 165–187.
- Березкин Ю.Е.* 1991. Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука.
- Березкин Ю.Е.* 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера. Этнографические тетради. № 4: 5–19.
- Березкин Ю.Е.* 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 165–187.
- Березкин Ю.Е.* 1995а. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: 94–104.
- Березкин Ю.Е.* 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории. № 2: 3–24.
- Блок М.* 1998/1924. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры.
- Болл Т.* 1993. Власть // Политические исследования. № 5: 36–42.
- Большаков О.Г., Кычанов Е.И.* (отв. ред.). 1986. Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука.
- Бондаренко Д.М.* 1991. Возникновение классов и государства и некоторые особенности их функционирования в докапиталистических обществах // Концепция общественного прогресса. Точка зрения африканистов. Отв. ред. И.В. Следзевский. М.: 141–165.
- Бондаренко Д.М.* 1993. Становление государственного общества. Первый вызов вечной проблеме в постсоветской этнологии // Восток. № 5: 185–197.
- Бондаренко Д.М.* 1995. Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть. М.
- Бондаренко Д.М.* 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. Рассуждения в связи с монографиями А.В. Коротаева // Восток. № 1: 195–202.
- Бондаренко Д.М.* 2001. Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В.* 1999. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых политантропологических гипотез) // Общественные науки и современность. № 5: 128–138.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В.* (отв. ред.). 2002. Цивилизационные модели политогенеза. М.
- Борисова Е.А.* 2002. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. № 1: 28–47.
- Бочаров В.В.* 1992. Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М.: Наука.
- Бочаров В.В.* (отв. ред.). 1995. Этнические аспекты власти. СПб.
- Бочаров В.В.* 1998. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2: 134–148.
- Бочаров В.В.* 2000. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ.

- Бочаров В.В. 2001. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV. № 4: 37–67.
- Бромлей Ю.В. (отв. ред.). 1982. Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука.
- Бутинов Н.А. 1995. Папуа Новая Гвинея: властные структуры // Этнические аспекты власти. Отв. ред. В.В. Бочаров. СПб.: 51–78.
- Бутовская М.Л. 1994. Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Бутовская М.Л. 1998. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. № 9: 87–99.
- Бутовская М.Л. 1999. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии — торможения у человека // Общественные науки и современность. № 4: 128–134.
- Бутовская М.Л. (отв. ред.). 1999а. Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы. М.
- Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. 1993. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). М.: Наука.
- Бэрн Р. Ричардсон Д. 1998. Агрессия. Пер. с англ. СПб.: Питер.
- Васильев Л.С. 1980. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. № 1: 177–86.
- Васильев Л.С. 1981. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. № 6: 157–175.
- Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: 60–99.
- Васильев Л.С. 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука.
- Васильев Л.С. 1989. Изучение Востока и проблемы перестройки // Народы Азии и Африки. № 3: 49–66.
- Васильев Л.С. 1993. История Востока. Т. 1–2. М.: Высшая школа.
- Васильев Л.С. (отв. ред.). 1998. Частная собственность на Востоке. М.
- Васильев А.М. (отв. ред.). 1998. Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М.: Восточная литература.
- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М.: Юрист.
- Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. 1984. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. № 10: 88–101.
- Вознесенская Ю.А. 2000. Роль традиционных институтов власти в общественно-политической жизни Нигерии // Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее. Отв. ред. Р.Н. Исмагилова. М.: 27–38.

- Вольман Л. 2000/1903. Политическая антропология. 2-е изд. М.: Белые альвы.
- Восленский М.С. 1991. Номенклатура. М.: Советская Россия.
- Галиев А.Б. и др. 1994. Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. Алматы.
- Галлямов Р.Р. 1999. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. Отв. ред. А. Мельвилль. М.: 163–174.
- Гейли К. 1990. Диалектика пола в процессе формирования государства // Советская этнография. № 5: 84–97.
- Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. М.: Прогресс.
- Геннинг В.Ф. (отв. ред.). 1984. Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова думка.
- Глинкина С.П. 2000. Коррупция в России: причины, масштабы, качественные изменения // Восток. № 1: 75–83.
- Глухов И. 1926. От патриархальщины к социализму. Астрахань.
- Гоголданова З.Э.-Г., Гузенкова Т.С. 1993. Субэтнические группы: представления и реальности // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. Отв. ред. Т.С. Гузенкова. М.: 160–184.
- Годинер Э.С. 1991. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: 51–78.
- Гуляев В.И. 1979. Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука.
- Гумилев Л.Н. 1989. Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа.
- Гуревич А.Я. 1972. Категории средневековой культуры. М.: Искусство (2-е изд. М.: Искусство, 1983).
- Гуревич А.Я. 1993. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик.
- Данилова Л.В. (отв. ред.). 1968. Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука.
- Джонсон Г. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии) // Древние цивилизации Востока. Ташкент: 92–103.
- Диас В. 1998. Страдание, богооправдание, дисциплинарная практика, присвоение // Международный журнал социальных наук. Т. VI. № 21: 137–148.
- Дольник В. 1994. Homo Militaris // Знание-сила. № 1: 127–138; № 3: 98–109.

- Дольник В. 1994а. Естественная история власти // Знание-сила. № 10: 12–21; № 11: 36–45.
- Дольник В. 1994б. Непослушное дитя биосферы. М.: Педагогика-Пресс.
- Дольник В. 1998. Вышли мы все из природы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. М.: Linka Press.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1982. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии // Вестник древней истории. № 2: 3–16.
- Дюмон Л. 2001. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия.
- Евсеев В.И. 1999. Ценностная многоликость и традиционалистское единообразие тоталитаризма: гвинейский вариант // Восток. № 4: 26–35.
- Задыхина К.Л. 1951. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. М.: 157–179 (Труды института этнографии, нов. сер., Т. XIV).
- Зибер Н.И. 1923. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса: Гос. изд-во Украины.
- Зубов А.Б. 1994/1995. Харисма власти. От современности к древности: опыт археотипической реконструкции // Восток, № 4: 22–35; № 5: 11–12; № 6: 23–32; № 2: 80–99.
- Иванов Н.А. (отв. ред.). 1993. Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти. М.: Наука.
- Ильин М.В. 1995. Опыт хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. I–III. М.: МГИМО.
- Ильин М.В. 1997. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН.
- Илюшечкин В.П. 1986. Сословно-классовое общество в истории Китая. М.: Наука.
- Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука.
- Ионов И.Н. 1995. Российская цивилизация. IX — начало XX века: Учебник. М.: Просвещение.
- Исмаилова Р.Н. (ред.). 2000. Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее. М.: Восточная литература.
- Кабо В.Р. 1986. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука.
- Кабо В.Р. 1990. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. № 1: 108–113.
- Казанков А.А. 2002. Агрессия в архаических обществах. М.
- Калиновская К.П. 1976. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука.
- Канетти Э. 1997. Масса и власть. М.: Ad Marginem.

- Качановский Ю.В. 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.: Наука.
- Кейзеров Н.М. 1973. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М.: Юрид. лит.-ра.
- Кейзеров Н.М., Мальцев Г.В. 1974. Современные буржуазные теории происхождения власти // Советская этнография. № 6: 148–160.
- Ким Г.Ф., Ашрафян К.З. (отв. ред.). 1986. Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука.
- Ким Г.Ф., Ашрафян К.З. 1987 (отв. ред.). Государство в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука.
- Киселев Г.С. 1985. Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М.: Наука.
- Киселев Г.С. 1987. О роли власти в генезисе классового общества (На материале доколониального общества Тропической Африки) // Советская этнография. № 4: 58–70.
- Киселев Г.С. 1989. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке // Народы Азии и Африки. № 6: 66–74.
- Клакхон К. 1998. Зеркало для человека. Введение в антропологию. Пер. с англ. СПб.: Евразия.
- Кобищанов Ю.М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. Отв. ред. Л.Е. Куббель. М.: 85–290.
- Кобищанов Ю.М. 1995. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М.: РОССПЭН.
- Ковалевский О.Д. 1986. К вопросу о понятии «военная демократия» // Средние века. Вып. 46. М.: 198–213.
- Кола Д. 2001. Политическая социология. М.: Весь мир; ИНФРА-М.
- Кольцов Н.К. 1923. Генетический анализ психических особенностей человека // Русский евгенический журнал: 253–307.
- Кольцов Н.К. 1926. Родословные наших выдвинутцев // Русский евгенический журнал. № 3/4: 103–141.
- Кон И.С. 1988. Введение в сексологию. М.: Медицина.
- Коротаев А.В. 1989. О некоторых экономических предпосылках классовообразования и политогенеза // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Отв. ред. С.И. Блюмхен и др. Т. 1. М.: 44–59.
- Коротаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Отв. ред. А.В. Коротаев, В.В. Чубаров. Ч. I. М.: 136–91.

- Коротаев А. В. 1995. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал. № 4: 68–86.
- Коротаев А. В. 1995а. Горы и демократия // Восток. № 3: 18–26 (перепечатано в сб.: Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995).
- Коротаев А. В. 1996. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // Этнографическое обозрение. № 2: 81–91.
- Коротаев А. В. 1997. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.: Восточная литература.
- Коротаев А. В. 1997а. Факторы социальной эволюции. М.
- Коротаев А. В. 1998. Вожества и племена страны Хашид и Бакил: общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.). М.: ИВ РАН.
- Коротаев А. В. 1998а. Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М.
- Коротаев А. В. 1999. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа // Алгебра родства. Вып. 3. СПб.: 117–147.
- Коротаев А. В. 2003. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература.
- Коротаев А. В., Чубаров В. В. (отв. ред.). 1991. Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Вып. 1–2. М.
- Косвен М. О. 1929. Первобытная власть // Революция права. № 2: 86–102.
- Косухин Н. Д. 2000. Политическое лидерство в странах Африки: основные черты и особенности // Восток. № 4: 79–90.
- Кочакова Н. Б. 1986. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М.: Наука.
- Кочакова Н. Б. 1991. Вожество и раннее государство (подходы к изучению и сравнительный анализ) // Племя и государство в Африке. М.: 51–64.
- Кочакова Н. Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М.: 153–164.
- Кочакова Н. Б. 1999. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М.

- Крадин Н. Н. 1991. Политогенез // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Отв. ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. Вып. 2. М.: 261–300.
- Крадин Н. Н. 1992. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 1995. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М.: 11–61.
- Крадин Н. Н. 1997. Предмет и задачи политической антропологии // Политические исследования. № 5: 146–156.
- Крадин Н. Н. 2001. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: 369–396.
- Крадин Н. Н. 2002. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (отв. ред.). 2000. Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Лынша В. А. (отв. ред.). 1995. Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука.
- Крылов А. Б. 1997. Традиционные институты абхазов: прошлое и современность // Идентичность и конфликт в постсоветских обществах. Отв. ред. Ж. Б. Олкотт и др. М.: 184–201.
- Куббель Л. Е. 1974. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1977. Доколониальные политические структуры Африки в западноевропейской этнографии // Советская этнография. № 4: 155–168.
- Куббель Л. Е. 1979. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: 241–277.
- Куббель Л. Е. 1987. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // Советская этнография. № 3: 3–12.
- Куббель Л. Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988а. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Т. 3. Эпоха классовообразования. Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: 140–269.
- Кучинский А. В. 1997. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Паханы, авторитеты, воры в законе. Энциклопедия. Донецк.
- Кушнер П. И. 1929. Горная Киргизия (социологическая разведка). М.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Наука.

- Лебедева Э.Е. 1991. Эволюция политической культуры (ПК) в Тропической Африке // Авторитаризм и демократия в «третьем» мире. М.: 42–70.
- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс.
- Леви-Стросс К. 1984. Печальные тропики. М.: Мысль.
- Ледяев В.Г. 2001. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН.
- Лелюхин Д.Н. 1989. Структура древнеиндийского общества в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Лелюхин Д.Н. 1998. Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // Вестник древней истории. № 2: 115–129.
- Лелюхин Д.Н., Любимов Ю.В. (отв. ред.). 2001. Государство в истории общества: К проблеме критериев государственности. 2-е изд., испр., доп. М.: ИВ РАН.
- Летурно Ш. 1897. Эволюция рабства. Типография т-ва И.Д. Сытина.
- Литтл Д. 1998. Функциональное и структурное объяснение // Время мира. Альманах. Вып. 1. Новосибирск: 176–203.
- Лоренц К. 1994. Агрессия. М.: Прогресс.
- Малиновский Б. 1997. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: 681–702.
- Малиновский Б. 1998. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук.
- Маретина С.А. 1980. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука.
- Марченко Н.И. 1993. К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. № 12: 112–115.
- Масанов Н.Э. 1996. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. № 1: 46–61.
- Масловский М.В. 1995. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. № 5: 95–109.
- Массинг О. 1991. Господство // Политические исследования. № 6: 107–112.
- Массон В.М. 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука.
- Мертон Р. 1994. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М.: 379–448.
- Миллер Дж. 1984. Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе. М.: Наука.
- Морган Л. 1934. Древнее общество. М.
- Мосс М. 1996. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература.
- Назаретян А.П. 1995. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса). М.: Наследие.

- Наумова О.Б. 1991. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Неусыхин А.И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к феодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1: 75–87 (эта работа переиздана в кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Отв. ред. Л.В. Данилова. М.: 596–617).
- Нибур Г. 1907. Рабство как система хозяйства. М.
- Никифоров В.Н. 1977. Восток и всемирная история. 2-е изд. М.: Наука.
- Никифоров В.Н. 1990. Место Карла Августа Витфогеля в истории «больших дискуссий» // Народы Азии и Африки. № 5: 77–87.
- Никишенков А.А. 2000. Прикладные исследования в западной социальной/культурной антропологии // Этнографическое обозрение. № 5: 15–30.
- Нуреев Р.М. 1990. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. № 3: 47–58.
- Образцов И.В. 1996. Формы проявления неуставных отношений // Социологические исследования. № 2: 63–72.
- Одиссей. 1995. Представления о власти. М.: Наука.
- Орлова Г.А. 1999. Бюрократическая реальность // Общественные науки и современность. № 6: 96–106.
- Павленко Ю.В. 1985. Категория социальный организм и ее роль в историко-археологическом исследовании (на материале раннеклассовых обществ применительно к изучению истории населения украинской лесостепи в эпоху железного века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Павленко Ю.В. 1987. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Отв. ред. С.В. Смирнов. Киев: 72–85.
- Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова Думка.
- Павленко Ю.В. 1991. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Отв. ред. А.В. Коротаев и В.В. Чубаров. Вып. 2. М.: 217–260.
- Панарин С.А. 2000. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. № 1: 90–132.
- Панов Е.Н. 1983. Поведение животных и этологическая структура популяций. М.: Наука.

- Парсонс Т. 1994. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М.: 464–481.
- Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс.
- Першиц А.И. (отв. ред.). 1968. Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука.
- Першиц А.И. 1976 (отв. ред.). Становление классов и государства. М.: Наука.
- Першиц А.И. 1979. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 210–240.
- Першиц А.И. 1986. Матриархат: иллюзии и реальность // Вестник АН СССР. № 3: 59–70.
- Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. 1982. История первобытного общества. М., 1982 (или более позднее издание учебника: Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990).
- Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. 1994. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1–2. М.
- Першиц А.И., Трайде Д. (отв. ред.). 1986. Социально-экономические отношения и соционормативная культура (Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1). М.: Наука.
- Першиц А.И., Хазанов А.М. 1978. (отв. ред.). Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М.: Наука.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1997. Русская система // Политическая наука II. Теория и методология. Ч. 1. М.: 82–194.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1997а. Русская система // Политическая наука III. Типы власти в сравнительно исторической перспективе. М.: 64–190.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 2001. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. № 4: 37–48.
- Пирцио-Бироли Д. 2001. Культурная антропология Тропической Африки. М.: Восточная литература.
- Плюснин Ю.М. 1990. Проблемы биосоциальной эволюции. Новосибирск: Наука.
- Покровский М. 1958. Адыгские племена в конце XVIII — первой половине XIX в. // Труды Института этнографии Т. 46: 102–135.
- Попов В.А. 1990. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX в. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М.: Наука.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1993. Ранние формы социальной стратификации. М.: Наука.

- Попов В.А. (отв. ред.). 1995. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Наука.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1996. Символы и атрибуты власти. СПб.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1997. Потестарность: генезис и эволюция. СПб.
- Попов В.А. (отв. ред.). 2000. Ранние формы социальной организации. СПб.
- Резникова Ж.И. 1997. Экология, этология, эволюция. Ч. 1. Структура сообществ и коммуникации у животных. Новосибирск.
- Ривьер К. 1999. Социоантропология современности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 2. Спец. выпуск: Современная французская социология: 117–127.
- Ритцер Дж. 2002. Современные социологические теории. СПб. и др.: Питер.
- Рулан Н. 1999. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: Норма.
- Рыбаков Б.А. (отв. ред.). 1987 От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука.
- Савин И.С. 1999. О категориях группового сознания у казахов-кочевников // Вестник Евразии. № 1–2: 77–91.
- Салинз М. 1999. Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Самойлов Л.С. 1989. Путешествие в перевернутый мир // Нева. № 4: 150–164.
- Самойлов Л.С. 1990. Этнография лагеря // Советская этнография. № 1: 96–108.
- Семенов Ю.И. 1993. Переход от первобытнообщинного строя к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. № 1: 52–70; № 2: 57–74.
- Семенов Ю.И. 1993а. Экономическая этология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–III. М. (материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 20: Экономическая этология, кн. 1).
- Скальчик П. 1991. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Советская этнография. № 3: 144–146.
- Скрынникова Т.Д. 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН.
- Смагамбетова Б.Д. 1998. Родоплеменной фактор в системе «руководитель-подчиненный» // Социологические исследования. № 3: 20–23.
- Смелзер Н. 1998. Социология. Пер. с англ. М.: Феникс.
- Сокова З.Н. 1986. Проблемы нигерийского чиновничества и бюрократии в зарубежной историографии // Народы Азии и Африки. № 1: 160–167.
- Сорокин П. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

- Текеи Ф. 1975. К теории общественных формаций. М.: Прогресс.
- Тишков В.А. 1997. Очерки теории и политики этничности. М.: Русский мир.
- Тишков В.А. 2000. Политическая антропология. Lewiston etc.: The Edwin Mellen press.
- Тишков В.А. 2001. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV. № 4: 68–74.
- Томановская О.С. 1973. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М.: 273–283.
- Трепавлов В.В. 1993. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М.: Наука.
- Успенский Б.А. 1998. Царь и патриарх: Харизма власти в России: Византийская модель и ее русское осмысление. М.: Языки русской культуры.
- Фадеева И.Л. 1993. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М.: Наука.
- Файнберг Л.А. 1986. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 130–235.
- Флюер-Лоббан К. 1990. Проблема матрилейности в доклассовом и раннеклассовом обществе // Советская этнография. № 1: 75–85.
- Фрезер Дж. 1986/1923. Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Фурсов А.И. 1989. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // Французский ежегодник 1987. М.: 278–328.
- Фурсов А.И. 1995. Восток, запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: 16–133.
- Хаас Дж. 1995. Пути к государственности // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лышша. Владивосток: 19–22.
- Хазанов А.М. 1968. Военная демократия и эпоха классовобразования // Вопросы истории. № 12: 87–97.
- Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.: Наука.
- Хазанов А.М. 1975а. Разложение первобытнообщинного слоя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Отв. ред. А.И. Першиц. М.: 88–139.
- Хазанов А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 125–177.

- Хазанов А.М. 2000. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс.
- Ханин В.Э. 2002. Этнополитический плюрализм и политические конфликты в Республике Кыргызстан // Восток. № 1: 83–98.
- Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Д., Барникот Н. 1979. Биология человека. М.: Мир.
- Харузин Н.Н. 1903. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб.
- Хорос В.Г. (отв. ред.). 1996. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука.
- Чалидзе В. 1991. Иерархический человек. Социобиологические заметки. М.: Терра.
- Чилкот Р.Х. 2001. Теории сравнительной политологии: В поисках парадигмы. М.: ИНФРА-М; Весь Мир.
- Шафаревич И.Р. 1977. Социализм как мировое явление. Paris: YMCA-Press.
- Шинкарев В.Н. 1982. Сакральные предводители общин у нага // Советская этнография. № 5: 97–107.
- Шинкарев В.Н. 1983. Социальная организация Тибето-Бирманских народов Западного Индокитая и Северо-Восточной Индии (По материалам второй половины XIX — первой половины XX в.): Автореф. дис. ... канд ист. наук. М.
- Шкунаев С.В. 1989. Община и общество у западных кельтов. М.: Наука.
- Шнирельман В.А. 1985. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. Отв. ред. А.И. Першиц, Н.Б. Тер-Акопян. М.: 64–122.
- Шнирельман В.А. 1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 236–426.
- Шнирельман В.А. 1986а. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 427–489.
- Шнирельман В.А. 1988. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Т. 3. Эпоха классовобразования. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 5–139.
- Шрадер Х. 1999. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Штаерман Е.М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. № 2: 76–94.

- Шэдл Р. 1995. Варианты протогосударственных обществ во временной последовательности // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: 59–68.
- Эванс-Причард Э.Э. 1985. Нуэры. М.: Наука.
- Элиас Н. 2002. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки русской культуры.
- Энгельс Ф. 1961/1884. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21: 23–178.
- Эфроимсон В.П. 1995. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман.
- Яacobson В.А. 1997. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. № 1: 5–15.
- Abélès M. M. 1981. Sacred Kingship and Formation of the State // The Study of the State. Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 1–13.
- Abélès M. M. 1988. Modern Political Ritual: Ethnography of an Inauguration and a Pilgrimage by President Mitterand // Current Anthropology. Vol. 29. № 3: 391–404.
- Abélès M. 1990. Anthropologie de l'Etat. Paris: Armand Colin.
- Abélès M., Colland Ch. 1985. Age, pouvoir et société en Afrique noire. Paris: Karthala.
- Abélès M., Judy H.-P. (eds.). 1997. Anthropologie du politique. Paris: Armand Colin.
- Adams R. N. 1975. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin: Univ. of Texas Press.
- Adams R. N. 1978. Man, energy and Anthropology: I can feel the heat, but where's the light? // American Anthropology. Vol. 80. № 2.
- Adams R. N. 1988. The Eight Day: Social Evolution as the Self-Organization of Energy. Austin: Univ. of Texas Press.
- Bailey F. G. 1969. Stratagems and Spoils: A Social Anthropology of Politics. Oxford: Basil Blackwell.
- Balandier G. 1967. Anthropologie politique. Paris: Presses Universitaires de France.
- Balandier G. 1970. Political Anthropology. Translated by A. M. S. Smith. New York: Random House.
- Balandier G. 1974. Anthro-po-logiques. Paris: Presses Universitaires de France.
- Balandier G. 1985. Le detour: Pouvoir et modernité. Paris: Fayard.
- Balandier G. 1992. Le pouvoir sur scènes. Paris: Balland.
- Bayart J. F. 1989. L'Etat en Afrique. Paris: Fayard.
- Bendix R., Lipest S. M. (ed. by). 1966. Class, status, and power: social stratification in comparative perspective. New York: Free Press.

- Berent M. 2000. Greece (11th–4th centuries BC) // Civilizational models of politogenesis. Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev. Moscow: 228–251.
- Berent M. 2000a. The Stateless Polis: the Early State in the Ancient Greek Community // Alternatives of Social Evolution. Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev et al. Vladivostok: 225–241.
- Bettelheim B. 1960. The informed heart. New York.
- Bloch M. 1967/1939–1940. Feudal society. Transl. from French. London: Routledge.
- Bloch M. (ed. by). 1975. Political Language and Oratory in Traditional Societies. London etc.
- Bodley J. H. 1999. Socioeconomic Growth, Culture Scale, and Household Weii-Being: A Test of the Power-Elite Hypothesis // Current Anthropology. Vol. 40. № 5: 594–612.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. (eds.). 2000. Civilizational models of politogenesis. Moscow.
- Bondarenko D. M., Sledzevski I. V. (eds.). 2000. International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations». Abstracts. Moscow.
- Bonte P., Sugita K. 1981. Anthropologie politique: quelques travaux recents sur l'Etat // La Pansee. № 217: 162–172.
- Boserup E. 1965. The Conditions of Agricultural Growth. Chicago: Aldine.
- Bourdeieu F. 1977. Symbolic power // Annales. Vol. 32: 405–411.
- Bracken Chr. 1997. The Potlatch Papers: A colonial case history. Chicago and London: Chicago Univ. Press.
- Breuer S. 1990. Kerarchaische Staat. Zur Soziologie charismatischer Herrschaft. Berlin: Kietrich Reimer Verlag.
- Britan G. M. Cohen R. (ed. by). 1983. Hierarchy and Society. Anthropological Perspectives on Bureaucracy. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Brumfiel E. M., Earle T. (eds.). 1987. Speciasization, Exchange, and Complex Societies. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Butler R. N. 1969. Age-ism: Another form of bigotry // Gerontologist. Vol. 9: 243–246.
- Carneiro R. 1970. A theory of the origin of the state // Science. № 169 (3947): 733–738.
- Carneiro R. 1981. The chiefdom as precursor of the state // The Transition to Statehood in the New World. Ed. by G. Jones and R. Kautz. Cambridge: 37–79.
- Carneiro R. 1990. Chiefdom-level warfare as exemplified in Fiji and the Causa Valley // The Anthropology of War. Ed. by J. Haas. Cambridge: 190–211.
- Carnoy M. 1984. The Sate and Political Theory. Princeton, N.Y.: Princeton University Press.

- Chabal P.* (ed.). 1986. Political domination in Africa: Reflections on the limits of power. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Cheater A.* (ed.). 1999. The Anthropology of Power: Empowerment and Disempowerment in Changing Structures. New York: Routledge.
- Cherry J.F.* 1987. Power in Space: Archaeological and Geographical Studies of the State // Landscape and Culture: Geographical and Archaeological Perspectives. Basil Blackwell: 142–172.
- Childe V.G.* 1950. The Urban revolution // Town Planning Review. Vol. 21: 3–17.
- Christie K.* (ed.). 1998. Ethnic conflict, tribal politics: A global perspective. Richmond: Curzon.
- Claessen H.J.M.* 1974. Politieke antropologie. Assen: Van Gorcum.
- Claessen H.J.M.* 1979. Antropología política. Estudio de las comunidades políticas. Mexico: UNAM, Instituto de Investigaciones Jurídicas e Instituto de Investigaciones Antropológicas.
- Claessen H.J.M.* 1984. The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology. Vol. 25. № 4: 365–370.
- Claessen H.J.M.* 1986. Kingship in the early state // Bijdragen tot de Taal- en Volkenkunde. Vol. 142. № 1: 113–129.
- Claessen H.J.M.* 2000. Structural Change. Evolution and evolutionism in cultural anthropology. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds.). 1978. The Early State. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds.). 1981. The Study of the State. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M. and van de Velde P.* (eds.). 1987. Early State Dynamics. Leiden: Brill.
- Claessen H.J.M., van de Velde P.* (eds.). 1991. Early State Economics. New Brunswick & London: Transaction Publishers.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G.* (eds.). 1996. Ideology and the Formation of Early States. Leiden: E. J. Brill.
- Clastre P.* 1980. Recherches d'anthropologie politique. Paris.
- Cohen A.* 1969. Political anthropology: the analysis of the symbolism of power relationship // Man. Vol. 4: 215–235.
- Cohen A.* 1974. Two-Dimensional Man: An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Societies. Berkeley: University of California Press.
- Cohen A.* 1979. Political Symbolism // Annual Review of Anthropology. Vol. 7: 87–113.
- Cohen A.* 1981. The Politics of Elite Culture: Exploration in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley etc.: University of California Press.

- Cohen R.* 1965. Political anthropology: the future of a pioneer // Anthropological Quarterly. Vol. 38: 117–131.
- Cohen R.* 1969. Research directions in political anthropology // Canadian Journal of African studies. Vol. 3. № 1.
- Cohen R.* 1973. Political anthropology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Ed. by J.J. Honogman. Chicago etc.: 861–881.
- Cohen R.* 1981. Evolution, Fission and the Early State // The Study of the State. Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 87–115.
- Cohen R., Middleton J.* (eds.). 1957. Comparative political Systems: Studies in Politics of the Pre-Industrial Societies. New York: Natural History Press.
- Cohen R., Service E.R.* (eds.). 1978. The Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution. Philadelphia: Institute for the study of human issues.
- Cohen R., Toland J.D.* (eds.). 1988. State Formation and Political Legitimacy. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Comaroff J.L., Comaroff J.* 1997. Postcolonial politics and discourses of democracy in Southern Africa: an anthropological reflection on African political modernities // Journal of anthropological research. Vol. 53. № 2: 123–146.
- Copans J.* 1971. L'Anthropologie politique // J. Copans, M. Godelier et al. L'Anthropologie: science des sociétés primitives. Paris: Editions E.P.
- Cordy R.* 1981. A Study of Prehistoric Social Change in the Hawaiian Islands. New York: Academic press.
- Cordy R.* 1986. Relationships between the extent of social stratification and population in Micronesian polities at European contact // American Anthropologist. Vol. 88. № 1: 136–142.
- Creamer W., Haas J.* 1985. Tribe Versus Chiefdom in Lower Central America // American Antiquity. Vol. 50: 738–754.
- Dalton G.* 1971. Economic anthropology and Development, Essays of tribal and peasant economies. New York.
- D'Altory T., Earle T.* 1985. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inca political economy // Current Anthropology. Vol. 26. № 1: 187–206.
- Drennan R.D., Uribe C.* (ed. by). 1987. Chiefdoms in the Americas. Landham, Md: University Press of America.
- Earle T.* 1978. Economic and social organization of a complex chiefdom: the Halelea district, Kauai, Hawaii. Ann Arbor: University of Michigan (Museum of Anthropology, University of Michigan, Anthropological Papers, Vol. 63).
- Earle T.* 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16: 279–308.

- Earle T. 1989. The Evolution of chiefdoms // *Current Anthropology*. Vol. 30. № 1: 84–88.
- Earle T. (ed. by). 1991. *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press.
- Earle T. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press.
- Earle T. 2002. *Bronze Age Economics*. Boudler Western Press.
- Easton D. 1959. Political anthropology // *Biennial Review of Anthropology*. Ed. by B.J. Siegel. 210–262.
- Eibl-Eibesfeldt I. 1989. *Human Ethology*. New York: Aldine de Gruyter.
- Eisenstadt S.N. 1959. Types of primitive political systems // *American Anthropologist*. Vol. 61: 205–214.
- Eisenstadt S.N. 1963. *Political systems of Empire*. New York: The Free Press.
- Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills: Sage.
- Ekholm K. 1977. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // *The Evolution of Social Systems*. Ed. by J. Friedman and M. Rowlands. London: 115–136.
- Ekpo M.U. 1979. *Gift-giving and Bureaucratic Corruption in Nigeria // Bureaucratic Corruption in Sib-Saharan Africa: Toward a Search for Causes and Consequence*. Washington.
- Evans-Pritchard E.E. 1940. *The Political System of the Annak of the Anglo-Egyptian Sudan*. London: London School of the Economics.
- Fallers L.A. 1956. *Bantu Bureaucracy: A study of integration and conflict in the political institutions of an East African people*. Cambridge: Heffer and Sons.
- Finer S.E. 1997. *The History of government from the earliest times*. Vol. I. Ancient monarchies and empires. Vol. II. The intermediate ages. Vol. III. Empires, monarchies and the modern state. Oxford.
- Fogelson R.D., Adams R.N. 1977 (eds.). *Anthropology of power. Ethnographic studies from Asia, Oceania, and the New World*. New York etc.: Acad. Press.
- Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (ed. by). 1940. *African Political Systems*. New York: Oxford University Press.
- Fried M. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- Fried M. 1975. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA: Cummings Publishing Company.
- Gailey C. 1985. The State of the State in Anthropology // *Dialectical Anthropology*. Vol. 9. № 1–4: 65–89.
- Gailey C. 1987. *Kinship to Kingship: Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands*. Austin: University of Texas Press.

- Gailey C., Patterson T. (eds.). 1988. *Power Relations and State Formation*. Washington.
- Gellner E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Basil Blackwell.
- Gellner E., Waterburu J. (eds.). 1977. *Patrons and clients*. Londers: Duscworth.
- van Ginkel A. 1999. *General Principles of Human Power*. Wesport, Conn.: Praeger.
- Gledhill J. 1994. *Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. London: Pluto Press (second edition, 2000).
- Gledhill J., Bender B., and Larsen M.T. (eds.). 1988. *State and Society: The Emergence and Development of Social Hierarchy and Political Centralization*. London: Unwin Hyman.
- Gluckman M. 1955. *Custom and Conflict in Africa*. New York: Barnes and Noble.
- Gluckman M. 1960. *Order and Rebellion in Tribal Africa*. Glencoe (Ill): Free Press.
- Gluckman M. 1965. *Politics, Law, and Ritual in Tribal Society*. Chicago: Aldine.
- Godelier M. 1978. *Infrastructure, Society and History // Current Anthropology*. Vol. 19: 763–771.
- Godelier M. 1982. *La Production des grands hommes*. Paris: Fayard.
- Gundlach R., Weber H. (Hrsg.). 1991. *Legitimation und Funktion des Herrschers: Vom agypt. Pharao zum neuzeitlichen Diktator*. Stuttgart: Steiner.
- Haas J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia University Press.
- Hakansson N.T. 1998. Rulers and rainmakers in precolonial South Pare, Tanzania: exchange and ritual experts in political centralization // *Ethnology*. Vol. 37. № 3: 263–283.
- Hayden B. 1995. Pathways to power: principles for creating socioeconomic inequalities // *Foundations of Social Inequality*. Ed. by T.D. Price and G.M. Feinman. New York: 15–85.
- Hindess B. 1996. *Discourses of Power: From Hobbes to Foucault*. Oxford: Blackwell.
- Hyden G. 1996. Rethinking theories of the state // *African insight*. Vol. 26. № 1: 26–35.
- In-ho Lee. 1995. Work, education, and women's gains: The Korean experience // *The politics of women's education: Perspectives from Asia, Africa and Latin America*. Ed by J.K. Conway, S.C. Bourque. Ann Arbor: 77–104.
- Inomata Takeshi. 2001. The Power and Ideology of Artistic Creation: Elite Craft Specialization in Classic Maya Society // *Current Anthropology*. Vol. 42. № 3: 321–349.

- Jaksic M.* 1991. *Azijski Nacin Proizvodnje: istoriat diskusije.* Beograd: Naučna knjiga.
- Johnson A.W. Earle T.* 1987. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State.* Stanford (Cal.): Stanford University Press (2nd ed., 2001).
- Johnson G.* 1973. *Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran.* Ann Arbor (The University of Michigan Anthropological Papers, № 51).
- Kertzer D.I.* 1900. *Ritual, Politics, and Power.* New Haven: Yale University Press.
- Khazanov A.M.* 1984. *Nomads and the Outside World.* Cambridge: Cambridge Univ. Press (2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1994).
- Khazanov A.M.* 1995. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States.* Madison: University of Wisconsin Press.
- King T.* 1978. *Don't that beat the band? Nonegalitarian political organization in prehistoric Central California // Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating.* Ed. by C.Redman et al. New York: 225–248.
- Kipp R.S., Schortman E.M.* 1989. *The Political Impact of Trade in Chiefdoms // American Anthropologist.* Vol. 91. № 2: 370–385.
- Kirch P.* 1984. *The Evolution of the Polynesian Chiefdoms.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Korotayev A.V.* 1995. *Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of Sabaic Language and Sabaean Culture // Journal of Semitic Studies Supplement 5.* Oxford: Oxford University Press.
- Korotayev A.V.* 1996. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz.
- Krader L.* 1968. *Formation of the State.* Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Krader L.* 1975. *The Asiatic Mode of Production: Sources, Development and Critique in the Writings of Karl Marx.* Assen: Van Gorcum & Comp. B.V.
- Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., de Munck V. and Wason P.K.* (eds.). 2000. *Alternatives of Social Evolution.* Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Kradin N.N., Lynsha V.A.* (eds.). 1995. *Alternative Pathways to Early State.* Vladivostok: Dalnauka.
- Leacock E.* 1981. *Myth of Male Dominance.* New York: Monthly Review Press.
- Lenski G.* 1966. *Power and Privilege: A Theory of Social Stratification.* New York: McGraw-Hill.
- Lewellen T.C.* 1983. *Political Anthropology: An Introduction.* South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Lewellen T.C.* 1992. *Political Anthropology: An Introduction.* Westport, CT: Bergin & Garvey.
- Lipset S.* 1960. *Political man: The social bases of politics.* Garden City: Doubleday & Co.
- Lowie R.H.* 1927. *Origin of the state.* New York: Harcourt Brace.
- Ludtke A.* 1991 (Hrsg.). *Herrschaft als soziale Praxis: (Historische und Socialanthropologische Studien).* Gottingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Mair L.* 1977. *Primitive Government: A Study of Traditional Political Systems in Eastern Africa.* Bloomington: Indiana University Press.
- Maisels Ch.* 1990. *The Emergence of Civilization. From hunting and gathering to agriculture, cities, and the state in the Near East.* London and New York: Routledge.
- Malinowski B.* 1922. *Argonauts of the Western Pacific.* London: Routledge & Kegan; New York: Dutton.
- Mann M.* 1986. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760.* Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press. X, 549 p. (перевод на нем. яз.: *Geschichte der Macht.* Bd.1. Frankfurt a/Main: Campus, 1990. 411 s.)
- Mann M.* 1993. *The Sources of Social Power. Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914.* Cambridge: Cambridge University Press.
- McGlynn F. Tuden A.* (eds.). 1991. *Anthropological Approaches to Political Behavior.* Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- McIntosh S.K.* (ed.). 1999. *Beyond chiefdoms: Pathways to complexity in Africa.* Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Michels R.* 1959. *Political parties.* New York: Dover.
- Morris B.* 1998. *The Power of Animals: An Ethnography.* Oxford and New York: Berg.
- Murdock G.* 1949. *Social structure.* New York: Macmillan.
- Murdock G., Provost C.* 1973. *Factors in the division of labor by sex // Ethnology.* Vol. 12: 203–225.
- Osaghae E.E.* 1995. *The study of political transition in Africa // Review of African political economy.* № 64: 183–197.
- Owusu M.* 1997. *Domesticating democracy: culture, civil society and constitutionalism in Africa // Comparative studies in society and history.* Vol. 39. № 1: 120–152.
- Parker S., Parker H.* 1979. *The Myth of Male Superiority // American Anthropologist.* Vol. 18: 289–309.
- Parsons T., Bales R.F., Olds J. et al.* 1955. *Family, socialization, and interaction process.* Glencoe, Ill: Free Press.

- Polanyi K. 1968. Primitive, archaic and modern Economics. Ed. by G. Dalton. New York: Anchor.
- Possehl G.L. 1998. Social Complexity Without the State: The Indus Civilization // Archaic States. Ed. by G.M. Feinman and J. Marcus. Santa Fe, NM: 261–292.
- Pye L.W. 1985. Asian power and politics: The cultural dimensions of authority. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Ramirez Ph. 2000. De la disparition des Chefs: Une anthropologie politique n'palaise. Paris: CNRS Editions.
- Redmond E. (ed.). 1999. Chieftoms and chieftaincy in the Americas. Gainesville: University Press of Florida.
- Renfrew C. 1972. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C. London: Methuen.
- Renfrew C. and Cherry J. (eds.). 1986. Peer Polity Interaction and Sociopolitical Change. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Riviere C. 2000. Anthropologie politique. Paris: Armand Colin.
- Russel B. 1938. Rower: A New Social Analysis. New York: W.W. Norton.
- Saadatmand Y. 1995. Separate and unequal women in Islamic Republic of Iran // Journal of South Asian and Middle Eastern studies. Vol. 18. № 4: 1–24.
- Sahlins M. 1958. Social Stratification in Polynesia. Seattle: American Ethnological Society.
- Sahlins M. 1963. Poor man, rich man, big man, chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative studies in society and history. Vol. 5. № 3: 285–303.
- Sahlins M. 1968. Tribesmen. Englewood Cliffs.
- Sahlins M. 1972. Stone Age Economy. Chicago: Adline.
- Sandbrook R. 1996. Transitions without consolidation: democratization in six African cases // Third world quart. Vol. 18. № 1: 69–87.
- Schapera I. 1956. Government and Politics in Tribal Societies. London: Watts.
- Schwartz M. (ed.). 1968. Local-Level Politics: Social and Cultural Perspectives. Chicago: Aldine.
- Schwartz M.J., Turner W.M., and Tuden A. (eds.). 1966. Political Anthropology. Chicago: Aldine.
- Scmookler A.B. 1995. The parable of the tribes: The problem of power in social evolution. Albany: State University of New York Press.
- Scot J.C. 1976. Moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press.
- Shore C., Wright S. (eds.). 1997. Anthropology of Policy. Critical Perspectives on Governance and Power. London: Routledge.
- Seaton S.L., Claessen H.J.M. (eds.). 1979. Political Anthropology: The State of the Art. The Hague: Mouton.

- Service E. 1962. Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N.Y.: Radmon House (2nd ed. 1971).
- Service E. 1963. Profiles in ethnology. N.Y.
- Service E. 1975. Origins of the State and Civilization. New York: W.W. Norton and Co. Inc.
- Shore C., Wright S. (eds.). 1997. Anthropology of Policy: Critical Perspectives on Governance and Power. New York: Routledge.
- Skalnik P. (ed.). 1989. Outwitting the State. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
- Skalnik P. 1996. Ideological and symbolic authority: Political culture in Nanun, Northern Ghana // Ideology and the Formation of Early States. Ed. by H.J.M. Claessen and J.G. Oosten. Leiden: 84–98.
- Southall A. 1953. Alur Society: A study in process and types of domination. Cambridge: Heffer and Sons.
- Southall A. 1969. Orientations in political anthropology // Canadian Journal of African studies. Vol. 3. № 1.
- Southall A. 1988. The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 30. № 1: 52–82.
- Southall A. 1991. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // Early State Economics. Ed. by H.J.M. Claessen and P. Van de Velde. New Brunswick and London: 75–96.
- Spencer Ch. 1990. On the Tempo and Mode of State Formation: Neoevolutionism Reconsidered // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 9. № 1: 1–30.
- Spencer Ch. 1993. Human Agency, Biased Transmission, and the Cultural Evolution of Chiefly Authority // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 12: 41–74.
- Stevenson P.F. 1968. Population and political systems in tropical Africa. New York and London: Columbia University press.
- Treide B. 1985, 1987, 1990. Big-man im Prozes sozialökonomischer Differenzierung // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig Bd. 35: 169–240; Bd. 36: 241–280; Bd. 38: 269–299.
- Treide B., Treide O. 1982. Stellung und Rolle sogenannter big-man // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Jg. 23. № 2: 193–220.
- Upham S. 1982. Politics and Power. New York: Academic Press.
- Upham S. (ed.). 1990. The Evolution of Political Systems: Sociopolitics in Small-Scale Sedentary Societies. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vansina I. 1990. Path in the Rainforests: Towards a History of Political Tradition in Equatorial Africa. Madison: University of Wisconsin Press.
- Vincent J. 1978. Political Anthropology: Manipulative Strategies // Annual Review of Anthropology. Vol. 7: 175–194.

- Vincent J. 1990. *Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends*. Tucson: University of Arizona Press.
- Wason P. 1994. *The Archaeology of Rank*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Weatherford J. 1981. *Tribes on the Hill*. New York.
- Webb M. 1975. *The Flag Follows the Trade. An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade*. Ed. by J. Sabloff and C. Lamberg-Karlovsky. Albuquerque: 155–209.
- Weber M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tubingen: Verlag von J.C.B.Mohr (P.Siebeck).
- White L. 1949. *Science of Culture*. New York: Grove Press.
- Wilson E. 1975. *Sociobiology: The new synthesis*. Cambridge: Harvard University Press.
- Winkler E.A. 1970. *Political anthropology // Biennial review of anthropology*. Ed. by B. Siegal. Stanford.
- Wittfogel K.A. 1957. *Oriental Despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Wolf E.R. 1999. *Anthropology among the powers // Social anthropology*. Vol 7, № 2: 121–134.
- Wright H. 1977. *Recent research on the origin of the state // Annual Review of Anthropology*. Vol. 6: 379–397.
- Wright H. 1978. *Towards an Explanation of the Origins of the State // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution*. Ed. by R. Carneiro and E. Service. Philadelphia: 49–68.
- Wright H., Johnson G. 1975. *Population, exchange and early state formation in Southwestern Iran // American Anthropologist*. Vol. 77, № 2: 267–289.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРОГРАММА КУРСА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

Тема 1. Предмет политической антропологии

Антропология — универсальная наука о человеке. Политическая антропология как часть антропологической науки, занимающаяся изучением становления и развития механизмов социального контроля и власти. Предмет и объект политической антропологии. Методы политической антропологии. Политическая антропология и другие социальные и гуманитарные науки: взаимосвязь и различия в предмете и методах исследования.

Культурная и социальная антропология. Формализм, субстантивизм и марксизм. Принципиальные отличия политических отношений в индустриальных и неиндустриальных обществах: вещные и личностные отношения, богатство и престиж, товар и дар. Работы М. Мосса о дарообмене. Феномен полтача. Б. Малиновский. Реципрокация. Редистрибуция. К. Поланьи.

Тема 2. История политической антропологии

Истоки политической антропологии. Колониальная экспансия и развитие этнографических исследований. Г. Спенсер. «Древнее общество» Л.-Г. Моргана. «Происхождение семьи...» Ф. Энгельса. Становление политантропологической науки. «Африканские политические системы». Основные школы и течения. Функционализм. Структурализм. «Политическая антропология» Ж. Баландые. Американский неозэволюционизм. Л. Уайт. М. Салинз. Типологии стадий политической интеграции (Э. Сервис, М. Фрид). «Энергетическая» теория власти Р. Адамса. Дискуссия о происхождении государства.

Разработка проблем политической антропологии в отечественной науке. Догматический советский марксизм в освещении

шении Э. Геллнера. Неомарксистские интерпретации. Три дискуссии об азиатском способе производства в отечественной историографии. Работы о культуре средних веков А. Я. Гуревича. «Потестарно-политическая этнография» Л. Е. Куббеля. Постсоветская антропология.

Тема 3. Социобиологические основы неравенства и власти

Политическое поведение у высших животных. Этология. Социобиология. К. Лоренц. Э. Вилсон. Естественные основы неравенства и власти: индивидуальные способности, возрастное неравенство, половая стратификация. Механизм территориальности. Этническое и расовое неравенство. Агрессивное и альтруистическое поведение. Доминирование. Структурная иерархия.

Тема 4. Культурные основы неравенства и власти

Причины социального неравенства: собственность, доступ к ресурсам, статус, престиж, авторитет. Социальная стратификация и ее формы (П. Сорокин). Представления о социальной справедливости. Понятие социальной мобильности. Вертикальная и горизонтальная мобильность. Индивидуальное и коллективное проникновение.

Тема 5. Власть и лидерство

Власть как способность ограничения поведенческих альтернатив. Власть и лидерство. Власть и авторитет. Власть и управление. Ресурсы власти. Структура власти. Виды власти. Типология легитимного господства М. Вебера (традиционное, бюрократическое и харизматическое лидерство).

Природа человеческого лидерства. Теория черт. Ситуационная теория. Теория последователей. Типы лидерства. Функции лидеров. Элиты и их роль в человеческой истории. Работы Г. Моска, В. Парето. Современные теории элит. Типология элит. Проблема обновления элит.

Тема 6. Лидерство в первобытном обществе

Формы лидерства в догосударственном обществе. Лидерство в сообществах приматов. Эгалитарные группы охотников и собирателей. Функции предводителя. Авторитет. Нестабильность. Половозрастное неравенство.

Переход к земледелию и животноводству. Община. Родство. Системы родства. Линидж. Клан. Племя. Генеалогическая иерархия. Бигмен. Престижная экономика. Институты возрастных классов. Тайные общества. Касты. Конический клан. Генеалогическое неравенство. Вождество — первая иерархическая форма социальной организации. Признаки вождества и его отличие от государства.

Тема 7. Происхождение государства и права

Эволюция представлений о государстве: от Платона до Э. Сервиса. Теории возникновения государства. Теория общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо). Завоевательная теория (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер). Классовая теория (К. Маркс, Ф. Энгельс). Взгляды на политогенез в XX в. Теория «городской революции» Г. Чайлда. «Гидротехническая» теория К. Виттфогеля. Интегративная и конфликтная версии политогенеза (Э. Сервис, М. Фрид). Проект «раннего государства» (Х. Классен).

Причины генезиса государственности. Экологический фактор. Система хозяйства. Ирригация. Рост народонаселения. Идеология. Обмен и торговля. Война и завоевания. Внешние влияния. «Первичные» и «вторичные» государства. Пути политогенеза. Запад и Восток. Роль элиты в формировании государства: управленцы, военачальники, жрецы. Сущность и признаки государства. Интегративный и конфликтный подходы. Закон и насилие. Признаки государства. Типы и формы государственности: основные концепции и школы. Бюрократия. Возникновение права. Легитимность власти. Идеологическое обоснование власти: взаимный обмен услугами.

Тема 8. Власть в доиндустриальных цивилизациях

Пути социальной эволюции. Восток: деспотическое государство, касты, циклизм. Дискуссия об «азиатском способе производства». Цивилизации Востока. Китай. Индия. Месопотамия. Египет. Исламский мир. Цивилизации доколумбовой Америки. Античная Европа: греческая демократия и римское право. Эпоха средневековья. Европейский феодализм. Вызревание рационального «правового» государства. Африка: сакральный царь. Проблема «африканского способа производства». Кочевники Евразии. Восточные и западные черты российской политической традиции.

Тема 9. Политическая антропология и современность

Трансформация политической культуры колониальных обществ. Прямое и косвенное управление. Проблемы модернизации. Ценности западной цивилизации и традиционные общества. Клановые, этнические и конфессиональные основы современной политической системы постколониальных обществ. Значение политической антропологии для понимания культурных и политических процессов в неевропейских цивилизациях.

Реформирование постсоциалистических обществ. Особенности российской цивилизации. Имперская традиция в отечественной истории. Демократические процессы и административная власть. Антропологический подход к исследованию политических процессов в странах СНГ. Трайбализм и традиционализм. «Президентская республика». «Восточный» парламентаризм. Конфессиональный фактор.

Темы рефератов и курсовых работ

1. Предмет изучения политической антропологии.
2. Антропологические теории власти.
3. Теории власти в современной науке.
4. Символика власти.
5. Феномен дарообмена (по работам М. Мосса).

6. Биологические корни неравенства и иерархии.
7. Неравенство между полами в человеческом обществе.
8. Возрастное неравенство.
9. Неуставные отношения в армии.
10. Иерархия в преступных группировках (по современной художественной литературе).
11. Культурные основы неравенства и иерархии.
12. Лидерство в обществах охотников-собирателей.
13. Лидерство и механизмы борьбы за власть в раннеземледельческих обществах.
14. Феномен вожества.
15. Сущность государства (с точки зрения интегративной и конфликтной теорий).
16. Причины возникновения государства.
17. Пути и формы становления государственности.
18. Появление и эволюция бюрократии в истории.
19. Дискуссия об азиатском способе производства. Основные этапы и итоги.
20. Сущность восточной деспотии.
21. Полис — догосударственное общество или государство? (по материалам дискуссии в журнале *Вестник древней истории* в 1989—1990 гг.).
22. Структура власти в феодальном обществе (по работам А.Я. Гуревича и других медиевистов).
23. Структура власти в кочевых империях.
24. Влияние монголов на российскую политическую традицию.
25. Восточные и западные черты российской политической традиции (по работам «евразийцев»).
26. Сходство и отличие в политической системе дореволюционной России и СССР.
27. Социализм: российский вариант тоталитаризма или азиатский способ производства?
28. Традиционные черты в современной российской политической культуре.
29. Архаические и традиционные элементы в политической культуре государств СНГ.
30. Элементы традиционной власти в современной политической культуре стран Азии и Африки.

Основная литература

- Абеле М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20.
Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. 1, 2. М., 1991.
Афанасьев М.Н. Клиентизм и российская государственность. М., 1997.
Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2000.
Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2.
Васильев Л.С. История Востока. Т. 1, 2. М., 1993.
Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991.
Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.
Дольник В. Естественная история власти // Знание-сила. 1994. № 10–11.
Исследования по общей этнографии. М., 1979.
История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; Т. 3. Эпоха классовообразования. М., 1988.
Крадин Н.Н. Предмет и задачи политической антропологии // Политические исследования. 1997. № 5.
Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
Плюснин Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990.
Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986 (Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1).
Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997.
Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти. М., 1993.
Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

- Abélès M.* Anthropologie de l'Etat. Paris, 1990.
Adams R.N. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, 1975.
Anthropological Approaches to Political Behavior. Pittsburgh, 1991.
Balandier G. Anthropologie politique. Paris, 1967 (пер. на англ.: Political Anthropology. New York, 1970).
Claessen H.J.M. Politieke antropologie. Assen: Van Gorcum, 1974 (пер. на исп.: Antropologia politica. Mexico, 1979).
Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.
The Early State. The Hague, 1978.
Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York, 1967.
Lewellen T. Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992.
Mann M. The Sources of Social Power, Vol. I. A History of Power From the Beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986; Vol. II. The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge, 1993.
Political anthropology. Chicago, 1966.
Political Anthropology. New Brunswick and London, 1980.
Service E. Origins of the State and Civilization. New York, 1975.
Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922.

Приложение 2 ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Авторитет — способность оказывать неформальное влияние на основе опыта, знаний и т.д.

Акефальная организация (от англ. *acephale organization*, от греч. *akephalos* — безглавый) — социальная организация не имеющая централизованного руководства.

Антропология политическая — антропологическая дисциплина, изучающая политическое поведение, политические и властные институты народов мира в исторической динамике этнографическими методами.

Антропология социальная (культурная, социокультурная) — наука о сходствах и различиях между культурами (К. Клакхон).

Аполитейные общества — первобытные общества, существовавшие до возникновения первых государств.

Бигмен — тип ненаследственного лидера, авторитет которого основан на раздаче богатств и приобретении престижа.

Бюрократия — организация управления обществом, деятельность которой предусматривает разделение иерархически упорядоченных ролей на основе четких процедур и правил.

Власть — способность навязывать свою волю другим, даже вопреки сопротивлению.

Власть-собственность — возможность перераспределения и использования человеком собственности (коллективной, государственной, общенародной и т.д.) в силу его должностной власти и статуса.

Военная демократия — социальная организация первобытного общества на его заключительной стадии (по Л. Моргану). Характеризуется борьбой трех сил: народного собрания, совета старейшин и военных вождей. В настоящее время выяснено, что в.д. сменялась не государством, а иными предгосударственными формами — вождеством или военно-иерархической организацией.

Вождество — первая форма иерархической организации общества:

— **простое** — автономная политическая единица, состоящая из общин, иерархически подчиненных общему вождю;

— **сложное** — двухуровневая группа простых в.

Господство — власть, принявшая институциональную легитимную форму.

Государство — специализированный институт, осуществляющий управление сложным обществом и обладающий монополией на узаконенное применение силы.

Доместикация — одомашнивание животных.

Инициации — обряды посвящения.

Каста — замкнутая общность, первоначально на основе профессиональной специализации или этнической принадлежности.

Клан — 1) синоним термина «род»; 2) родственная группа людей, ведущих происхождение от общего предка.

Клан конический — родственная группа, в которой статус индивида определяется степенью его генеалогической близости к родоначальнику или правителю.

Культура — совокупность внебиологических способов и результатов адаптации к внешней среде (Л. Уайт).

Культура политическая см. *Политическая культура*.

Легитимность — признание существующего порядка, узаконенных норм.

Линидж — группа однолинейных родственников, способных проследить родство.

Матриархат — господство женщины в обществе, устаревш.

Матрилинейность — определение родства по материнской линии.

Мобильность вертикальная — изменение статуса индивида.

Мобильность горизонтальная — изменение положения, не приводящее к изменению статуса.

Моногамия — единобрачие.

Мир-системный подход — разработан И. Валлерстайном и другими исследователями. В его основе лежит тезис, что мир представляет собой глобальную экономическую систему, подразделяемую на центр, полупериферию и периферию, между которыми существуют сложные формы взаимоотношений.

Модернизация — совокупность экономических, социальных, политических и культурных изменений, происходящих в процессе преобразования традиционного общества в индустриальное и постиндустриальное.

Мужской союз — социальный институт, объединявший взрослых членов разных общин мужского пола. Отличался корпоративностью, ритуальным единством. Членство в союзе могло способствовать повышению статуса. Защищал интересы членов союза. Впоследствии трансформировал в *тайные общества*.

Мультиполития — высокоинтегрированная социальная система, состоящая из политически субординированных политий разной сложности.

Неравенство — положение, при котором люди имеют неодинаковый доступ к благам.

Неформальная политика — отношения в сфере политики между отдельными индивидами и группами, отличается от формальной политики — отношений в сфере политики между институтами.

Патриархат — господство мужчины в обществе.

Патрилинейность — определение родства по отцовской линии.

Патронимия — труппа, наименование которой происходит от одного предка.

Племя — 1) этническая общность эпохи первобытности; 2) вторичная форма социальной организации, представляющая объединение родов на основе слабой власти вождя.

Полиандрия — многомужество.

Полигамия — многобрачие.

Полигиния — многоженство.

Полития — независимая политическая единица.

Погестарная организация (от греч. *potestas* — власть) — термин, принятый в советской этнографии для обозначения организации власти в первобытном обществе.

Политическая культура — совокупность существующих в обществе представлений о власти, способах ее утверждения, функционирования и замены.

Политогенез — 1) становление государства (самое раннее употребление термина); 2) становление и эволюция сложной (надлокальной) политической организации; 3) в самом широком смысле — становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще.

Поглач — индейский обычай раздачи накопленных богатств на специальном празднике.

Рационализация — переход от традиционных способов поведения к рационально установленным правилам (термин М. Вебера).

Редистрибуция — перераспределение продукта по вертикали.

Реципрокация — перераспределение по горизонтали.

Ритуал — форма регулярно совершаемого символического поведения, предназначенного для поддержания или восстановления магической гармонии.

Род — родственное объединение, ведущее свое происхождение от единого предка.

Рэмэдж см. *клан конический*.

Сегментарная организация — система разделения первобытного социума на мелкие подразделения, которые дробятся на еще более мелкие компоненты и т.д.

Синполитейные общества — первобытные общества, эволюционирующие под воздействием уже сложившихся цивилизаций.

Статус — социальное положение индивида.

Стратификация — разделение совокупности людей на страты на основе неравенства.

Тайные общества — институт, возникший на основе мужских союзов. Вступление требовало организации престижных пиров. Деятель-

ность осуществлялась закрыто. Считается, что т.о. выполняли карательные функции, защищали интересы своих членов, восполняя тем самым слабость публичных органов управления.

Трайбализм, трибализм — проявление в современном обществе солидарности с соплеменниками, племенной розни.

Фратрия — объединение нескольких родов внутри племени (Л. Морган).

Харизма — способность внушать последователям веру в сверхъестественные способности.

Чифдом (от англ. *chiefdom*) см. *вождество*.

Эгалитарное общество — первобытное общество, в котором отсутствует неравенство.

Экзогамия — запрет вступать в брак внутри своей группы.

Эндогамия — заключение брака только внутри своей общности.

Этнография, этнология — 1) то же, что *антропология культурная*; 2) раздел антропологии, занимающийся изучением этносов (народов) и этнического разнообразия мира.

Этология — наука о поведении животных.

Учебное издание

Крадин Николай Николаевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебник

Редактор Э.М. Горелик

Корректор Т.Н. Тертышная

Компьютерная верстка П.Ю. Аборина

Художественное оформление Т.Ю. Хрычевой

*В оформлении переплета использован фрагмент фотопортрета
последней китайской императрицы Ци Ци*

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2:953000

Подписано в печать 27.12.2003, № 5(и)

Формат 84х108/32. Печать офсетная

Бумага офсетная. Печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз.

Заказ № 738

Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:

105318, Москва, Измайловское ш., 4

Тел./факс. (095) 369-5819, 369-5668, 369-7727

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте <http://logosbook.ru>